приводят к сотрудничеству двух руководящих капиталистических держав, то это надо знать, чтобы не *набить себе шишек на голове*. «Но,—говорит тов. Бухарцев,—если сделать логические выводы из такой оценки международного положения, то нельзя будет найти *ничего утешительного* ни для перспектив мировой социальной революции, ни для перспектив укрепления нашего Союза». Если тов. Бухарцев считает необходимым находить утешение в отрицании фактов, то это его дело, но тов. Чичерин наверное поблагодарил бы его за совет утешаться таким дешевым образом. Советую тов. Бухарцеву прочесть мою работу «об эре демократического пацифизма», напечатанную в октябрьском-ноябрьском номере «Красной Нови», и статьи в «Правде»—«На пути к Новой Антанте», может быть, он найдет там *действительный, не придуманный материал, на котором я строю перспективы дальнейшего развития социальной революции и укрепления* СССР. Эти перспективы основываются на том факте, что даже англо-американскому сотрудничеству не удастся устранить конфликтов с другими, хотя бы более слабыми, капиталистическими державами; что растет отпор восточных народов и, наконец, что и англо-американское сотрудничество не будет вечно продолжаться. «Эта кооперация разобьется в тот момент, когда выступят наружу различия интересов обоих конкурентов (контрагентов) при дележе добычи, или когда неудачи англо-американской кооперации сделают более прибыльными для каждого из контрагентов попытаться на собственный счет сговариваться с колониальными народами или капиталистическими странами, представляющими теперь об'ект англо-американской политики». («Красная Новь», октябрь-ноябрь 1924, стр. 261). Если вместо того, чтобы находить точки опоры в действительной жизни, утверждать, как это делает тов. Бухарцев, что «в техническом сотрудничестве» англо-американских банков состоит все англо-американское сотрудничество, то этим можно утешить... мир, но не помочь русским рабочим ориентироваться в сложном международном положении.

Тов. Бухарцев «ухватил», но он очутился в положении городового Глеба Успенского, который жаловался, что хотел схватить злоумышленника за шиворот, но, увы, шиворота у того не оказалось. Мы не будем говорить о вреде таких упражнений и для хватающих и для партии, ни об источниках любви к «беспредметному движению», о котором говорит Щедрин: «налетел, нагрянул, ушиб,—а что ушиб, он даже не интересуется и узнавать об этом».

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

...йтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 3–4 (19–20)

ФЕВРАЛЯ 25

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 25 ФЕВРАЛЯ 3—4 (19—20)

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 33896. Москва. Тираж 50.000 экз.

Типогр. изд. „Правда" и „Беднота". Яузск. мост, Серебрянич. наб., д. 23а.

Н. Бухарин.

Значение аграрно-крестьянской проблемы.

В наши дни аграрный и крестьянский вопросы, очень тесно связанные друг с другом, приобрели вновь крайне острый интерес. Если в СССР эта проблема стоит в центре и теоретической дискуссии и практических мероприятий, то, с известными оговорками, то же самое можно сказать и о капиталистических странах, и о странах полуфеодальных. Это, конечно, отнюдь не случайно. Здесь проявляется известная строгая историческая закономерность, закономерность совершенно об'ективного порядка. До войны мы имели такую тесную взаимозависимость между странами, что стало уже смешным оспаривать наличие мирового хозяйства. Война, с ее разрушительными влияниями, неизбежно вызвала в разных странах ряд аналогичных последствий: упадок производительных сил, дезорганизацию «нормальных» экономических отношений, передвижку экономических соотношений между городом и деревней, между индустриальными метрополиями и аграрными колониями; передвижку—вслед за экономикой—социальных силовых соотношений между городом и деревней и различными классами капиталистического общества и т. д. Под знак вопроса поставлено самосуществование капиталистического общества, которое складывалось в течение столетий; под знак вопроса поставлено бытие того «правопорядка», который считался «естественным», «нормальным», «его же не прейдеши». Пролетариат впервые в ряде могущественнейших выступлений властно заявил претензию на общественную власть и руководство, и в России победоносно прорвал всемирную цепь капиталистической армии. При такой громадной неустойчивости общественных соотношений совершенно неизбежно, что и господствующая буржуазия, и претендующий на господство пролетариат, ставят перед собой вопрос о союзниках. Поэтому борьба за влияние на крестьянство является одной из характернейших черт современной исторической эпохи.

Общая оценка крестьянства со стороны буржуазии известна. Приведем несколько примеров этой оценки.

Проф. И. Конрад пишет о крестьянине:

«В политическом отношении он (крестьянин) является, благодаря своей оседлости и привязанности к земле, основой здо-

рового сельского быта и имеет в крупных округах значение, как промежуточное звено между крупным землевладельцем и простым рабочим. Крестьянское сословие было во все времена самым консервативным элементом в государстве; оно привязано крепкой традицией к старине и выступает в ее защиту с величайшей энергией. Оценка собственности, любовь к родине делает его естественным врагом городских революционных идей и крепчайшей плотиной против социал-демократических стремлений (это было написано до падения герм. соц.-демократии. Н. Б.). Поэтому его не без основания обозначали, как надежнейший столп всякого здорового государства» [1]).

Проф. Аугуст Скальвейт в недавно вышедшей работе выражает ту же самую мысль:

«Социальная структура (Der soziale Aufbau) государственного организма, в котором сельское хозяйство занимает значительное место, обладает особой силой... Подымающееся до классовой ненависти недовольство... не имеет благоприятной почвы в деревне. Историк культуры Риль (Riehl) назвал крестьянина и поземельное дворянство силами социальной инерции (des sozialen Beharrens), в противоположность к городским буржуа и пролетариям, которых он обозначил, как силы социального движения (der sozialen Bewegung). Земледельцем легко управлять (Der Landmann lässt sich leicht regieren). Он придает внутренней политике государства устойчивость и постоянство. Городские государства подпадают слишком легко радикализму, господству черни (Pöbelherrschaft или тирании» [2]).

Этот цицероновский язык достаточно показателен. Однако, данная оценка крестьянства, прекрасно выражающая намерение, цели, и—если хотите—идеалы господствующих буржуазно-помещичьих кругов, далека от об'ективной истины. Она переоценивает свойства определенных слоев крестьянства и, главное, она переносит на все времена черты определенной исторической эпохи. В этом сказывается ограниченность исторического кругозора буржуазии, которая легко позабывает отдаленное прошлое и которая не особенно далеко заглядывает в будущее.

А между тем, старик Энгельс писал в своей работе о «Крестьянской войне в Германии»:

«Есть революционные традиции и у немецкого народа. Было время, когда и в Германии появились люди, которых можно поставить рядом с лучшими мужами революций других стран; когда немецкий народ обнаружил стойкость и энергию, которые у нации более централизованной могли бы дать самые блестящие результаты; когда немецкие крестьяне и плебеи носились с идеями и планами, не раз приводившими в содрогание их потомков» [1]).

Здесь не место подробно говорить о революционных крестьянских движениях и в Англии, и в континентальной Европе, и в России («смутное время», Разин, Пугачев, 1905 год, 1917 г.), и в Азии и т. д. Но указать на эти факты необходимо, чтобы сразу стала очевидной мелкая тупость буржуазных идеологов, которые самодовольно успокаивают себя надеждой на извечный, от бога данный, консерватизм крестьянина.

Что крестьянство в определенной исторической полосе, в особенности в некоторых своих общественных прослойках, играло консервативную роль, не подлежит никакому сомнению. Различие между западно-европейским и русским крестьянством об'яснялось, напр., тем кардинальной важности фактом, что полоса буржуазных революций в Европе в общем и целом закончилась, и в этом процессе революций был нанесен громадный удар феодально-землевладельческим отношениям. В России же феодальная поземельная собственность продолжала существовать; поэтому аграрный (а вместе с этим и крестьянский) вопрос был «национальной особенностью» очередной революции. «Запоздание» буржуазно-демократической революции в России привело, в свою очередь, к возможности ее перехода в революцию социалистическую и к тому сочетанию «пролетарской революции и крестьянской войны», которое (для Германии) расценивалось К. Марксом, как наиболее благоприятное сочетание с точки зрения пролетарской победы.

Протекающий на наших глазах общий затяжной кризис капитализма раскрывает перед нами картину, в высшей степени пеструю и многоцветную. С одной стороны, и в самих капиталистических странах произошли крупнейшие изменения; с другой— выступили на сцену проблемы так наз. «отсталых» и «колониальных» народов. Страны с феодальным и полуфеодальным режимом, позолоченным золотом финансового капитала метрополий, поднимают довольно громко свой голос. «Крестьянская война» в этих странах переплетается с борьбой против империализма, оказываясь, таким образом, частью всемирно-революционного процесса.

Таким образом, новая историческая полоса делает с точки зрения чисто об'ективной, необходимым и для буржуазии радикальную переоценку крестьянства или, точнее, его довольно широких слоев, а вместе с этой новой оценкой вызывает необходимость и новых практических мероприятий.

Небесполезно дать себе отчет в том, какую, приблизительно, массу человечества включает крестьянство.

[1]) *J. Conrad:* Bauerngut und Bauernstand (statistisch). Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 2. Band, 3. Auflage, s. 635.

[2]) *August Skalweit:* Agrarpolitik Berl. und Lpz., 1923, s. 17 (Handbuch der Wirtchafts-und Sozialwissenschaften, Band. 17.)

[1]) *Ф. Энгельс:* Крестьянская война в Германии, пер. Г. Котляра, под ред. Финна-Енотаевского. СПБ. 1905.

Население земли распределяется по странам следующим образом [1]:

	Поверхность в 1000 кв. килом.	Число жителей в тысячах.
Европа	10.000	463.000
Америка	43.000	212.000
Азия	44.000	900.000
Африка	30.000	136 000
Австралия	9.000	8.900
Итого	136.000	1.719.900

Таким образом, половина населения земного шара падает на Азию (900.000 из 1.719.000). Из этой цифры на долю Китая приходится 436.095.000 [2]), т.-е. почти столько приходится на всю Европу с ее развитой промышленностью, ее городами и т. д. Фабричных рабочих насчитывается примерно 550 тысяч [3]), больше—железнодорожников, портовых рабочих и т. д. Совершенно ясно, что громаднейшая масса населения, около 400 миллионов, приходится на долю крестьян.

Вторым огромным человеческим резервуаром является Индия. Общее количество населения в Индии по цензу 1921 г. составляло 319.075.000 [4]).

По расчетам тов. Роя, опирающегося на ценз 1911 г., из общего населения в 315 милл. 280 миллионов жило в деревнях и поселках (менее 5.000 жителей); из них земледелием и скотоводством занимались 224 миллиона; из этих последних на ренту жили 8½ милл.; если еще вычесть 7 милл. скотоводов, то остается около 167 миллионов одних крестьян земледельцев [5]).

В Союзе ССР, в стране европейско-азиатской, общее количество населения—133.504.000; из них городского населения—21.880.000, сельского (т.-е. почти исключительно крестьянского)—111.624.000 [6]).

В Соединенных Штатах С. А., по последнему цензу (1920 г.), все население измерялось цифрой 105.710.620; из них на долю города приходилось 54.304.603, на долю деревни — 51.406.017 (48,6%) [7]). «Взрослого» (свыше 10 лет) населения, занятого в земледелии, лесоводстве и скотоводстве в 1920 г., насчитывалось 10.953.158 (26,3% всего «работающего» населения); из них

[1]) *Jahrbuch für Wirtschaft. Politik und Arbeiterbewegung 1923—1924*, s. 235. Арктическая область (11 милл. кв. кил.) не включена в подсчет.
[2]) *The China Year-book 1924—5.* p. 30.
[3]) *China.* Wirtschaft und Wirtschaftsgrundlagen, hg. von Dr. *Joseph Hellauer*, s. 25.
[4]) *The Indian Year-book 1924.* ed. by Stanley Reed. London.
[5]) *Manabendra Nath Roy,* India in transition. Jenève. 1922. pp. 42—43; 51—52.
[6]) *Народное хозяйство СССР в цифрах.* Изд. ЦСУ. Москва. 1924, стр. 6—7.
[7]) *Fourteeth census of the United States taken in the year 1920*, Volume III. Population, p. 15.

молочных фермеров, фермеров и скотоводов (dairy farmers, farmers, and stock raisers) насчитывалось 6.201.261, тогда как рабочих здесь же (dairy farm, farm, and stock farm laborers), насчитывалось 4.041.627 (остальное падает на более дробные специальности) [1]).

По всей Европе (за исключением Англии) сельское население составляет около 50%. При этом, однако, нужно постоянно иметь в виду, что хозяйственные организмы империалистских государств непосредственно связаны с их колониями. Если Франция, напр., имеет в 1921 г. (90 департаментов) 18.206.000 городских и 21.004.000 сельских жителей, то не нужно забывать, что она имеет 57 миллионов жителей в колониях, и здесь подавляющее большинство этих жителей приходится на крестьян [2]). И т. д.

Из этих бегло указанных цифр видно, какую громадную роль играет еще крестьянство, как определенная социальная сила. Тот конкретный капитализм, который «нам» приходится свергать, а «им» приходится защищать, это не абстрактный капитализм чистой теории; это—капитализм, где подавляющее большинство населения состоит еще из самостоятельных земледельцев, из крестьян, которые—в незначительной своей части—вырастают, как эксплоатирующая сила, в своей основной массе становятся—в разнообразнейших формах—об'ектами капиталистической эксплоатации. Число этих «третьих лиц» поистине огромно. И тем не менее, капитализм уже теперь вступил в эпоху своего крушения под тяжестью своих внутренних противоречий, демонстрируя тем самым, что его «тенденции развития» революционнее, чем революционное их отражение даже в такой голове, как голова тов. Розы Люксембург.

Если мы вступили в полосу ожесточенных конфликтов (а мы в нее безусловно вступили), то вполне понятна борьба обоих общественных полюсов (буржуазии и пролетариата) за «третьих лиц», за использование различных классовых прослоек внутри этих «третьих лиц» и т. д. Для революционного пролетариата эта задача была—в международном масштабе—поставлена тов. Лениным еще на II Конгрессе Коминтерна. В резолюции по аграрному вопросу говорится:

«...промышленные рабочие не могут выполнить своей всемирно-исторической миссии освобождения человечества от гнета капитала и от войн, если эти рабочие будут замыкаться в узко-цеховые, узко-профессиональные интересы и самодовольно ограничиваться хлопотами об улучшении своего, иногда сносно-мещанского, положения. ...Действительно революционным, действительно социалистически действующим

[1]) *Abstract of occupation statistics.* Washington 1923, pp. 482—483.
[2]) *Annuaire général de la France et de l'étranger* 1924, p. 83.

классом пролетариат является лишь при условии, что он выступает и наступает, как авангард всех трудящихся и эксплоатируемых, как вождь их в борьбе за свержение эксплоататоров» [1]).

Нужно отчетливо представлять себе, что речь идет здесь не только о том, чтобы «использовать» крестьянство, как тяжелую пехоту, в непосредственных боях против буржуазного государства. Вопрос стоит гораздо глубже, если рассматривать его, как одну из проблем международной революции. Крестьянство (точнее, его определенные слои), этот огромный массив человечества, не перестает существовать и после победы пролетариата, даже после его **мировой** победы. **Пролетариат**—класс, преобразующий все общество, является сам по себе еще **меньшинством** населения земли. Этого не нужно забывать. Поэтому проблема сочетания хозяйственных форм, проблема **сожительства** с крестьянским хозяйством, проблема его **перестройки** и т. д. является и будет являться крупнейшей проблемой переходного периода, т.-е. целого ряда десятилетий. Социально-политический «союз» между рабочим классом и крестьянством, «гегемония» рабочего класса, не могут быть оторванными от определенных соотношений в экономической области. А, с другой стороны, общая проблема средств существования будет в нашу эпоху, до окончательного упрочения нового режима, давить гораздо больше, чем в довоенное время. Таким образом, никак нельзя отмахнуться от того **факта**, что эпоха крушения **мирового** капитализма застает пролетариат, как **меньшинство** населения, меньшинство, которое является большинством лишь в исключительно развитых отдельных странах, взятых притом без их колониальных «хозяйственных дополнений». Отсюда—по всем линиям экономики и политики—специфические трудности, которые нужно суметь преодолевать, но от которых, повторяем, нельзя отмахнуться.

Mutatis mutandis те же проблемы стоят и перед **международной буржуазией**, только здесь все соподчинено главной цели: упрочению капиталистического общества.

Прежде всего, перед буржуазией стоит, как и перед победоносным пролетариатом в СССР, **проблема производства**:

«Теперь боятся уже не изобилия, а нужды» [2]).

«Весь мир согласен прокламировать, что **производить** должно быть нашим наиболее общим лозунгом. И именно со стороны сельского хозяйства нужно сделать наше первое и главнейшее усилие» [3]).

---

[1]) *Резолюции и устав Комм. Интернационала*, принятые II Конгр. К. И (19-го июля—7-го августа 1920 г.) Изд. К. И. Петроград, стр. 103—104.

[2]) *Henri Hitier et Joseph Hitier:* Les problèmes actuels de l'agriculture. Payot. Paris. 1923. p. 8: «C'est n'est plus l'abondance qu'on redoute, c'est la disette».

[3]) *Ibidem*, p. 9.

Но эта проблема сельскохозяйственного **производства** рассматривается сейчас буржуазно-помещичьими кругами отнюдь не как «**чисто**»-производственная проблема,—настолько тесно переплетены различные (экономические, политические, внешнеполитические, военные, социальные и т. д.) моменты.

Эти поиски определенной ориентации, где различные тенденции внутри господствующего класса соответствуют его промышленному и аграрному крылу, выражаются, прежде всего, в проблеме: «**индустриальное государство или аграрно-индустриальное**»?

«Аграрное» течение протестует против излишней индустриализации стран, требует специальных мер по охране сельского хозяйства (и, конечно, ренты), стоит за систему таможенных пошлин на хлеб (аграрный протекционизм) и т. д. «Промышленное» (в условном смысле) не склонно сдерживать развитие индустрии.

Основные моменты—в изложении сторонников аграрного «уклона»—здесь таковы:

1. **Общая экономическая перспектива.** Быстрая индустриализация сделает индустриальные страны «данниками» аграрных стран, данниками Соединенных Штатов, Аргентины, России.

2. **Военно-стратегический момент.** Хозяйственная независимость, «самодостаточность», «автаркия» является предпосылкой военных успехов. Без этого страна не может выдержать современной войны.

3. **Социально-классовый момент.** Быстрая индустриализация ведет также к росту классовых противоположностей, к ослаблению консервативно-настроенного «сельского хозяина», крестьянина, деревни вообще, что особенно ужасно для теперешнего времени.

Неустойчивость капиталистического режима в целом отражается на том, что все эти вопросы буржуазные идеологи должны рассматривать теперь с точки зрения **социальной опасности**. Эта болезнь за господство в обществе лишь подчеркивает снова и снова необходимость, во что бы то ни стало, удержать за собой крестьянскую массу. Возьмем несколько примеров.

Крики о «возвращении к земле» явно опираются не только на интересы ренты в узком смысле слова, но и на болезнь города, как революционного очага. Отсюда лозунги «реагризации» и даже «цереализации» («Cerealisierung», от «cerealia» — зерновой хлеб, хлебные злаки) хозяйства. **Адольф Вагнер**, напр., в первую очередь обосновывает свои требования тем, что необходимо смягчить «классовые противоположности», что необходимо «замедлить» процесс роста «экстремистско-социалистических идей»; **Генрих Дитцель**, возражая Вагнеру, указывает, со своей стороны, на опасность роста поземельной ренты в связи с аграрным протек-

ционизмом: это де создаст почву для «аграрного коммунизма», «который был бы таким же опасным species (видом), как и марксизм» [1]). Во Франции, где сельскохозяйственная продукция особенно потерпела от войны, появилось среди буржуазии течение за форсированный рост крупного сельскохозяйственного производства. Вот как рисовалось будущее сельского хозяйства некоторым сторонникам этого «земельно-возрожденческого» движения:

«Создадутся поземельные общества (des sociétés foncières), которые будут обладать обширными участками земли, организуют огромные, прекрасно оборудованные, именья и решительно пойдут по пути (se lanceront dans) культуры крупного производства»... [2]). Целый ряд авторов, однако, решительно возражает против такой постановки вопроса, хотя все они горячо стоят за «retour á la terre» («возвращение к земле»—боевой лозунг этих кругов и заглавие книги Méline'a). При этом любопытно, что в борьбе против «новой формулы крупных анонимных предприятий» («La culture par grande entreprise anonyme c'est une formule nouvelle») [3]), эти авторы (Méline, Hitier и др.) выдвигают следующее соображение:

«Эта трансформация, будучи обобщенной, вызвала бы в сельскохозяйственном мире (dans le monde rural) отделение труда от капитала (la séparation entre le capital et le travail), результат, которому ученики Маркса могли бы только аплодировать (!), как факту, подтверждающему теории учителя, но который мы считаем несчастием и который нужно избежать в интересах общества (dans l'interêt social)» [4]). Отсюда лозунги: «все для земли и через землю» («pour terre et par la terre»), «земля—крестьянской семье» и прочие вещи, которыми наиболее понятливые буржуа хотят укрепить свое влияние на крестьянство.

Вышеприведенные примеры говорят о том, что буржуазия не может ставить теперь вопрос с точки зрения одной технико-производственной и экономической рациональности. Неустойчивость отношений диктует ей в первую очередь заботу об удержании власти над крестьянством, для того, чтобы направить это последнее против пролетариата.

Это с полной откровенностью и с поистине классической ясностью формулируют... американские финансово-капиталистические круги.

В Hutchinson News (Канзас, С.-А. С. Ш.) мы находим следующие положения:

---

1) *Heinrich Dietzel:* Agrar-Industriestaat oder Industriestaat. Handwörterbuch der Staatswissenchaften. 4. Aufl., B. I

2) *Caziot:* Expertises rurales et forestières.

3) *Hitier*, l. c., p. 28.

4) *Ibidem*, p. 26. См. также *Wygodzinsky:* Agrarpolitik в Hndw. d. st., 4. Aufl., B. I, s. 80.

«Демагоги утверждали..., что фермеры должны об'единиться с рабочими или социалистами, или с налогоплательщиками, или с какой-либо другой группой избирателей, интересы которых отнюдь не идут по линии фермерских интересов (not at all in line with those of the farmers).

Если фермер будет заключать политический союз, он должен заключать его с крупным капиталом (he should do so with the big interests). Он должен заключать союз (tie up) с банками, железными дорогами, промышленниками (manufacturers) и Волл-Стритом. Они являются действительными друзьями фермера, потому что это люди (the people), которые желают ему процветания, и собственное процветание (prosperity) которых основывается на процветании фермера» [1]).

Таким образом, мы видим здесь точную формулу тактики «единого фронта» против пролетариата. Лозунг «смычки» или «лицом к деревне» диктуется не только господствующему пролетариату, но и господствующей буржуазии: даже американские трестовики, разорившие во время последнего «аграрного кризиса» чуть ли не треть фермеров, провозглашают этих последних основным устоем американского общества! В дополнение картины стоит также упомянуть о «крестьянской» ориентации российских белогвардейцев, начиная от монархистов, понявших в известной своей части, что земли уж не вернешь, и кончая меньшевиками и эсерами, которые все надежды возлагают на разрыв крестьянства с пролетариатом и на «восстановление сношений» этого крестьянства с «действительными друзьями» в роде Путиловых, Коноваловых и других героев «здорового капитализма».

«Сходство проблем» (в условном смысле, конечно), которое бросается в глаза при сравнении капиталистических стран и между собою и со странами Союза, об'ясняется тем обстоятельством, что до войны мы имели налицо факт мирового хозяйства, разодранного впоследствии войной.

Поэтому мы наблюдаем, прежде всего, так называемый мировой аграрный кризис, явление величайшей важности. «Этот кризис—как совершенно справедливо пишет в своей отличной аналитической работе тов. Н. Осинский:...лишь выявил действующие силы того основного, глубокого, конституционального

---

1) «The demagogues have been saying for years that the farmers should join with the laborers or with the socialists or with the single taxers or with some other group of voters whose interests are not at all in line with those of the farmers.

If the farmer makes a political alliance he should do so with the big interests. He should tie up with the banks the railroads, the manufacturers and Wall street. They are the real friends of the farmer because the are the people who wish him prosperity and whose own prosperity is based on that of the farmer». Цит по *The Bache Reviem* a summary of the general financial and business situation published every week by J. S. Bache & C°, № от 6 декабря 1924 г.

кризиса, который переживает с 1919 г. все мировое капиталистическое хозяйство. Такими действующими силами... являются: 1) диспропорция совокупного производства в мировом масштабе (между странами); 2) диспропорция между городом и деревней (в масштабе мировом и внутринациональном)...; 3) диспропорция в производстве средств производства и средств потребления, или разрыв связи между ними внутри отдельных стран; 4) диспропорция между производством средств потребления и реальным доходом рабочего класса» [1]). Характерно то, что и такое явление, связанное с кризисом, как «ножницы», стало, в известный период, явлением мировым; сходство обнаруживается (несмотря на различие социальных структур), и в производных, хотя крайне существенных, вопросах: например, политика цен наших советских хозяйственных организаций (до осени 1923 г.), с одной стороны, и монополистических об'единений на Западе и в особенности в Америке—с другой. Лишь решительный нажим со стороны рационализирующей силы в наших странах—нашей партии—уничтожил это сходство. Само собою разумеется, что под этими аналогичными тенденциями скрываются аналогии в положении и, следовательно, в сфере ближайших задач. Нарушенное равновесие между городом и деревней является причиной основных вопросов политики повсюду. Потребность восстановить это равновесие, потребность усиленного накопления, чтобы наверстать потерянное за время войны, задача удержать крупную индустрию от разрыва с сельскохозяйственным рынком и, следовательно, вопрос о емкости внутреннего сельскохозяйственного рынка; проблема налогов; проблема сокращения непроизводительных расходов и т. д., и т. п.; наконец—last but not least—задача удержания под своей гегемонией мелкого сельскохозяйственного производителя,—весь этот круг вопросов в своей позитивной форме стоит и для господствующей буржуазии, и для господствующего пролетариата.

В высокой степени интересно отметить, что нередко формально одинаковыми являются и известные методы решения этих проблем. Мы уже отмечали главный метод—тактику единого фронта. Она идет, так сказать, по всей линии: и по линии политики, и по линии экономики. Чрезвычайно характерно, например, что вопрос о кооперации стал одним из центральных вопросов экономической политики буржуазии. Американские капиталисты нередко прямо финансируют эти организации, чтобы взять на повод фермеров, которых они, с другого конца, безбожно разоряют. В ряде стран, в связи с аграрно-крестьянским движением, проведены—весьма куцые—земельные реформы, и часть помещичьей земли должна была быть

[1]) *Н. Н. Осинский.* Мировой кризис сельского хозяйства. Новая деревня, Москва, 1924 г., стр. 135—136.

принесенной в жертву для укрепления власти над крестьянством. Политика аграрных пошлин точно так же усиленно используется для об'единения крупных аграриев и крестьян под флагом одного и того же требования относительно цен на продукты сельского хозяйства (эта же задача относительно повышения хлебных цен стояла одно время и у нас, но решалась иначе).

В последнем издании своей книги о социализме проф. Вернер Зомбарт [1]), анализируя крах («Zerfall») социалистического довоенного движения и отдавая должное большевизму, как продолжателю старой революционной, марксистской традиции, представляет себе дело так, будто факты разрушают марксистское движение и социалистические иллюзии, а мы снова и снова, на манер добродетельной Пенелопы, ткем свою старую ткань и запеваем старые песни.

Нет ничего более неверного, чем такое изображение хода событий. И только неуменье буржуазных идеологов мыслить в широких исторических масштабах и пропорциях об'ясняет нам эту странную научную аберрацию.

Мировой капитализм бурно развивался в конце XIX и начале XX века. И одновременно с этим он—на основе сверхприбыли от колоний—подчинял своему влиянию и часть рабочего класса, иногда очень значительную. Среди рабочего класса, внутри совокупного мирового пролетариата, образовались деления классообразного порядка. Антагонизм между «буржуазным пролетариатом» (Энгельс об английском рабочем классе) и «пролетарским пролетариатом», между рабочей аристократией и рабочей «чернью», между верхушкой квалифицированного и широкими массами менее квалифицированного и неквалифицированного труда, между пролетарской верхушкой крупнейших империалистских государств и широкими массами рабочего класса других стран; коротко говоря, антагонизм между пролетарскими соучастниками буржуазии в получении прибавочной ценности и, так сказать, «чистыми» об'ектами эксплоатации, возрос в недрах рабочего класса до крупнейшего противоречия. Это противоречие было, с одной стороны, причиной краха прежнего социалистического движения и—несколько позднее—главной причиной того, что удержался еще до сих пор капиталистический режим.

Часть рабочего класса врастала в механизм капиталистического государства и идейно врастала в царство буржуазных взглядов, буржуазной идеологии и т. д.

Если так обстояло дело с пролетариатом, то нетрудно понять, насколько дальше должно было уйти всасывание крестьянства в сферу буржуазно-капиталистических интересов. Европейское крестьянство давно уже пережило эпоху буржуазных

[1]) *Werner Sombart:* Der proletarische Sozialismus. 2 Bände.

революций; американское фермерство росло с самого начала в условиях, при которых элементы феодализма были минимальны; иначе обстояло дело с русским крестьянством, но и здесь частная собственность пустила мощные и глубокие корни. Головокружительные успехи капиталистического хозяйства привели к быстрой диференциации прежнего «крестьянского сословия»: оно распалось не на «классообразные» категории, оно распалось на классы, хотя и соединенные между собой целым рядом промежуточных ступеней. «Grossbauer», капиталистический крестьянский фермер, нанимающий рабочих, «кулак»—это уже такая классовая категория, которая полярно противоположна батраку или крестьянину, возмещающему недостаточность «дохода» своего хозяйства работой по найму. Как ни старались замазать эти факты исследователи патриархально-консервативного или народнического направления, однако, они, эти факты, были реальностью. Совершенно естественным является поэтому и то, что своей богатой «головкой» крестьянство врастало, таким образом, чрезвычайно основательно, крепко и прочно в организацию господствующих классов. Понятно также, что и середняцкое «трудовое» европейское крестьянство, т.-е. крестьянство, либо совсем не имеющее рабочих, либо имеющее ничтожное их количество, обладая возможностью (не в целом, а для отдельных своих составных единиц) подняться выше, не прочь было, равным образом, тянуться за верхним слоем. Наличность многочисленных переходных ступеней, при ярко выраженных, классово-противоположных флангах, обеспечивало своеобразную механику врастания крестьянства в сферу буржуазно-помещичьих интересов. «Interessengemeinschaft» (общность интересов), которая сложилась между буржуазией и верхушками пролетариата, в возведенном в степень масштабе, создалась между господствующими классами (в особенности их аграрным крылом) и очень значительной частью крестьянских масс.

В Европе, как упомянуто, исключение представляла Россия, где необычайно резко были выражены остатки феодально-кабальных отношений на земле и где кулачество не могло вырасти в такую силу, как, напр., немецкий Grossbauer. С другой стороны, иначе дело обстояло и на колониальной периферии, где диференциация крестьянства была замедленной, где нередко основным процессом был процесс общей массовой пауперизации, с хроническими голодовками и своеобразным «равенством в нищете», где сохранились, с другой стороны, феодальные отношения, осложненные всеми прелестями беспощадной эксплоатации со стороны иностранного капитала.

Военное потрясение мирового хозяйства знаменовало собой начало обратного процесса; процесса «разбуржуазивания» масс.

У пролетариата этот процесс начинается с выступлений его наименее коррумпированных слоев, но по мере того, как утрачивается экономическая основа привилегированного положения у квалифицированных рабочих, по мере того, как растет угроза потери колониальных сверхприбылей и колониальной «сверхплаты», начинается «полевение» и этих слоев. Лучшей иллюстрацией этого могут служить процессы, происходящие внутри английского рабочего класса.

Иначе, но все же аналогично, идет тот же процесс и в крестьянстве. Оно потерпело большие потери людьми; крестьянское хозяйство, несмотря на высокие хлебные цены и относительное усиление позиции деревни, было сильно подорвано общей разрухой; аграрный кризис довольно резко ударил по нему. Для иллюстрации мы приведем лишь данные о положении американских фермеров. В результате специального обследования, произведенного весной 1923 г. Departament of Agriculture по 15 штатам, производящим пшеницу, мы имеем такие данные [1]):

	I. Собственники (owners.)	II. Фермеры арендаторы (tenant farmers):
Потеряли свои фермы в результате банкротства (through foreclosure or bankruptcy)	4%	7,2
Покинули фермы, не заявляя о банкротстве (without legal proceedings)	4.5%	7,8
Избегли объявления о своем банкротстве только из за «снисхождения кредиторов» (only because of the leniency of their creditors)	свыше 15%	21,3
	Итого . 23,5%	Итого . 36,3%.

Эти цифры говорят сами за себя.

Прежняя устойчивость сменилась неустойчивостью. Само собою разумеется, что и здесь в общем и целом, конечно,—раньше других приходит в движение наименее зажиточная часть крестьянства, в первую очередь крестьянская беднота. Колониальное крестьянство, почувствовавшее ослабление сил империализма, мелкое парцельное крестьянство, а затем и некоторая часть середняков стремится итти самостоятельным путем. Русская аграрная революция, ряд крупных восстаний и волнений на Балканах, в Румынии, в Польше и т. д.; колониальные движения; движение в Индии и Китае; тяга к выделению из общеаграрных рядов со стороны мелкого и части среднего крестьянства в Польше, Чехо-Словакии, Германии, Франции; наконец — движение американских фермеров,—все это явления того общего процесса, о котором мы говорили выше.

---

[1]) *Agriculture Yearbook* 1923. Washington. 1924, p. 121. (The whead situation. A report to the president by the secretary of Agriculture).

Буржуазия пытается парализовать эти усилия и комбинированными методами усмирения—с одной стороны, тактики единого фронта—с другой, свести на нет этот великий процесс.

Однако, логика фактов неизбежно окажется сильнее всех пожеланий. Не подлежит теперь никакому сомнению общее направление «развития». Капитализм все быстрее воспроизводит свои противоречия. Уже первый бурный взрыв этих противоречий в их мировом масштабе—мы говорим о всемирной войне 1914—1918 годов—вызвал к жизни громадное пролетарское государство, сменившее великую царскую империю и расшатал устои капитализма повсеместно. Но, не излечив своих ран, капитализм со стихийной силой идет к новым катастрофам, до крайности обостряя внутренние противоречия своей системы. Только безнадежным тупицам реформированного социализма и социалистического реформаторства маячит сейчас свет мирного хода вещей. Действительность говорит другое. Поэтому жалким недомыслием является сейчас для капиталистических стран теория «конструктивного социализма», долженствующая заменить марксизм. Впрочем, с капиталистической точки зрения г-да Черновы, Макдональды, Бернштейны, Каутские и Ко служат прекрасными инструментами. Они «конструктивны» по отношению к капиталистическим странам; они «деструктивны» по отношению к странам пролетарским.

Но по мере того, как все больше и больше идет процесс «разбуржуазивания» широких народных масс, и пролетарский коммунизм становится все более руководящей силой, теряется почва и под «социалистическим» оппортунизмом, а городской рабочий класс все чаще превращается в вождя широких трудящихся масс вообще.

Завоевание этих масс, прежде всего, масс крестьянской бедноты, под руководство пролетариата, есть одна из важнейших предпосылок победы пролетариата. И для решения «деструктивной» задачи, задачи разгрома, разрушения капиталистического режима, и для решения «конструктивной» задачи, организации «смычки» между городом и деревней — эта предпосылка неизбежна.

Маркс в одном месте говорит, что движение противоположности между городом и деревней определяет собой целые исторические эпохи. Империализм и его войны доводят эту противоположность до наивысшей точки, несмотря на все усилия преодолеть это противоречие. Но в то же время, великая социальная катастрофа создает предпосылки для нового отношения между мировым городом и мировой деревней: эти предпосылки выковываются в совместной борьбе рабочего класса и идущих за ним слоев крестьянства, в метрополиях и в колониях. И это есть начало выхода из противоречий капитализма вообще, начало

выхода из истребительных войн, начало всемирно-исторической реорганизации человечества.

Так массовая сила раздробленных мелких производителей может стать—и станет—под руководством пролетариата великой освободительной силой нашего времени. Пролетарская всемирная революция сочетается с «крестьянской войной».

Этот процесс идет разным темпом, в разных формах, иногда глубоко отличных друг от друга. Учесть конкретные особенности его—непременная обязанность коммунистической партий. Они выполнят свою задачу, если отдадут себе ясный отчет во всей громадной важности аграрно-крестьянской проблемы.

Д. Марецкий.

Идейные блуждания социал-предательства.

(Окончание).

„Конструктивный социализм" Виктора Чернова.

После того, как и русский рабочий класс и русское крестьянство недвусмысленно вручили г. Чернову желтый билет политического банкрота, его естественным «историческим» уделом оказалось неустанное творчество «нового» социалистического «миросозерцания». «Знамение времени» капиталистического распада, специфическая жажда «переоценки ценностей» не только не осталась чуждой, но целиком завладела мыслями В. М. Чернова. И вот из-под пера его выходит большущая книга, носящая горделивый заголовок: «Конструктивный социализм», том I», а в самом непродолжительном будущем обещает появиться и второй том его произведения.

Отваживаясь на столь грандиозное литературное предприятие, г. Чернов, само собой разумеется, придает ему совершенно исключительное значение, влагает в него смысл прямо-таки «коперникианского деяния». «...Торжество демократического и конструктивного социализма», провозглашает Чернов, необходимо для всего будущего мировой культуры, международного мира и подлинного о ч е л о в е ч е н и я ч е л о в е ч е с т в а [1]).

Если, таким образом, от успехов «конструктивного социализма» зависит не более не менее, как затеваемое Черновым «очеловечение» всего «человечества» и «будущее» всей культуры и социализма, то отсюда логически вытекает, что и настоящее социализма, переживаемое западно-европейским социализмом состояние кризиса определяется опять-таки недостатком или отсутствием «конструктивизма». Ссылки на «измену вождей» г. Чернов об'являет вздорной и нелепой экстремистской «демагогией». «Все н а ш е изложение,—говорит он,—имеет целью показать, что причина (кризиса социализма. *Д. М.*) гораздо проще: незавершенность, однобокость прежнего довоенного социализма» [2]).

А в чем секрет распространения большевизма? И тут ларчик открывается, по Чернову, чрезвычайно просто: «Ибо только полное отсутствие конструктивной системы социализма и могло породить безумную готовность большевизма экспериментировать над судьбами страны и жизнью народов» [3]).

[1]) Конструктивный социализм, стр. 401, курсив Чернова.
[2]) Там же, 72 стр.
[3]) Конструктивный социализм, стр. 66.

После такой широковещательной рекламы, которую дает г. Чернов своему «учению», позволительно было бы, конечно, ожидать, что главным делом г. Чернова окажется добросовестная и подробная расшифровка того великого конструктивного рецепта, с помощью которого он намеревается «очеловечить человечество». Однако это не так: приемы нашего новоявленного конструктивного Заратустры оказываются довольно-таки «деструктивными». В главу угла своей работы г. Чернов ставит критическое изложение и низложение всевозможных «деструктивных», однобоких, разрушительных социалистических систем, которые до сего времени с громадным убытком для «мировой культуры» господствовали в международном рабочем движении. Понятно, что в качестве типичнейшей, от'явленно «деструктивной» системы Чернов берет современный коммунизм. Добрая половина его книги и посвящена критике большевизма. Посмотрим раньше всего вкратце, в чем эта критика заключается, насколько она «деструктивна», уничтожающа.

Выступая с критикой большевизма, нельзя сказать, чтобы Чернов вел себя «ganz modern», по современному. Теперь, в 1925 г., «жало» его критики направлено целиком на эпоху военного коммунизма: годы нэпа оказываются за полем его зрения, их он касается лишь мельком. Но что же мы узнаем от Чернова по поводу большевизма «героического периода русской революции», как назвал эпоху военного коммунизма т. Крицман? (Мы извиняемся за развертываемую нами в статье панораму выдержек из Чернова, но таким путем, думается, читателю легче будет постигнуть всю премудрость черновской «системы»).

Во-первых, мы узнаем от Чернова, что большевизм с момента захвата власти прошел три «фазы»: начальную, когда господствовал «анархо-советизм», «власть на местах» и красногвардейские налеты на банки; вторую фазу «главкизма», когда «все захваченное порознь» собиралось в одну кучу и «бюрократизировалось советская экономика»; и третью фазу—военного коммунизма [1]). Такая «фазеология» Чернова означает, что он попросту не понимает, что такое военный коммунизм, не понимает, что «главизм» и военный коммунизм не различные «фазы», но что «главизм» и «бюрократизация» и были формами проявления военного коммунизма.

Во-вторых, в главе об «отправной позиции и методе большевизма» мы узнаем от Чернова, что большевизм есть «социализм, императивный по форме», социализм, «действующий» «повелительными наклонениями», декретами» («социал-декретинизм», острит Чернов), а по существу большевизм есть социализм деструктивный. Ниже мы разберем, в чем заключается большевистский «деструктивизм».

В-третьих, историческим аналогом большевизма неожиданно оказывается поросшая мохом древности «Спарта», которую лишь «заново открыли Колумбы большевизма», т.-е. кроме всего прочего Черновым глубокомысленно смазывается вся «маленькая» разница между диктатурой пролетариата и господством аристократии, которое имело место в Спарте.

В-четвертых, большевизм выступает как историческое продолжение... махаевщины (?!), ибо травит (??!) интеллигенцию.

[1]) Конструктивный социализм, стр. 379.

В-пятых, по Чернову выходит, что гражданская война эпохи военного коммунизма была «братоубийственной войной, раздиравшей ряды самого рабочего класса» (!) и что хозяйственный «развал» был обязан, с одной стороны, «большевистской хозяйственной политике» непосредственно, а с другой—происходил от большевистской политики косвенно, «посредством вызванной ею многолетней гражданской войны, расщепившей и бросившей друг против друга ряды самого рабочего класса (!?!). Намек на социальное распознание процессов времен военного коммунизма здесь прямо-таки прекрасен: война с Юденичем, Колчаком, Деникиным, Врангелем изображается как война с отрядами «рабочего класса». И такая «конструктивная» пошлость еще шныряет на литературном рынке в 1925 году!

В-шестых, Чернов совершенно серьезно пытается уверить своих читателей, что «взгляды Ленина» на социализм и революцию «сравнительно» с взглядами «Герцена» представляют собой огромный и решительный (!?) регресс (!??) [1].

Пожалуй, приведенных мест хватит. Читатель по ним сам может судить о силе разрушительного действия черновской «конструктивной» пушки. Обратимся теперь к обстрелу марксизма, учиняемому Черновым на ряду с обстрелом коммунизма.

По отношению к отцам научного социализма, г. Чернов ведет себя внешне меньшим Собакевичем, старается соблюсти известную критическую деликатность. Более того, он даже согласен на то, чтобы сделать свой конструктивный социализм законным историческим детищем научного социализма. Для того, чтобы определить место конструктивного социализма в общей истории социалистических идей, Чернов «тоже» не прочь «пококетничать с гегелевской диалектикой»; он строит цепочку из трех звеньев—положения, отрицания и отрицания отрицания. И процесс развития социалистической мысли развертывается по следующей «триаде» Чернова. Первое звено, «тезис», по Чернову—это социализм утопический, второе—«антитезис», социализм научный, учение Маркса и Энгельса и, наконец, заключительный аккорд — «синтез»: конструктивный социализм Чернова. «С тем же правом,— сообщает Чернов,—с каким прошлое социализма характеризовалось, как перерождение его из утопического в научный,—его настоящее и будущее может быть характеризовано, как перерождение его из научного в к о н с т р у к т и в н ы й или о р г а н и з а ц и о н н ы й... Организационный социализм является лишним наглядным свидетельством того, что утопический и научный социализм с некоторой точки зрения перестают быть противоположностями, не исключают более друг друга, но примиряются в высшем синтезе» [2]).

---

[1]) Констр. соц., стр. 194. А вот еще один из перлов Черновской «критической» язвительности, перл, достойный распространения в отхожих местах всей белогвардейской прессы. Большевики, рассказывает Чернов, задумали «ввести» единообразную «мужскую форму» и «женскую форму» одеяния и головного убора. Но женские причуды и вкусы оказались еще сильнее, чем все императивы большевистской государственной экономии и «спартанцы» центротекстиля и главодежды в бессилии остановились перед решительным штурмом этого векового бастиона, который может быть воздвигал свои твердыни и у каждого из них по дому (стр. 301). Стиль-то какой: «бастион» воздвигающий «твердыни»(!).

[2]) Стр. 12—13. Свою замечательную «триаду» Чернов развивает и в социал-демократическом «Die Gesellschaft»—в юбилейном номере, посвященном Каутскому.

Приятно, конечно, сознавать себя самым почетным, третьим членом триады, быть «высшим синтезом» утопического и научного социализма, на что скромно претендует Виктор Чернов, но одно такое желание, хотя бы оно и подкреплялось выдумыванием соответствующей случаю «триады», далеко недостаточно. Нужны какие-то осязательные об'ективные основания. Вместо таковых, мы находим у Чернова, кроме триады самой по себе, лишь два соображения. Первое—это то, что утопический и научный социализм не так уж друг другу противоречат, что в недрах утопического социализма мы находим массу элементов социализма научного, так что последний лишь продолжал дело первого. Опираясь на мнения такой малопочтенной плеяды ученых «знатоков марксизма» как Пауль Барт, Петр Струве, Н. Черкезов, Михаил Барановский и др., Чернов старательно перечисляет и раздувает «научные» моменты в произведениях Томпсона, Годвина, Пеккера, Фурье, Консидерана и других утопистов. Но, конечно, наличие различных «эмбрионов» научного социализма, поскольку они действительно были у утопистов (постольку о них говорили сами Маркс и Энгельс), ничуть не меняет того факта, что «эмбрионы» оставались «эмбрионами», а также и того, что утопистов и Маркса-Энгельса разделяло о с н о в н о е, самый характер, тип и метод их учений, которые исключают всякую возможность добродетельного черновского «синтеза».

Второе соображение, выдвигаемое Черновым—это то, что «утопический и научный социализм» лишь «сосредоточивали свое внимание на двух р а з н ы х сторонах социальной проблемы». Утопический ориентировался лишь на идеал общества будущего, был отвлеченным плодом кабинетной мысли. Наоборот, марксизм однобоко увлекся изучением об'ективной логики событий, впал «в сверхисторический об'ективизм», в «фатализм»—так что и тут как нельзя более кстати об'единяющая черновская конструктивная гармония.

По поводу этого соображения, заметим, что «однобокость», которую Чернов приписывает марксизму—продукт явного смешения понятий. Верно, что учение Маркса чуждо утопического «идеализма». Но нелепо и вульгарно ставить знак равенства между марксизмом и «фатализмом». Известно, что Маркс всегда, с неоставляющей никакого сомнения ясностью подчеркивал действительный революционный момент своего учения, что он исключительно высоко ценил «историческую инициативу масс», «штурмующих небо». Лишь г.г. Штаммлерам, Зомбартам, нашим «легальным марксистам» и теоретикам социал-демократии периода упадка угодно было опошлить марксизм, исказить его существо, изуродовать его в фаталистический об'ективизм. Подлинный революционный марксизм всегда был и остается заклятым врагом фатализма, и он, разумеется, ни капли не нуждается ни в каких добавочных, «преодолевающих» фатализм конструктивных подпорках г. Чернова и ни в каком его «синтезе».

Поскольку же в «триаде» Чернова содержится мысль дополнить марксизм утопическим прожекторством «обществ будущего», «операционными планами» для «следующего» дня после социальной революции, поскольку эти последние планы высасываются Черновым из пальца, а не из учета реальных тенденций развития, не из анализа опыта настоящих революций, постольку «триада», конечно, не только не двигает нас ни на шаг «вперед», но реши-

тельно тащит нас назад к утопическому социализму или, в лучшем случае, назад к Баллоду—Атлантикусу [1]).

Оставим однако в покое столь соблазнительную для самого Чернова, магическую и ничего по существу не говорящую его «триаду» и запросим все-таки о «конструктивном плане», как таковом. Мы узнаем очень немногое. Если конструктивный социализм есть прежде всего, в общем, большой синтез утопического и научного социализма, то этот большой синтез распадается на ряд «синтезов» второго порядка.

Конструктивный социализм должен быть «высшим синтезом» государственности, кооператизма и синдикализма. «Отрешаясь от однобоких концепций государственного социализма, синдикализма и кооперативизма (принципы плана социализации. *Д. М.*) представляют собой высший синтез этих концепций. В этом синтезе—душа социализации в отличие от проектов «национализации», «огосударствления» и т. п. Синтетичность вообще является основною чертою, душою конструктивного социализма» [2]).

«Синтетичность» здесь заключается в том, что между государственностью, синдикализмом и кооперативизмом должна существовать «согласованность», координированность, известное разделение труда (синдикализм действует «дифференцирующим» методом, овладевает порознь целыми ветвями производства; кооперативизм действует методом «интегрирующим», разрастается во все стороны из единого центра, государственность «в ходе развития должна отмирать» и т. п.). Эти общие, ни к чему не обязывающие положения, Чернов поясняет конкретно тем, что переписывает некоторые немецкие «проекты» социализации, делает им наклейку «конструктивный» и таким бесхитростным манером «очеловечивает человечество».

В ранг высшей «синтетичности», составляющей «душу конструктивного социализма» возводится между прочим аграрная программа социалистов-революционеров, со всеми ее обветшалыми принадлежностями («трудовым миросозерцанием», уравнительностью, отрыжками из ревизионистского учения Эдуарда Давида, старушкой поземельной общиной, тоже фигурирующей в роли «очага» конструктивного социализма и т. п. Характерно, что Чернов не обмолвливается ни об одной черточке различия, существующей между старой аграрной программой и «новой» конструктивной. Последняя оказывается попросту старой эсеровской погудкой на новый «конструктивный» лад).

Следующий «синтез», который несет на своих знаменах конструктивный социализм, есть синтез между городским однобоко-индустриальным социализмом и социализмом деревни. Дух «урбанизма», дух города, господствующий в современном социализме, должен «смягчиться» элементом здорового «рурализма», духом деревни, равным образом движения «передовых» стран Нового и Старого Света, стран полнокровного капитализма, должны синтезироваться с движениями народов Востока.

Единственная партия, которая не на словах, а на деле осуществляла и осуществляет «синтез» урбанизма и рурализма, т.-е. переводя на человеческий язык, союз пролетариата с крестьянством и соответственно антиимпериалистический союз «народов Запада» с «народами Востока»—это партия коммунистов, в международном масштабе Коминтерн. Компартии осуществляют этот союз, под знаком революционной гегемонии передового класса, пролетариата. Но Чернов против Коминтерна, против его «деструктивно-демагогической линии». Идейно-политические симпатии Чернова полностью на стороне II Интернационала, сила исторических позиций которого, в значительной мере, и обусловлена империалистическим гнетом «цивилизованных» стран над колониальными народами. Примыкать ко II Интернационалу и одновременно выбрасывать лозунг синтеза «урбанизма» и «рурализма», это как раз и значит делать этот «синтез» бессмысленным платоническим пожеланием. Но мы и раньше уже успели убедиться, что «конструктивные» формулы г. Чернова не блещут сколько-нибудь ощутимым содержанием.

1) Недаром этому самому Баллоду, «государство будущего» которого наряду с государственной властью и презервативами увековечивает и армию и попов, Чернов подчеркнуто расточает свои комплименты.

2) Констр. соц., стр. 310.

Для разрешения всех многочисленных необозримых «конструктивных» и «организационных» задач социализма В. Чернов считает нужным привлечь на свою сторону ту общественную группу, функция которой в социальном целом специфически «организаторская», конструктивная, — группу интеллигенции. «Серп» и «молот»,—заявляет Чернов,—должны третьим равноценным собратом иметь «книгу» [1]). «Труд и наука» опять-таки должны примириться между собой в «высшем синтезе». «Социализм доселе организовал лишь работников физического труда, был теоретическим осознанием их исторической миссии и осмысливал для них жизненный путь. Аналогичной роли для работников умственного труда, для трудовой интеллигенции, он не играл. Но он должен эту роль сыграть, если хочет оказаться на высоте своих конструктивных задач» [2]). Сейчас нам станет ясным к какому новому «синтезу» приведет этот «синтез» г. Чернова. До сих пор, раскрывает нам свои карты Чернов, «социализм, занимаясь проблемами физического труда, обострял материализм своей социальной философии». В настоящее время «конструктивный социализм» должен реабилитировать поруганные права идеалистической надстройки. «Идеалистическая сторона социализма, его содержание, как новой культурной философии, как новой высшей ступени в области морали,—та сторона, которой со времен Герцена, Михайловского и Лаврова, так много занималась, так называемая, русская социологическая школа, должна получить свое развитие, превратив, таким образом, социализм из односторонне материалистического в синтетический и интегральный». (Стр. 24).

Теперь перед нами таинственное третье «конструктивное» звено черновской триады вырисовывается с исчерпывающей рельефностью.

Теперь нам понятно, в чем заключается черновское «развитие», проталкивание «вперед» научного социализма.

Теперь мы видим, что это лишь зауряднейшая идеалистическая ревизия марксизма.

Теперь мы видим, что это прикрытая стыдливыми «конструктивными» словечками реставрация суб'ективной социологии Ми-

1) Стр. 26. В своей гипертрованной ставке на интеллигентских «организаторов» конструктивный социализм.

2) Стр. 23. В. Чернов логически и социально примыкает к «организационному» социализму А. Богданова.

хайловского, той самой, на критическом «сечении» которой в давно прошедшие времена упражнялось все подрастающее поколение русских марксистов [1]).

Теперь мы отчетливо слышим жалобный вопль Чернова «назад к Лаврову», назад к его «критически мыслящим личностям», вопль, раздающийся в унисон и с криками «назад к Атлантиксу!», «назад к Фурье!»

Теперь мы воочию распознаем и тот сокровенный «мотив» (протащить «идеалистический момент» в социалистическое движение), который побудил Виктора Чернова глубокомысленно прокламировать его дикий «тезис» относительно «регресса» Ленина «сравнительно» с Герценом.

«Стратегический» смысл конструктивного социализма, со всеми его аттрибутами: «очеловечением человечества», мошеннической «триадой» и громогласными «синтезами»—сводится единственно лишь к тому, чтобы, прикрывшись новыми словесами и новыми «формулировками», во что бы то ни стало протащить тот заезженный оппортунистическо-идеалистический хлам, над которым давным-давно уже раздавался погребальный звон истории, но который от этого нисколько не перестал быть об'ектом щемящей тоски для Виктора Чернова.

* * *

Есть одна большая «проблема», которая действительно во весь свой гигантский рост стоит сейчас перед интернациональным рабочим движением, и которую пока мы оставляли в стороне, несмотря на то, что «попытку» решения ее сделал и Чернов. Эта проблема—выраженная в модных терминах Чернова-Макдональда—есть проблема соотношения между «конструктивным» и «деструктивным» моментами в современном социализме и коммунизме, соотношения между «разрушительскими» и «строительскими» сторонами в деятельности пролетарских партий.

Очень легко понять, что проблема эта в свою очередь прямиком упирается в вопросы о социальной сущности государства и о захвате власти.

В самом деле, в зависимости от того, как определяются нами задачи госвласти, как нами проблема власти решается, находится и оценка условий применения «конструктивных» или «деструктивных» методов.

Если мы проблему государственной власти решаем по-марксовски и по-ленински, если мы принимаем, что буржуазная власть есть концентрирующий в себе экономическую мощь всего буржуазного класса специфический аппарат воспроизводства на постоянно расширяющейся основе самих капиталистических производственных отношений, то тем самым мы считаем отрезанной, исключенной всякую возможность социалистической созидательной, «конструктивной» работы до тех пор, пока эксплоататорская власть еще не взорвана, поскольку она еще продолжает сковывать в своих стальных тисках все социальное целое. Путь к конструктивной социалистической работе лежит через труп

[1]) Здесь не трудно нащупать и некоторый идейный стык между Черновым и Макдональдом по «социологической» линии: Чернов черпает свою социологическую мудрость из Михайловского, Макдональд из Спенсера, но Михайловский сам был «эпигоном» Спенсера.

Сообщим, кстати, что как это ни странно Чернов ни словом не упоминает о «конструктивном социализме» Макдональда — возможно из понятной «скромности», возможно из-за вполне обычной для Чернова—неосведомленности.

капиталистической власти. Социальное поле должно быть предварительно основательнейшим образом «деструктивно» расчищено, прежде, чем общество превратится в гигантскую лабораторию социалистического строительства. Деструктивный социализм, следовательно, является логическим преддверием к конструктивному. «Конструирование» же социализма в рамках буржуазного государства, «конструирование» социализма до экспроприации экспроприаторов, с этой точки зрения есть либо оппортунистический обман, либо оппортунистический самообман.

Другое дело, если мы будем питаться иллюзиями относительно «вне»-, «между»- или «над»-классового характера государства, если политическую власть мы будем трактовать, как в принципе «нейтральный» для всех «сосуществующих» классов «социальный обруч». Тогда роль конструктивных и деструктивных методов предстанет перед нами в существенно ином освещении. Сфера влияния деструктивного момента резко сузится, конструктивное «начало» будет всегда играть первую скрипку. Социалистическое строительство станет возможным до политической революции, сама революция будет поставлена под знак вопроса. «Die Sozialisferung marchiert», «дело социализации продвигается» и может продвигаться еще задолго до социалистического переворота и там, где это возможно, даже *предшествовать* ему [1]).

Чернов, который вообще говоря постоянно обходит вопрос о власти, склоняется, разумеется, ко второму оппортунистическому разрешению вопроса. Безобразнее всего однако то, что он пытается в своих взглядах сделать повинным самого Маркса. Вот как он «излагает» Маркса:

«Чтобы... междуусобная борьба (классов. *Д. М.*) не разорвала общества на части, не разрушила самого бытия общественного коллектива, необходима *какая-то высящаяся над классами государственная власть*, железными обручами сбивающая стремящиеся расколоться, распасться части нации. И этим отдельным частям приходится ко всем прочим видам своей урегулированной внешними юридическими нормами борьбы прибавить лишь борьбу за меру влияния на эту государственную *власть, принципиально занимающую надклассовое положение, в качестве выразительницы «интересов целого»* [2]). Эту идиллическую «надклассовую» галиматью г. Чернов, ни секунды не смущаясь своего невежества, имеет наглость назвать «оценкой исторической роли государственности Марксом и Энгельсом».

И бесцеремонно превратив величайших революционеров XIX столетия в невиннейших «надклассовых» херувимчиков Чернов находит соответствующее решение проблемы сочетания «конструктивного» и «деструктивного».

«Предрассудок, ...будто бы в работе социализма разрушение неизбежно предшествует *созиданию*»... «нельзя себе предста-

[1]) Иллюзия конструктивной социалистической работы в пределах буржуазной системы является внутренним пороком теоретических представлений и Каутского, Бауэра, Гильфердинга и К°. Оппортунисты 2-го «антидеструктивного» Интернационала слепы (или притворяются слепыми) к тому, что конструктивизм в рамках капиталистического государства может быть лишь подсобным социал-демократическим конструированием самого капитализма. «Конструктивный социализм» есть в действительности буквально всего только «уконструктивный капитализм» и не больше.

[2]) Констр. соц., стр. 32. Курсив наш.

вить ничего худшего... для партии будущего, чем роковое отставание созидательной работы от разрушительной... созидание должно не следовать за разрушением, тем самым неизбежно перманентно отставая от него, но везде, где это возможно, даже предшествовать ему» [1]).

Такая «отправная» точка зрения Чернова по общему вопросу о соотношении конструктивного и деструктивного методов, неизбежно влечет за собой и ряд его других частных оппортунистических положений.

Раз деструктивное, и логически, и исторически, и даже хронологически подчинено конструктивному, раз последнему навсегда запрещено отставать от деструктивного, то отсюда неминуемо вытекает и фактическое отрицание революции. Правда, Чернов называет свой конструктивный социализм «революционным», правда, на словах он еще «за революцию». Но по существу он против революции, ибо невозможно же представить себе такого рода волшебный революционный переворот, в котором созидание «не отставало» бы от «разрушения». Цену своей «революционности» В. Чернов лучше всех определил сам, назвав «настоящим конструктивным революционером» реформиста Жуо, душой и телом продавшегося французской буржуазии.

Разоблачая «деструктивную демагогию», отрицая определяющую роль проблемы власти, Чернов полон самых радужных надежд на конструктивное вызревание социализма в «порах» старого общества. Капиталистическое государство, согласно Чернову, необозримый плацдарм для его конструктивизма. «Синтетическая» работа в «кооперативах», «синдикатах» и отстаивание надлежащей «меры влияния» в государстве открывают «труду» в союзе с «книгой» самые блестящие конструктивные перспективы. Дело здесь, разумеется, не в том, чтобы разрушать буржуазное государство, как то предлагают нафантазированные «гипнозом власти» коммунисты, а чтобы в рамках, во всех порах этой власти конструктивно подготовлять, развертывать социализм.

В качестве самого веского аргумента в пользу законности такого конструктивного барахтанья в «порах» капитализма, Чернов мобилизует «исторические прецеденты предшествующих революций». Последние, уверяет Чернов, говорят именно за его «великую заповедь».

«Ошибочно было бы думать, что величайшее из социальных потрясений прошлого—Великая Французская Революция, сначала уничтожила феодализм, а затем начала создавать основы буржуазного капиталистического уклада жизни. Этот новый уклад уж был налицо, совершенно готовым, он гнездился, так сказать, в порах старого режима» [2]).

К несчастью, для г. Чернова это историческое сопоставление буржуазной и пролетарской революций, убийственно оборачивается против его собственного конструктивного социализма. Действительное своеобразие новой пролетарской революции по сравнению с революцией старой буржуазной заключается как раз в том, что накануне пролетарской революции пролетариат в «порах» буржуазного общества не может «вызреть» в экономически, материально господствующий класс, как это могла сделать буржуазия в «порах» феодальной системы. Экономическая сила, материальные богатства, средства производства могут в основном сосредоточиться и сосредоточивались в руках буржуазии еще в рамках феодального государства до буржуазной революции. Но никому еще до сих пор не приходила в голову дикая идея пролетарской революции, которая совершается после того, как до нее пролетариат экономически «вызреет», завладеет общественными средствами производства в буржуазном государстве. Буржуазное государство, в котором средствами производства распоряжается пролетариат—это уже геркулесовы столпы сверхконструктивного вздора.

[1]) Констр. соц., стр. 211—212.
[2]) К. с., стр. 212.

Подобно тому, как, вопреки Чернову, материальное, экономическое «вызревание» пролетариата в порах буржуазного общества немыслимо, подобно этому, тем более немыслимо и его социалистическое культурное «вызревание» в старых «порах». Материально, экономически и социально подавляемый и угнетаемый класс не может переродиться культурно до своего социально-экономического освобождения. В условиях господства капитала, самым механизмом этого господства, рабочий класс «вызревает» не по части «быта, культуры, учреждений и накопления организационных навыков управления», как это ему предписывает конструктивное шарлатанство, но вызревает в смысле классовой солидарности и растущей «воле к власти». А такое «вызревание», прямыми путями ведет к «деструктивной» большевистской демагогии, которой пуще огня боится Чернов.

Но довольно с нас господина Чернова. Мы убедились, что представляет собой этот политический «ученый» паяц, неожиданно вздумавший вдруг «очеловечить человечество». «Конструктивные искания» Чернова, политически направленные лишь к тому, чтобы отвлечь пролетариат от его центральной задачи—задачи захвата власти—оказываются покушением с негодными средствами. Передовой пролетариат знает, где лежит «проблема проблем» настоящего, а не черновского строительства социализма.

Могучая революционная встряска, встряска, неминуемо «деструктивная», в пламени которой вызревает и закаляется великая диктатура пролетариата, грядет по лицу всего мира, как бы ни противоречила она «конструктивным» вкусам г.г. Черновых.

Ем. Ярославский.

Религия на службе капитала.

Кто изучал историю первоначального накопления, тот знает какую огромную роль в нем играли церкви и монастыри. Вернер Зомбарт в «Современном капитализме», описывая накопление капитала путем перехода состояний, приводит чрезвычайно интересные данные о роли церковных и монастырских организаций. На вопрос, «куда же стекались в средние века в докапиталистическое время деньги, в большом количестве сосредоточивавшиеся в руках единообразной располагающей ими власти», Зомбарт указывает одно такое место из числа самых значительных—это Camera apostolica (апостольская копилка). Эта «апостольская копилка» называлась в свое время матерью денег (mater pecuniarum). С IX века доходы со всех христианских стран начинают приливать в Рим в виде лепты св. Петру, и в XII веке поповские финансы устраиваются по новой, имеющей большое значение системе, с которой мы знакомы по позднейшему времени. С этого времени сборы принимают денежный характер, далеко оставляя за собою вотчинные доходы в смысле выгоды для кассы, и в исходе средних веков развивается та система универсального церковного фиска, которая приводит в конце-концов к реголюции [1]).

Попы провели повсюду обязательство присылать сборы только в виде монеты золотой и серебряной, и по некоторым записям прежнего времени можно судить о том, каково было экономическое могущество католической церкви. Один доход только от крестовой десятины, то-есть сбор, который периодически производился свыше XII века на крестовые походы, но «употреблялся обыкновенно для надобностей далеко не соответствующих их первоначальному назначению», оценивался в 800.000 турнейских ливров, то-есть около 20 миллионов рублей золотом. Но еще больше были доходы церковных орденов. Один только доход госпитальеров, у которых было 19.000 обителей, откуда каждый рыцарь мог получать вооружение и продовольствие, равнялся 36 миллионам франков золотом.

Известно, какое огромное состояние накоплено было русскими монастырями. Правда, вместе с падением феодализма значение монастырских организаций значительно падает всюду. В особенности падают всюду размеры монастырского землевладения, и стало быть, и того дарового крестьянского труда, который служил одним из серьезных источников обогащения церквей и монастырей. Но еще в начале этого столетия, когда во Франции началась борьба с конгрегациями, во Франции насчитывалось (в 1901 году) 152 мужских ордена и конгрегаций с 30.000 членов и 1.511 женских с 184.000 членов.

[1]) Вернер Зомбарт „Современный капитализм, издание Д. С. Горшкова, Москва, 1903 год. I том, первый выпуск, страница 248.

Развитие капитализма, образование в городах значительных кадров промышленного пролетариата, конечно, значительно подорвало влияние церкви именно в этих слоях. Церковники жалуются: «Нельзя отрицать, что в Англии, как и в Германии, рабочий класс совершенно равнодушен не только к англиканской церкви, но и ко всем религиозным организациям; точно так же опять, как и в Германии, высоко образованные и высоко стоящие интеллектуально люди не могут считаться регулярными посетителями религиозных собраний». Это в Англии. Но и «в Германии в XIX веке церковь достигла крупных успехов; но она потеряла широкие круги населения, которые, хотя внешне принадлежат к ней, но или чужды ей, или враждебно настроены. В XIX веке церковь пришла в сильное противоречие с общественной духовной жизнью, и это в Германии сильнее, чем в Англии и в Америке. Против церкви и против религии вообще, особенно в середине XIX века, поднялась нарастающая волна материализма, которая в виду огромного роста естествознания, колоссального роста техники и промышленной жизни и в особенности с 1871 года, на почве религиозного индифферентизма особенно сильно распространялась. При помощи марксизма и социал-демократии это мировоззрение захватило низшие слои нашего народа» [1]).

Исторический опыт показал нам, что религия является наиболее консервативной надстройкой, что она переживает надолго социально-экономическую действительность, которая ее породила. Но этот же исторический опыт говорит нам о необычайной приспособляемости религиозной идеологии, умении церкви находить нового хозяина, который выгодно оплачивал бы ее услуги. Верой и правдой служила церковь феодализму. Она отстаивала феодализм всеми мерами. Самые жесточайшие пытки, костры, массовое истребление еретиков,—все это отмечает роль церкви в защите самых реакционных форм хозяйства. Но когда дальнейшее развитие производства потребовало перехода к новым формам, капиталистическим,—церковь и здесь была не последней в деле укрепления буржуазного могущества, оставаясь и при капитализме наиболее реакционной силой, наиболее тяготеющей к отсталым формам эксплоатации, к поддержке всех пережитков феодального строя, монархии, политического и экономического неравенства. Она должна была, однако, и организационно перестроиться. В Америке, например, где в руках отдельных трестов сосредоточены колоссальнейшие средства, тресты должны иметь на своем содержании, к своим услугам не только газеты, журналы, повседневную прессу; отдельные тресты держат у себя на содержании не только университеты, поэтов, художников, ученых и журналистов, которые в речах, в стихах, статьях и научных трудах с университетских кафедр, перед школьниками восхваляют благодетельное влияние такого-то треста; но хозяева этого треста должны иметь у себя в стране собственные храмы и церковно-служителей, которых трест воспитывает, обучает в

[1]) Из церковной энциклопедии за 1910—1913 г. „Die Religion in Gechichte und Gegenowart".

построенных на средства треста колледжах. И эти сотни и тысячи проповедников потом будут восхвалять благодетельное влияние треста с церковной кафедры и новым светом новейшей капиталистической веры осветят все прошлое небесное учение. И в самом деле, разве банановый трест или тресты, возглавляемые Рокфеллером, Морганом, Карнеджи, Фордом,—разве они не заслуживают божьего благословения, разве не являются величайшим оправданием надежд всех верующих, разве не насаждают эти магнаты капитала царство божие на земле?

Владимир Ильич Ленин придавал огромное значение изучению этих капиталистических религиозных организаций: в статье «О значении воинствующего материализма» (журнал «Под Знаменем Марксизма» № 3, 1922 г.) он писал, «что особенно важно использование тех книг и брошюр, которые содержат много конкретных фактов и сопоставлений, показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учений и организацией религиозных проповедей». «Чрезвычайно важно,—писал он,—перевести все материалы, относящиеся к Соединенным Штатам Северной Америки, в которой менее проявляется официальная, государственная, казенная связь религии и капитала. Но за то ясно становится, что так называемая «западно-европейская демократия, (перед которой так неразумно разбивают свои лбы меньшевики и эсеры и отчасти анархисты и т. п.) представляет из себя ничто иное, как свободу проповедывать то, что буржуазии выгодно проповедывать, а выгодно ей проповедывать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплоататоров и т. п.».

Да, американские капиталисты, миллиардеры знают цену религии и они не скупятся на содержание служителей церкви. По данным Статистического Ежегодника за 1922 г. (Statistical abstract of the U. S. 1922, Washington 1923, стр. 69—71), в Соединенных Штатах в 1916 году было 197.807 религиозных организаций, с церковным имуществом на сумму 1.676.600.582 доллара и 65.272 пастората, которые оценивают свое имущество в 218.846.096 долларов. Не все эти организации дали сведения о своих доходах, но годовой расход 203.859 организаций, которые сообщили данные, составляет 328.809.999 долларов.

В 1921 году в Американских Соединенных Штатах было зарегистрировано 233.999 церквей, в них 199.331 священнослужителей и более 46 миллионов прихожан; воскресных школ (приходских), куда входят и так называемые Bible classes, т.-е. библейские классы было 199.154. Доходы этих церквей в 1921 г. показаны, приблизительно, около полмиллиарда долларов. Удивительно ли после того, что американский капитал может содержать такую мощную организацию, как «Joung Men Christian Association — «I. M. C. A.»—Общество христианских молодых людей и Young Women Christian Association—Y. W. C. A. —Общество христианских молодых женщин. Эти организации имеют свои отделения и свои агентуры решительно во всем мире, и особенно стараются американские капиталисты ее насаждать в тех странах, которые в перспективе американский капитал надеется подчинить себе целиком, или в значительной степени превратить их, по крайней мере, в свою колонию. Так, мы имеем очень значительное разветвление этой организации в Китае, в Корее, в Японии. Картина, когда вслед за миссионером с библией появляется купец с товарами, а затем солдат с винтовкой,—картина, которая вселяла ненависть всем к империалистам «цветным народам» Африки, Азии и Австралии и Америки,—эта картина соответствует и сейчас действительности. Но без помощи такой религиозной организации американский капитал будет, конечно, чувствовать себя не так спокойно.

Конечно, Общество Христианских Молодых Людей и Женщин приходит не только с библией; оно имеет в своем распоряжении богатейшие средства для привлечения молодежи, литературу, кино, спорт, хороших лекторов, а главное — денежные средства, на которые не скупятся их богатые хозяева. В Китае действует не только Общество Христианских Молодых Людей и Общество Христианских Молодых Женщин; стоит обратить внимание на название другой религиозной организации, несомненно, существующей на средства американских и английских капиталистов—Applied Christianity — Прикладное Христианство. Здесь уже речь идет не об отвлеченных христианских истинах, а о практическом привлечении на сторону американского и английского капитала возможно большего числа сторонников. Правда, американцы всячески стараются прикрыть эту организацию китайским флагом. Китайский публицист M. T. Z. Tyay в книге «China awakened» (Пробужденный Китай) (New Jork, 1922 г., стр. 37) уверяет, что с 1912 года «движение это стало определенно китайским, Китаем финансируется и Китаем руководится». Но тут же выдает себя. «Иностранные секретари, пишет он,—главным образом из Америки, но некоторые из Канады, Великобритании, Дании, Норвегии, Швеции ассоциации находятся под контролем национального комитета, во главе которого стоит мистер Дэвид, окончивший Гарвардский университет». В конце 1919 года это общество имело 170 студенческих организаций в разных учреждениях и миссионерских школах во всей стране с 14.200 членов, с 30 городских ассоциаций в главных городах, с 32.330 членов. Кассовый доход этих организаций составлял 575.197 долларов, другими словами, больше миллиона рублей. Одна эта сумма показывает, что не китайские источники, где господствует конфуцианская религия и буддизм, субсидировали эти учреждения. В течение одного только 1919 года издательством этого союза «Прикладное христианство» издано было до 4.000.000 страниц литературы, издано за этот год было 221 руководство по изучению библии и т. д.

Чтобы еще больше оттенить, зачем нужны американским и другим капиталистам подобного рода организации, стоит отметить, что 22 китайских секретаря этого общества «работали с китайскими рабочими батальонами во Франции во время войны».

В мае 1924 года в Китае состоялась конференция, в которой приняли участие представители $7^1/_2$ тысяч христианских миссионеров, живущих в Китае. Интересен порядок дня этой конференции.

1) Ответственность церкви за 300.000.000 христианского населения Китая.

2) Отношение N. C. C. (National Christian Counseil)—Национального Христианского Совета—к общественным делам в Китае.

3) Положение с опиумом в Китае, и что может сделать N. C. C.

4) **Отношение церкви к перемене промышленного положения в Китае** [1]) (to the changing of industrial conditions in China).

Как видите, совсем не небесные вопросы, а самое настоящее **прикладное** христианство, которое старается приспособиться к изменяющемуся положению промышленности. Стоит только вдуматься в этот порядок дня, и ясно станет, что он продиктован американскими и английскими хозяевами, которые, конечно, по своему «заботятся» и об опиуме, и о христианском населении и о китайской промышленности, и об общественных делах Китая.

Кроме трех указанных организаций, находящихся на службе у капитала, в Китае существует еще организация, чрезвычайно соблазнительная по названию — «Китай для Христа» (China for Christ). Китай для Христа в сущности означает: Китай для американцев, Китай для англичан. Это понимает всякий, кто придает значение не словам, а тому, что скрывается за этими словами. Однако, религиозный журнал «На страже» («Auf die Warte») жалуется, «что все возрастающему религиозному движению среди учащихся высших учебных заведений препятствует основанная в 1922 году антирелигиозная группа, неофициальное название которой «Антихристианский студенческий кружок». «За короткое время—сообщает религиозный журнал—этот кружок уже во всех высших учебных заведениях основывает свои отделы с девизом вести борьбу против всякого религиозного суеверия, к каковому кружок причисляет и христианство».

«Существует мнение,—догадывается орган капиталистов,—что за этой антирелигиозной группой и через нее работают большевики, так как члены этого кружка обвиняют христианство в том, что его поддерживают капиталисты и империалисты». Пожалуй, истина заключается здесь в том, что христианская молодежь начинает видеть по настоящему, что скрывается за лозунгами Китай для Христа, а так как она ищет путь для борьбы с этим обманом, то приходит к большевистским взглядам.

Газета «Друг России», орган отдела помощи русских верующих в Америке для евангелизации России, жалуется на то, что большинство китайских студентов, учащихся в европейских университетах выходят оттуда, пропитанными материализмом и антирелигиозными учениями [2]). Чтоб иметь представление об этом «Друге России», приведу здесь два четырехстишия, помещенных в № 5 сентябрь 1924 г.:

«Там на руинах господских
Тяжкое горе несет,
Как на реках вавилонских
Плачет наш русский народ.
«Жутко во тьме эмиграции,
Глухо дробятся шаги,
Мы лишь обломочки нации
Нам, друг, о нам, помоги!»

* * *

[1]) The China Jllustrated Revien Mai 24—1923.

[2]) Annuare général de la Hance et de l'étranges. Paris, Société d'études et d'information économiques.

Кажется ясно, что за «Друг России».

Не следует слишком на веру принимать жалобы на падение религиозности. Падение религиозности, конечно, несомненный факт среди пролетариата, среди некоторой части крестьянства, но также несомненный факт, что за последние годы церковь напрягает, решительно, все силы для того, чтобы приспособиться к новым условиям, приспособить свое учение. Чего стоит, напр., выступление известного американского епископа [illegible], которого называют большевиком среди епископов в Америке за его молитвы, в которых он обращается к пролетариату. Нельзя сказать, чтобы плохи были дела религии в капиталистических странах. Несмотря на растущее безбожие пролетарских масс, мы имеем, например, следующие цифры укрепления церковных организаций по разным странам. В Англии было:

	Причастников	Учителей воскр. школ	Учеников воскр. школ включая библейные кассы	Священников	Местн. проповедников	Членов
1915	2.136.782	402.132	3.219.633	9.364	50.787	1.995.278
1919	—	399.624	3.161.791	10.863	54.449	—
1920	—	—	—	—	—	—
1922	—	652.500	5.283.700	11.285	48.271	4.224.000

Не безынтересно также сопоставить данные об английской «Армии Спасения», которая является полурелигиозной, полувоенной, а теперь становится местами полуфашистской организацией. Эта «Армия Спасения» насчитывала:

	Декабрь 1918	Декабрь 1919	Декабрь 1921
Офицеров	23.700	24.500	27.400
Взводных (Corpsandutposts) .	10.950	11.170	13.000
Местн. офицер. (Lokal oficers)	68.700	71.400	80.000

Добровольные пожертвования для английской церкви в 1918 году составляли все еще 8.853.000 фунтов стерлингов, т.-е., около 90.000.000 рублей. Понятно, что эти добровольные пожертвования шли, главным образом, из банкирских касс. Сюда не входит **Шотландия**, где общий доход церкви составляет около 410.000 фунтов стерлингов в год (больше 4.000.000 руб. золотом) и Ирландии, в которой сумма церковного дохода составляет 481.000 фунтов, кроме налога (contribution), который составлял 381.000 фунтов, другими словами, Ирландия собирала для церкви более 8.000.000 руб. зол. (Statesman's year Book).

Хотя во Франции велась за последние годы довольно значительная борьба против монастырских конгрегаций, однако, дела французских клерикалов вовсе не так плохи. На 39 миллионов — сведения за 1921—1922 год—во Франции было 31.500 церковнослужителей (кюрэ), из них 70 в Париже и 9.000 викариев, из них 650 в Париже, да в 5 университетах и католических институтах обучалось 4.000 балбесов, специально для подготовки на должности священнослужителей.

Однако, как мы уже сказали, прежняя форма церковной организации, которая в гораздо большей степени соответствовала фео-

дальному строю и пережиткам этого феодального строя вызывает в настоящее время, усложнившееся задачами капиталистического господства, мысли о большем приспособлении церковной организации к трестированному, синдицированному капиталу. В Америке мы имеем настоящий трест церкви, который содержится за счет данного об'единенного единого треста предоставляющего церковному тресту помещения, средства, оплачивающего содержание священнослужителей, а также и тех институтов и колледжей, которые подготовляют этих священнослужителей. О таком рода тресте сообщает орган революционных фабзавкомов в Германии [1]) в статье «Стинезированный бог. Запоздавшие рождественские вести для верующих рабочих Рейнской, Вестфальской областей и Верхней Силезии». Читатель наш, незнакомый с тем, что делается в этой области, не посетует за длинную выдержку из этой статьи.

«В настоящее время верхи немецкой промышленности (через союз работодателей) ведут переговоры с церковными вождями о заключении формального делового союза—«церковь—капитал».

«Пастор доктор Будрио говорит о «Работодателе», что «при современных условиях церковь желает итти в ногу с работодателями по вопросу о рабочем дне и в обсуждении других завоеваний революции», и что им следует заключать «взаимный союз и идеальное содружество».

«Единственное условие, которое ставится церковью раньше, нежели она преобразуется в религию концерна, состоит в том, чтобы ей, по крайней мере внешне, «была оставлена свобода действий и мнений, для того, чтобы извне не было заметно пребращение церкви как бы в орган хозяйственной партии». Придирчивый, мелочной контроль может принести только вред, но тем более великодушные работодатели должны оказывать церкви всяческое содействие!

«Предприниматели и князья церкви заключают друг с другом следующий договор: церковь берет на себя систематическое воспитание рабочих овечек в духе властвующей промышленной политики; «если современная немецкая промышленность хочет снова сделаться великой, свободной и руководящей», рабочий должен быть обработан соответственным образом, что уже является «делом мужей церкви». В этом состоит главная цель всего дела.

Что требует за это церковь? Во-первых — «материальной поддержки церкви». Это значит, что Стиннес должен просто окупить всю священную механизацию, как он покупает газеты, театр и прочие культурные ценности. Во-вторых,—«предоставление помещений для церковных нужд»—следовательно—церкви трестов по американскому образцу. В-третьих, промышленные вожди не должны быть так скупы по отношению к каждому отдельному священнику: «если священник должен понимать промышленника и работать вместе с ним, то нельзя раз в год приглашать его на рюмку вина». Нет, этот номер не пройдет! Все стало дорого. Требования растут. Одной рюмкой вина церковь уже не удовлетворяется. Ей нужно их несколько!

[1]) Arbeiter Ratorgan der Revolutionen Betriebsräte.

«Теперь следует главное: существует целый организационный план присоединения церкви к немецкой промышленности через государственный союз. Предпринимается реформа церкви по всем правилам. Воспитывается особое сословие спецов «промышленных священников». Следует заполнить священнические вакансии в промышленных общинах «настоящими, подходящими для этого людьми», чтобы «установить разумное сотрудничество представителей церкви и промышленности».

«Это новое промышленно-капиталистическое сословие священнослужителей должно получиться в результате специального обучения, которое уже начинается с богословского факультета. Сейчас думают только о Рейнско-Вестфальской области—все кандидаты на место священника, которые должны быть назначены или выбраны в промышленных общинах, должны пред'явить «свидетельства о службе в промышленности в течение года», вместо прежнего «года военной службы». Вместе с церковным ведомством промышленные союзы должны заботиться о том, чтобы молодые богословы проходили курс работы и хозяйства—или, как рабочие, или, как купцы», курс который значительно расширит их кругозор и сделает их особенно способными «практическими помощниками работодателей».

«Это значит: каждый будущий поп в рабочем районе идет на год в обучение к промышленникам. Капиталист практически приучает его к будущей агитационной деятельности среди своих рабочих, как он обучает будущих вояжеров—раз'езных агентов. Вояжеры прославляют качество его товара. Попы должны будут восхвалять доброту его сердца и справедливость его действий. Капиталистическая пропаганда религии делается частью производственной науки.

«Если богослов, который слишком много вычитал в евангелиях о фарисеях, вздумает ворчать—его просто выбрасывают вон, так как, говорит досточтимый отец Будрио, «и промышленность должна от этого выиграть». Таким образом, можно было бы узнать своих людей, рекомендовать подходящих для будущих выборов и замещений. Неподходящим же, без вреда для них самих, указать на то, что вопросы церкви и социальных противоречий—не дело всякого.

«Всякий может быть превосходным Иудой,—думает досточтимый отец,—но таковым и делать нечего в религии! Когда такой обученный священник приступит к своему служению, он должен все время поддерживать связь с работодателями своей общины—«нужно серьезно инструктировать и просвещать его насчет задач промышленности, особенно, конечно, местной,—для того, чтобы священник всегда говорил то, что как раз и нужно Стиннесу в этот момент.

«Священнику, наверное, придется каждую субботу заходить в контору предпринимателя и получать от него инструкции о воскресной проповеди и о текущих задачах недели.. Сегодня нужно проповедывать против повышения заработной платы, завтра проклинать забастовку, послезавтра приводить свидетельства пророков за удлинение рабочего дня, потом отлучать от церкви коммунистов—все так, как это требуется обстоятельствами производства. Тогда, конечно, не будет недостатка и в нескольких рюмках вина! Праведные будут вознаграждены!

«Что это такое? Это, во-первых, переход от кустарничества к научной промышленной организации религии, технический шаг вперед социальной роли церкви. Во-вторых, это действие изменения земельного капитала в капитал тяжелой промышленности нового времени: прежде священник служил помещику, теперь он держит нос по ветру—правит на нового господина, на крупную промышленность».

Чтобы закончить этот беглый обзор наиболее интересных фактов, рисующих религию на службе у капитала, необходимо ознакомиться с созывом в августе месяце в Стокгольме «всемирной конференции практического христианства», со всемирным поповским христианским с'ездом. В обращении ко всем верующим и ко всем христианским церквам, секретариат по созыву этой конференции об'ясняет, почему они созывают эту конференцию: «В настоящее время,—говорится в воззвании,—в христианстве царит беспокойство, страх, ужас и разделение. Существует только один выход из этого положения—это, чтоб святой дух пробудил в сердцах священное пламя христианской любви, любви к богу и ближнему».

О чем же будут беседовать там батюшки?—Об этом красноречиво говорит порядок дня конференции:

1) Намерения бога, его отношения к человечеству и долг, который вытекает из них для церкви.
2) Церковь и экономические промышленные проблемы.
3) Церковь и нравственные социальные проблемы.
4) Церковь и международные отношения.
5) Церковь и христианская община.
6) Изучение методов церковного об'единения.

Интересна молитва, которая сочинена группой епископов и рассылается теперь уже, чтобы ее изучили и повсюду возносили ее к господу богу для того, чтобы обеспечить дело: «Всемогущий бог, наш небесный отец, бог мира и любви! Мы благословляем тебя и мы воздаем тебе благодарение за то, что ты послал твоего Христа, нашего спасителя, чтобы принести нам мир, чтобы примирить нас между собою и сделать из нас, благодаря Христу, одно тело...

Мы просим тебя внушить всем христианам веру настойчиво работать для прихода твоего царствия на землю».

В особом воззвании рассказывается о том, что король и правительство Швеции чрезвычайно благосклонно относятся к этому с'езду. Для нас не новость, что социал-демократы, совместно с королями в коронах и королями денежного сундука, в союзе с попами стараются об'егорить трудящиеся массы. Социал-демократическая совесть Брантинга ни в какой степени не страдает от таких заявлений, но и слепому ясно, о чем заботится всемирный христианский с'езд. Экономические и социальные проблемы, приспособление христианства к новым экономическим отношениям, вот главные задачи, которые стоят перед всякой религиозной организацией. Конечно, на таком христианском с'езде будут приняты всякие, ни к чему не обязывающие, пацифистские резолюции. Воззвание специально оговаривает, что, конечно, эти резолюции не будут обязательными. Само собою разумеется, что резолюции, которые будут приняты, ни в какой степени не будут обязательны для христианских общин, представленных на конференции, если только они не будут утверждены капиталистами каждой данной страны, если они будут в противоречии с интересами этих капиталистов.

Конечно, при том антагонизме интересов различных капиталистических групп, какой мы имеем в настоящее время, трудно представить себе полное единодушие среди различных направлений христианской церкви, трудно представить себе такое централизованное всемирное об'единение христианской церкви, однако, такие попытки об'единить под своим влиянием хотя бы значительную часть религиозных организаций несомненно существуют в настоящее время. Так американский миллиардер Рокфеллер является главой баптистской организации и тратит довольно значительные средства на эту организацию. Значительные религиозные центры созданы в Лондоне. (Всемирный союз евангельских христиан баптистов, Центр Армии Спасения, Центр секты квакеров и другие). Но не менее сильные об'единения создаются за последнее время особенно в Америке. Англия и Америка соперничают друг с другом в деле создания таких об'единений, в деле привлечения на свою сторону, на свою службу значительного числа миссионеров; соперничают друг с другом в деле издания на различных языках религиозных произведений и распространения их среди грешных язычников. Конечно, они остаются по отношению к этим массам, еще не окончательно завоеванных ими нехристианских народов, эксплоататарами первой марки. Цитированный нами уже журнал «Друг России», теперь он выходит уже просто под заглавием «Друг» (декабрь 1924 г.) рассказывает о том, как некто мистер Штейнер, возвратившись из Индии, перечисляет семь великих препятствий, которые всякому миссионеру приходится преодолевать:

1) Индусы так далеки уже от бога, что без помощи дороги к нему не найдут.
2) Крайняя темнота и невежество.
3) Языческая религия индусов.
4) Касты.
5) Верование в переселение душ.
6) Воровство.
7) Неимоверная лживость.

Заметьте, что эта характеристика дается огромному многомиллионному народу. Сколько в этой характеристике чисто американского расового презрения к людям, которые не желают, чтобы к их религиозным воззрениям прибавляли еще христианское верование, нежелающим на себя надевать узду западно-европейского и американского капитала.

В. И. Ленин отмечал в своих статьях о религии, что главная наша задача—вскрыть социальные корни религии. Мы хотели этой статьей помочь нашим товарищам в этой работе, которую необходимо проделать в сознании самых широких масс рабочих и крестьян не только в нашей стране, но и во всем мире.

А. Гольцман.

Перспективы электрификации [1]).

I. Расширение электрификации в капиталистическом хозяйстве.

1) Электричество в промышленности и транспорте.

Плановая электрификация стала в течение последних лет девизом почти всех капиталистических стран и проводится в жизнь с большим или меньшим темпом, в зависимости от индустриальной мощи страны.

Всем известны факты об отсталости СССР в области применения механической силы. Ниже будут приведены лишь основные сведения, показывающие расстояние, отделяющее нашу страну от западно-европейских стран и Америки в отношении электрификации. Это сопоставление, быть может, покажет, как велико то напряжение, которое должно быть нами приложено для того, чтобы догнать враждебные нам капиталистические государства или, по крайней мере, замедлить темп отставания.

К концу 1923 года на территории СССР действовало 4.891 электрических станций, из которых лишь 690 было станциями общественного пользования, а остальные специально обслуживали фабрично-заводские предприятия и транспорт. Общая установленная мощность [2]) всех этих станций составляла 1.495.121 киловатт [3]), а средняя мощность 306 киловатт (квт). По плану электрификации ГОЭЛРО предположена постройка новых 30 электрических станций с общей мощностью около 1.750.000 киловатт. Общая мощность станций общественного пользования — около 450.000 квт.

Таким образом, полное выполнение всего плана ГОЭЛРО означает лишь удвоение мощности электрического хозяйства Советской Республики.

Отпуск электрической энергии со станций общественного пользования на душу населения составлял за год по всему СССР 8 киловатт-часов [1]), при чем, если учитывать также и энергию, отпущенную станциями промышленными и транспортными, то эта цифра повышается до 19,5 квт.-ч. По столицам цифры эти

[1]) Настоящая статья представляет собою переработанный доклад, прочитанный в Президиуме ВСНХ СССР 23 января с. г. Желающим ознакомиться более подробно с фактическим положением электрификационных работ в СССР можно рекомендовать статьи А. А. Горева, помещенные в «Правде» № 3 и 4 за 5 и 6 января 1924 г. и в журнале «Электричество» № 11 за 1924 г.

[2]) Установленной мощностью называется мощность, на которую рассчитаны машины станции независимо от того, используется ли на практике эта мощность полностью или частично.

[3]) Киловатт—электрическая единица работы равна, примерно, 4/3 лошад. силы.

[4]) Мощность в 1 квт., функционирующая в течение 1 часа, называется 1 квт—ч.

значительно выше: по Москве—230 квт-ч. и по Ленинграду—208 квт-ч. Впереди всех идет, однако, Баку с 350 квт-ч.

Теперь приведем для характеристики некоторые новейшие сведения об электрификации в капиталистических странах. Эти сведения заимствованы из докладов, представленных на имевшей место летом 1924 года Всемирной Энергетической конференции в Лондоне.

В Соединенных Штатах Северной Америки в 1919 г. общая мощность силовых установок, обслуживающих промышленность, была 21.600.000 киловатт. Из них около 12.000.000 киловатт падало на электрические станции.

Выше было упомянуто, что среднее число киловатт-час на душу населения в СССР составляет 19,5. Приведем для сопоставления сведения об отпуске энергии на одного жителя в год по нескольким странам (в киловатт-часах).

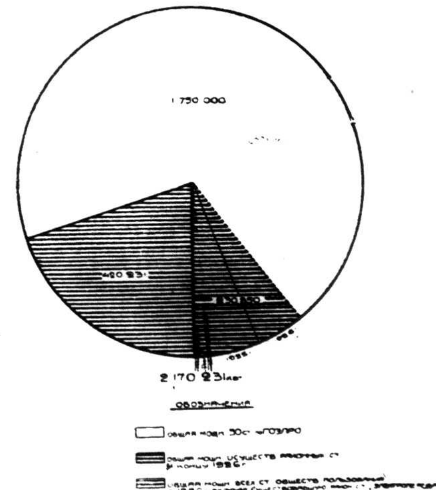

Рис. 1.

Швейцария	700
Канада	612
Норвегия	493
С. А. С. Ш.	472
Швеция	364
Франция	147
Англия	139

Среднее возрастание годового потребления электрической энергии на одного жителя составляет в С. Ш. С. А. за последние 12 лет—25 квт-ч., т.-е. превышает годовой отпуск энергии на

человека по всему СССР. Максимальная нагрузка электрических станций в Нью-Йорке составляла к 1924 году около 400.000 киловатт, что превышает почти вдвое установленную мощность всех электрических станций Московского района, включая уже Каширскую и новую Шатурскую электрические станции.

Электричество проникает не только в промышленность, но и в железные дороги, а также и в домашнее хозяйство капиталистических стран. Из докладов, читанных на той же Энергетической конференции видно, что значительные успехи в электрификации железных дорог достигнуты в первую очередь Америкой, а затем Англией. Потребление энергии северо-америк. железными дорогами составляет 700 миллионов киловатт-час. в год, при чем

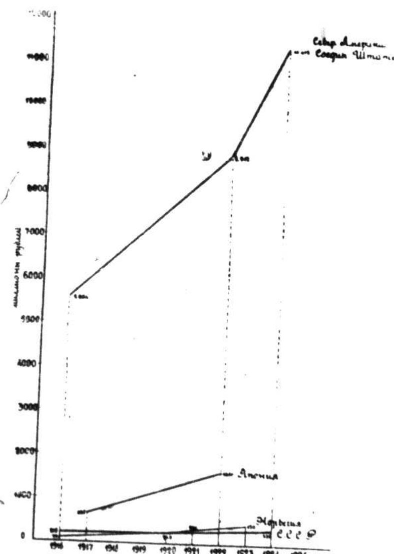

Рис. 2.

в эту цифру не входит трамвай и пригородные железные дороги, которые особо потребляют до 9 миллиардов квт-ч. В Англии в 1923 году электрифицировано около 1.350 километров железных дорог, из которых 80 километров магистральных линий. Для транспорта отпущено в этом году свыше 486.000.000 квт-ч. В Германии проводится план электрификации государственных железных дорог. Немецкий автор подсчитывает, что правительство может получить от 6 до 14% на вложенный в электрификацию железных дорог капитал.

В докладе об электрификации Италии подчеркнуто, что в этой стране об'единены сети почти всех электрических станций. Вообще, об'единение сетей (так наз. кольцевание), проводящееся и почти законченное по плану ГОЭЛРО в Московском районе, Донбассе, Брянском районе и на Урале, не является монополией российской электрификации. Докладчики различных стран указывали, что кольцевание проводится у них довольно энергично.

В частности, это отмечали докладчики Швейцарии, Южной Африки, Голландии и даже Голландской Индии.

Представитель Новой Зеландии указал, что вся гидравлическая сила этой страны сосредоточена в руках государства, которое использует эту энергию для превращения ее в электрическую энергию. Предполагается, что в течение ближайших 10 лет все жилища Новой Зеландии будут электрифицированы.

2) Усовершенствования в производстве орудий производства электрической энергии.

Проникновение электричества во все отрасли народного хозяйства и в домашний быт влечет за собой значительные изменения в самой технике выработки электричества. В этой области прогресс техники движется гигантскими шагами. Еще в 1903 году вертикальная турбина с мощностью в 5000 квт считалась большою редкостью. В настоящее время изготовляются турбины в 30—45 тыс. квт, при чем соответственно возрастающей мощности увеличивается также и коэффициент полезного действия, уменьшается потребляемое ими количество топлива, растет нормальное давление температуры пара. В таблице № 1 характеризуется технический прогресс турбостроения в С.-А. С. Ш.

Таблица № .

Усовершенствования в производстве паровых турбин.

Год.	Тип единицы.	Норм. давлен. в атм.	Температура пара.	Условного топлива в килограмм.	Термич. коэфиц полезн. действ. Турбоген	Всей установки.
					В процентах	
1903	5.000 квт. верт. турбин	12	192	1,34	14,5	9,2
1914	20.000 „ гориз. „	13,5	310	0,795	23,6	15,5
1923	От 30.000 до 35.000 квт. гор. турб. Средн. результаты из практики	16	330	0,72	25,6	17,1
1923	30.000 до 45.000 квт. .	16—17	330—344	0,65	27,2	19,0
1924	От 30.000 до 50.000 с от'емом пара для подогрева питат. воды . .	25,5	372	0,57	30,5	21,7
1924	Проектируется турбина от 35 000 до 60 000 квт. с подогревом пара между ступенями . . .	37,5	385	5,52	33,4	23,6

На Шатурской электрической станции, которая является одной из наиболее современных не только на российский, но и на европейский масштаб, ставятся 2 турбины по 16.000 квт. В германском докладе на Энергетической конференции докладчик дал расчет паровой электрической станции на 200.000 квт, каковую

мощность он считает нормальной для современных об'единений электрических станций. Автор считает, что такая станция оборудуется 4 турбогенераторами по 50.000 квт. каждая. Благодаря установке таких мощных электрических единиц, представляется возможным трансформировать (преобразовывать) энергию на высокое напряжение, необходимое для передачи ее на дальние расстояния. В России, в царское время, не практиковалась передача энергии на расстояние, превышающее 20—30 верст. Станция «Электропередача» строилась на расстоянии 70 верст от Москвы, но, как известно, полностью не была закончена. Лишь в советское время были построены первые электрические станции, передающие энергию в Москву от источников, отстоящих свыше, чем на 100 верст (Шатура и Кашира). Соответственно расстоянию и напряжение энергии составляет—100—110 тыс. вольт. Технический прогресс в производстве электрических машин позволяет американцам доводить напряжение до 200.000 и выше вольт, благодаря чему они могут передавать энергию на более далекие расстояния, чем мы.

Все эти, а также многочисленные другие примеры, приведенные на конференции, показывают, что электричество проникает в хозяйство капиталистических стран с значительной быстротой. Применение пара все больше и больше оттесняется на задний план, уступая место электричеству. Буржуазия как бы стремится опровергнуть ходячее представление о том, будто бы век капитализма связан с применением пара, а век социализма—с применением электричества. На данной ступени развития капитализм интенсивнее, чем мы, использует преимущества электричества и подводит на основе электрификации новую техническую базу под руководимое им народное хозяйство.

Но из этого можно сделать лишь один вывод, что мы тем более энергично должны приняться за проведение электрификации народного хозяйства нашей страны.

II. Электрификация в народном хозяйстве СССР.

1) Фактический рост электрификации промышленности.

Успехи капиталистических стран в области электрификации не должны нас смущать. Они должны, напротив того, служить нам примером для нашей работы, тем более, что в условиях государственной собственности на основные средства производства и диктатуры пролетариата мы имеем на своей стороне целый ряд преимуществ.

С другой стороны, экономически и технически перед народным хозяйством нашего Союза раскрыты все перспективы электрификации. Хотя производства и установка мощных машин, упомянутых выше, и явились следствием высокой ступени развития капиталистических предприятий, обслуживать которые эти машины призваны,—тем не менее, эта зависимость не имеет обратной силы. Коль скоро такие машины существуют, они приносят с собою колоссальный под'ем производительности труда везде, где их установят. Это значит, что даже технически отсталые предприятия нашей страны могут извлечь все выгоды электрификации в такой же мере, как наиболее современные предприятия Западной Европы и Америки.

Развитие электрификации в наиболее крупных районах Республики: в Московском и Ленинградском, показывает, что промышленность уже теперь учитывает все технические выгоды, предоставляемые переходом от двигателей внутреннего сгорания и паровых машин к применению электрической движущей силы.

Таблица № 2.

Распределение электрической энергии, потребляемой Москвой и Ленинградом, по основным категориям потребителей.

МОСКВА И МОСКОВСКИЙ РАЙОН.

	1913 г.		22—23 г.		23—24 г.		24—25 г.		25—26 г.		26—27 г.	
							Предположительное					
	Милл. квтч.	%	Милл. квтч.	%	Милл. квтч.	%	Милл. квтч.	%	Милл. квтч.	%	Милл. квтч.	%
1 Освещен.	25	18	63,9	34,0	66,5	31,7	70	29	75	27	80	25
2 Промышл.	51	36	88,6	47,5	100,0	48,0	115	48	140	50	165	52
3 Трамвай	65	46	34,0	18,5	43,3	21,3	55	23	65	28	75	23
Всего	141	100	186,5	100	219,8	100	240	100	280	100	320	100

ЛЕНИНГРАД И ЛЕНИНГРАДСКИЙ РАЙОН.

	1913 г.		22—23 г.		23—24 г.		24—25 г.		25—26 г.		26—27 г.	
1. Освещение	44	36,5	50,0	36,9	50,0	39,0	55	37	60	29	65	25
2. Промышл.	43	35,0	65,3	48,8	57,8	45,0	68	46	118	56,5	150	60
3 Трамвай	34	28,5	19,1	14,3	20,6	16,0	25	17	30	14,5	35	14
Всего	121	100	134,4	100	128,4	100	148	100	208	100	250	100

Из таблицы № 2 видно, что рост промышленной нагрузки даже в процентном отношении, перевалил уже теперь через довоенную норму. Дальнейшее расширение электрификации промышленности предполагается в связи с пуском в ход районных электрических станций. Указанные три основные потребителя: освещение, промышленность и трамвай, показательны в том отношении, что осветительная и трамвайная нагрузка как-будто бы растет в течение первых лет революции относительно быстрее, чем нагрузка промышленная. Этот более быстрый рост об'ясняется лишь усиленным ростом улучшений в передвижении и в быте жителей столиц. Спустя некоторое время, рост внешнего благосостояния города должен будет относительно несколько замедлиться и уступить место возрастанию производительности предприятий и связанной с этим промышленной нагрузке электрических станций.

Большую роль в электрификации промышленности играет отпускная цена на электрическую энергию. В этом отношении наша страна не отстает от заграницы, используя, вместе с тем, преимущества государственного регулирования цен. Средний осветительный тариф в важнейших городах Запада, по данным Энергетической конференции, выражается в следующих цифрах за 1 квт-час:

Лондон	20 коп.	золотом
Стокгольм	18 »	»
Чикаго	12 »	»
Нью-Йорк	8—14 »	»
Амстердам	12,5 »	»
Буэнос-Айрес	12 »	»

Эти цены являются на наш русский масштаб высокими ценами. Тариф на электрическую энергию в Ленинграде достигает в среднем 12 коп., а на освещение—20 коп. и считается сравнительно высоким. В Москве средний тариф составляет 9 коп (на освещение—15 коп.). До войны осветительный тариф:

В Ленинграде	35 коп.	золотом
» Москве	20 »	»

Конечно, эти цены колеблются в зависимости от характера потребителя и нагрузки. С пуском в ход районных электрических станций предстоит дальнейшее значительное снижение тарифа на электрическую энергию. По подсчетам проф. Горева пуск в ход Волховской гидро-электрической станции даст возможность понизить в Ленинграде тариф на электрическую энергию для промышленности до 3,5 коп., а в среднем не свыше 6 коп. за квт-час. Вступающая в действие летом нынешнего года Шатурская электрическая станция понижает средний тариф по Москве с 9 коп. до 6 коп. за квт-час, при чем еще более понизится отпускная цена на электрическую энергию специально для промышленности.

Практические результаты электрификации сказались также благодаря кольцеванию сетей электрических станций Донецкого бассейна. Эта работа, выразившаяся в проведении свыше 110 клм. линий электропередач и сооружений 14-ти электрических подстанций, соединяющих между собою различные рудничные станции, дала возможность понизить отпускную цену на электрическую энергию в некоторых случаях в 2—3 и даже более раз. Так, например, фактическая отпускная цена за 1 квт-час в Алмазно-Марьевском районе составляет в настоящий момент 5 к., в то время как себестоимость квт-часа до кольцевания доходила до 10 коп. (на Артемовском руднике). Аналогичных примеров можно было бы привести довольно много.

Подвод электрической энергии к предприятию мы должны рассматривать лишь как первый вступительный шаг к действительной электрификации предприятия. Последняя означает не только замену «собственной» электрической станции предприятия питанием более дешевым током со стороны, но, главным образом, переход от употребления паровых машин и двигателей иного рода к употреблению электрической энергии. Кроме того, электрическая энергия должна заменять собою не только паровые и дизельные установки, но и животную, в том числе, человеческую силу. Весь этот процесс перехода от животной силы и от силы паровой машины к энергии, доставляемой электрической станцией, есть основной процесс реконструкции производства, требующий неослабного внимания партии и самого большого напряжения сил и средств. Именно осуществление этого процесса Владимир Ильич назвал «второй программой» нашей партии.

Проведение электрификации в промышленности встречает, конечно, некоторое сопротивление со стороны соответствующих хозяйственных органов, которым предстоит перейти от применения «собственного», т.-е. расположенного на территории предприятия источника движущей силы к движущей силе, передаваемой им по проводам от районной или, вообще, отдаленной электрической станции. Это сопротивление почти всегда оправдывается соображениями о том, будто доставляемая электрическая энергия обойдется дороже, нежели энергия со «своей» электрической станции, или же чем стоимость движущей силы, доставляемая дизельной или паровой установкой. До настоящего момента, не было, однако, ни одного случая, когда бы эти подсчеты фактически подтвердились и когда бы оказалось, что электрическая энергия, доставляемая сооруженной на стороне станцией или группой об'единенных (скольцованных) станций, была бы дороже, чем движущая сила электрифицируемого предприятия. Сопротивление отдельных хозяйственных организаций показывает, что электрификация отсталой страны не может быть построена на чисто добровольных началах, а должна быть в известных случаях внедрена сверху волею государственной власти. Конечно, такие случаи внедрения электрификации сверху должны быть всегда основаны на здоровом экономическом расчете предоставления данному предприятию более дешевой энергии, нежели движущая сила, которой оно располагает.

2. Электрификации сельского хозяйства. Специфические трудности проблемы.

Громадным рынком для сбыта электрической энергии является сельское хозяйство. Не охватывая здесь этого специального вопроса в целом, мы отметим лишь те трудности, которые обнаружила в нашей стране практика электрификации в этой отрасли народного труда.

Из деятельности Акционерного Общества «Электрокредит» известно, что едва ли не большинство сельско-хозяйственных единиц, поставивших себе задачу электрификации, не смогли довести дела до конца, а в некоторых случаях даже доведя до конца, вынуждены были потом отказаться от эксплоатации построенных станций.

Общая постановка вопроса сводится к тому, что электрическая станция, построенная исключительно или почти исключительно для осветительной цели, не может себя экономически оправдать. Она требует дополнительной промышленной нагрузки. Последняя вообще является наиболее выгодной в общей сумме энергии, отпускаемой станцией, так как требует большее, чем прочие потребители, количество энергии при большем и равно-

мерном числе часов потребления. Однако, даже промышленная нагрузка в нашем сельском хозяйстве имеет свои трудности.

Небольшие, карликовые наделы земли; разбросанные на громадных расстояниях друг от друга деревни, дают ничтожную нагрузку для электрических станций, но требуют больших затрат капитала.

Показателем этих затрат является рост количества проводов (а, следовательно, и работ по проводке, установке и пр.), в зависимости от населенности электрифицируемой местности. Здесь наблюдается обратная пропорциональность.

В городах, с населением свыше 300 тыс. жителей, на один установленный киловатт требуется 0,2 километра провода; в местностях с населением до 10 т. жителей на 1 квт. приходится 1,3 км., т.-е. в шесть с половиной раз больше.

Данные Энергетической Конференции показывают, что трудности электрификации сельского хозяйства встречаются не только у нас, но и в более индустриализованных странах. Эти трудности об'ясняются все тем же распылением и отдаленностью друг от друга отдельных сельско-хозяйственных единиц и невыгодностью проведения больших работ по доставке к потребителю электрической энергии. Несмотря на то, что американское сельское хозяйство чрезвычайно мало напоминает сельское хозяйство нашего Союза и в гораздо большей мере индустриализировано, нижеследующая таблица показывает, как мало внедрилась электрификация в фермерское хозяйство С.-А. Соед. Штатов. Источники энергии на американских фермах распределяются следующим образом:

Таблица № 3.

Распространенность различных форм энергии в американском земледелии.

	%
Двигатели внутреннего сгорания	55
Люди (ручной труд)	20
Паровые машины	8
Лошади	5
Электромоторы	4
Механические приводы с применением животной силы	3
Ветер	2
Моторные повозки	2
Вода	1
	100

Конечно, громадная разница между американскими фермами и русским сельским хозяйством заключается, преимущественно, в том, что животная сила не превышает там 28%, в то время как у нас она неизмеримо выше. Однако, электричество, как и у нас, чрезвычайно слабо распространено. Правда, необходимо учитывать, что в американском сельском хозяйстве электричеству приходится бороться с внедрившимися до него двигателями внутреннего сгорания. У нас этого конкурента электрификации в с.-х. промысле почти нет.

Тем не менее, мы не можем отказаться от электрификации сельского хозяйства. Она должна принять разумные, т.-е. экономически целесообразные формы. Прежде всего, сельско-хозяйственная электрификация не может опираться исключительно или даже преимущественно на осветительную нагрузку. Электрическая станция должна искать себе промышленную нагрузку и, следовательно, территориально электрификация будет группироваться вокруг тех сельско-хозяйственных районов, в которых на ряду с чистым земледелием имеют место также некоторые обрабатывающие промысла.

Иначе говоря, экономической базой сельско - хозяйственной электрификации являются полуиндустриализованные деревни, т.-е. в наших условиях,—села и деревни, где привились кустарные и другие промыслы. На юге страны будут играть в этом отношении, повидимому, значительную роль сахарные заводы. На севере—электрификации придется искать связи с кустарными промыслами в Павловском, Богородском и других районах. Кроме того, могут быть использованы также кооперативные промысловые товарищества. Все это показывает, что электрификация, внедряясь в деревню, стремится ее индустриализировать, привить ей промышленный облик. Это тоже своеобразная и едва ли не наиболее глубокая «реконструкция» нашего хозяйства, связанная с упорным, хотя и сравнительно медленным процессом внедрения культуры в самые отсталые низины народно-хозяйственной жизни Союза. Здесь есть над чем поработать партии!

Очевидно, электрификация деревни связана с требующей продуманности экономической политикой, с насаждением и покровительством промыслам. Само собою разумеется, тут надо хорошенько выяснить, какие социальные элементы села мы обслуживаем, когда внедряемся с электрификацией через его промысловую часть. Не работаем ли мы здесь на кулака, выступающего часто в замаскированном виде промыслового, кооперативного и кредитного товарищества? Все эти вопросы требуют специального обследования.

Наконец, особую роль могут и должны сыграть совхозы. Чем крупнее совхоз, чем больше применяет он механическую силу, тем более благоприятным об'ектом является он для сельско-хозяйственной электрификации. Нам неизвестны в точности условия существования совхозов в настоящее время, но с точки зрения индустриализации деревни и, в частности, проведения в деревне электрификации, совхозы могут явиться наиболее показательными для всего прочего сельского хозяйства оазисами.

3. Необходимость усиления наших работ по электрификации.

Проведение электрификации в масштабе, как было упомянуто выше, постепенное достижение тех успехов в этой области, какие имеются в других, более развитых индустриальных странах, требует громадного напряжения сил и, в первую голову, денег. Эти средства вкладываются, в настоящий момент в стране, в дело

электрификации в слишком ничтожном количестве. При этом темпе работ нам еще долгое время не удастся обогнать более развитые и быстро электрифицирующиеся страны.

На диаграмме относительного прироста мощности электрических станций мы видим, что наша страна все время шествует на самом последнем месте.

Несмотря на то, что С. Ш. С. А. как будто также не располагают широким размахом в электрификации и идут по диаграмме следом за Россией, эта близость двух стран является только кажущейся и в самом деле обнаруживает противоположность насыщения той и другой стороны в деле электрификации. Замедленный темп относительного прироста электрификации С. Ш. указывает лишь на известную ступень насыщенности электрификацией этой страны. Между тем, проходящая рядом с ней кривая для нашей страны указывает на прямо противоположное явление, необычайную скудость электрификации; она показывает, что мы находимся лишь у исходного пункта электрификации, в то время, как Америка находится на пути к завершению этого процесса.

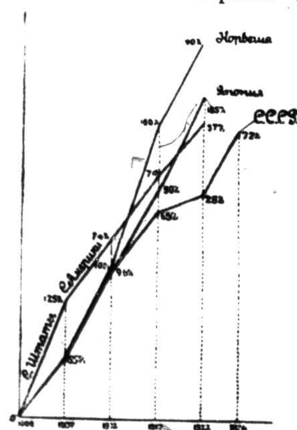

Рис .3.

Проведение дела электрификации в стране требует прежде всего денег, при чем эти деньги не могут быть добыты путем эксплоатации выстроенных электрических станций, хотя и от этого способа нам нет нужды отказываться. Электрическое хозяйство республики слишком мало развито, чтобы эксплоатация его могла явиться единственной или, даже сколько-нибудь, значительной базой для дальнейшего роста электрификации, нам волей-неволей нужно прибегнуть к значительной мобилизации средств из прочих отраслей народного хозяйства для расходования их на усиление нашего хозяйства электрического.

Проведение дела электрификации в стране, требует прежде всего денег, при чем эти деньги не могут быть добыты путем эксплоатации выстроенных электрических станций, хотя и от этого способа нам нет нужды отказываться. Электрическое хозяйство республики слишком мало развито, чтобы эксплоатация его могла явиться единственной или даже сколько-нибудь значительной базой для дальнейшего роста электрификации. Стало-быть, если мы хотим усилить темп электрификации, нам, волей неволей, нужно прибегнуть к значительной мобилизации средств из прочих отраслей народного хозяйства для расходования их на усиление нашего хозяйства электрического.

Надо тут же ответить на вопрос о соответствии темпа строительства электрических станций с темпом развития производительных сил в стране, т.-е. иными словами, выяснить, находят ли себе строящиеся электрические станции потребителя. Этот

вопрос был специально обследован по поручению ЦКК, Госплана и ВСНХ осенью 1924 года. При этом выяснилось, что **рост потребности в электрической энергии все время обгоняет темп электростроительства.** Несмотря на то, что электрическое хозяйство обеих столиц восстановлено в полном об'еме и даже превышает по обоим городам довоенную мощность, все же потребность в электричестве столь велика, что осенью 1924 г. в Москве имели место несколько раз перерывы в отпуске энергии из-за превышения максимума нагрузки. Станции в столицах работают на пределе.

Поэтому Ленинград вполне резонно ставит вопрос о дальнейшем расширении электрификации Ленинградского района. Заканчивающаяся осенью постройкой Штеровская электрическая станция в Донбассе уже теперь обеспечена потребителями.

В этом отношении нам опасность не угрожает. Каждая выстроенная электрическая станция рождает потребителя, вернее, вызывает его к жизни, освобождая его от применения животной и механической силы. Но для того, чтобы этот процесс имел место, нужно предварительное авансирование значительного капитала, которое в силу нашей бедности, до настоящего момента, производится в недостаточном количестве.

Е. Терлецкий.

К вопросу о коллективизации сельского хозяйства.

I.

В начале революции, в 1917 году, наша земельная политика в основном исчерпывалась ликвидацией помещичьего землевладения и уравнительным распределением земли. Вопрос об отношении к коллективам в актуальной постановке в это время не стоял. Он был поставлен с конца 1918 года вместе с широким развитием национализации промышленности и торговли, в период определенных попыток социалистического строительства: в эти годы, поэтому, вопросы обобществления сельского хозяйства не могли не явиться существенным элементом советской политики. Мы выдвигали в первую очередь всяческую поддержку коммун и артелей, полагая, что таким путем мы быстро перейдем к крупному социалистическому земледелию. «Крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования» Положением о социалистическом землеустройстве (февраль 1919 года) признавались наилучшим средством «организации сельского хозяйства на основах социализма», и поэтому именно этим формам, а не единоличным крестьянским хозяйствам, органы советской власти должны были оказывать исключительную поддержку. «В основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую Республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда». Поэтому же «земельный фонд используется, в первую очередь, для нужд советских хозяйств и коммун, во вторую очередь—для нужд трудовых артелей и товариществ (и только) в третью—для добывания средств к существованию единоличных землепользователей». Такую руководящую линию земельной политики выдвигало «Положение о социалистическом землеустройстве». Коллективизация в годы военного коммунизма являлась определенной попыткой, одной из форм перехода к немедленной организации крупного социалистического хозяйства. В такой именно трактовке наше отношение к коммунам и артелям нашло свое выражение не только в «Положении о социалистическом землеустройстве», но отчасти и в принятой в марте 1919 г. на VIII с'езде программе РКП.

Проходила коллективизация в условиях революционного, массового под'ема и сочувствия бедняческой части крестьянства, поддерживающей классовую политику пролетарской власти, но по отношению к основной середняцкой массе она проходила большей частью под определенным давлением, при помощи соответ-

ствующих административных мероприятий и пр. Фактически на деле, в условиях экономической разрухи и общего упадка сельского хозяйства,—сельско-хозяйственные коммуны получили в общем чрезвычайно малое распространение. «Если кто-либо из коммунистов мечтал, что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то он, конечно, был фантазером и, нечего греха таить, таких фантазеров в нашей среде было не мало»,—такую дает оценку прошедшего т. Ленин, на X с'езде партии. В условиях гражданской войны это увлечение попыткой перехода к непосредственному обобществлению не столько выразилось в виде действительного строительства «крупных социалистических хозяйств», сколько явилось методом расслоения крестьянства и, поэтому, вылилось в одну из форм классовой организации беднячества и его организованной поддержки Советской власти. Именно этим последним определяется роль и значение коллективов в период гражданской войны.

Со времени нэп'а и «свободы оборота» для «частного мелкого хозяина», внимание партии в основном сосредоточено на мероприятиях, ведущих к общему поднятию производительных сил в сельском хозяйстве. Внимание партии сосредоточено на улучшении состояния единоличных крестьянских хозяйств, на повышении товарности частного крестьянского хозяйства и вовлечении его в общий рыночный оборот. Эта задача после годов разрухи и сильного упадка сел. хоз., естественно, должна была вначале отодвинуть на второй план все вопросы коллективизации и обобществления крестьянских хозяйств.

Новые условия хозяйственного существования и почти полное отсутствие организованного руководства коллективным строительством, имели своим практическим результатом то, что годы эти оказались для коллективов, возникших до нэп'а, испытанием их жизненности, своего рода «естественным отбором», в результате чего, все более или менее искусственное и возникшее на неустойчивой базе, должно было отмереть. Это мы наглядно видим из следующей сводки НКЗ и Сельскосоюза по РСФСР (без Украины).

Годы, состояло на	Общ. колич. коллектив.
Июль 1918 г.	912
Сентябрь 1919 г.	6.186
Февраль 1920 г.	10.500
Конец 1921 г.	15.819
1922 г.	12.700

Сводка указывает, с одной стороны, на рост коллективов за время с 1918 по 1921 год, с другой—на ликвидацию так называемых лжеколлективов, если таким названием допустимо «окрестить» все то, что не выдержало хозяйственного испытания в первый же год нэп'а. Около трех тысяч коллективов из 15 тыс. оказалось ликвидированными за первый же год.

Но после первых лет нэп'а наблюдается новое образование коллективов. Возникают они прежде всего, как совершенно добровольные об'единения отдельных крестьян,—но возникают совершенно стихийно, без учета экономических особенностей района, без надлежащего агрономического руководства и вообще без како-

го-либо систематического руководства со стороны советских органов. Такой стихийный рост коллективов, естественно, также не мог не иметь своим результатом известный процент распада, но, вместе с тем, оставшаяся, выжившая часть коллективов получила зато своего рода «закал». Картину такого общего роста коллективных хозяйств можем видеть из следующих сводок по РСФСР и по УССР.

По РСФСР:

1922 год	12.700
1923 „	12.938
1924 (сведения не до конца года)	14.057

По УССР:

В 1922 году	3.778
„ 1923 „	4.620
„ 1924 „ (на 1 июля)	5.300

Общее количество коллективов по СССР составляет свыше 20 тыс.

Общее состояние коллективных хозяйств в данный момент можно характеризовать следующим образом: по землеобеспеченности коллективы являются крупными хозяйствами, раз в 12—15 превышающие среднее крестьянское хозяйство своего района. И вот в этом одно из главных или самое главное их преимущество. Не везде площадь землеобеспеченности коллективов количественно одинакова, она раза в два больше в многоземельных районах, чем в малоземельных; в этом отношении она соответствует основному типу хозяйств района. Но эта площадь под коллективами до сих пор еще не землеустроена: всего землеустроено не больше 60% всего количества колхозов. Ясно, что отсутствие землеустройства является большим тормозом организации хозяйства.

Как общее явление, коллективы нуждаются в инвентаре, мертвом и живом, имеют его в общем почти в два раза меньше, чем крестьянские хозяйства, но, с другой стороны, по сравнению с крестьянским хозяйством, имеют более прогрессивную и целесообразную организацию инвентаря, более рентабельное и полное использование его.

Что касается соотношения культур и организации посевной площади—коллективы идут, как общее явление, по верному пути установления наиболее рациональных севооборотов, и в этом отношении они повсюду, обычно, являются выше крестьянских хозяйств.

Точно так же коллективы имеют более высокий урожай, по приблизительным подсчетам, в большинстве случаев превышающий урожайность крестьянских хозяйств на 25—30%, а в значительной части колхозов в два раза. В степи Украины, где во многих индивидуальных хозяйствах хлеб сгорел, коллективы, по сообщению земельных органов, имели, благодаря лучшей обработке земли, средний урожай. В связи с этим, как общее явление, коллективы имеют и общую доходность хозяйства выше доходности среднего крестьянского хозяйства, оплату (или чистую выручку на единицу) рабочей силы имеют выше и затрату рабочих дней на 1 десятину посева меньше, чем в крестьянском хозяйстве.

Но весьма слабо обстоит с обслуживанием коллективов агрономической помощью и общим инструктированием,—отсутствие правильного производственного плана, так необходимого для крупного хозяйства. Отсутствие элементарного счетоводства не только

тормозит работу, но для части коллективов является даже губительным.

В систему кооперации, до сих пор, вовлечена только половина всего количества коллективов. При слабом общем руководстве и обслуживании со стороны органов кооперации коллективы страдают неналаженностью организации сбыта, снабжения и пр. Нужно определенно отметить, что очень слабое внимание органов кооперации к коллективам, недооценка последних и неуменье, неприспособленность кооперации к руководству коллективным строительством слишком тяжело сказываются на развитии коллективов.

В чрезвычайно малой степени коллективы пользовались кредитом, хотя нужду, особенно в долгосрочном кредите на пополнение основного капитала (на орудия производства и особенно на хозяйственные постройки) все коллективы имеют громадную. Если в систему общей кооперации вошла до сих пор только половина всех колхозов, то при далеко неналаженной системе и скудности средств кредитовалось менее четверти всех коллективов.

Наконец, по сведениям, полученным Сельскосоюзом по 2.544 коллективам по РСФСР у этого количества имеется 730 промышленных и подсобных предприятий (мельницы, крупорушки, маслодельни, сыроварни, ремонт. мастерские и пр.). Организация этих предприятий шла самотеком, без какого-либо руководства или помощи кооперации. Характерно, что об остальной значительной части коллективов даже сведений не имеется.

Останавливаясь на анализе широкого роста коллективов, необходимо констатировать, что причиной этого роста является общий под'ем сельского хозяйства. Вновь возникают и укрепляются коллективы именно в процессе восстановления сельского хозяйства, поэтому, в зависимости и со всеми теми экономическими особенностями, которые типичны для каждого данного района. Брать для исследования обобщенные данные по СССР не приходится, исчерпывающие же данные по отдельным районам не всегда имеются, но в общем в районах улучшенного экстенсивного хозяйства или интенсивных культур этот процесс протекает и по характеру и по темпу развития иначе, чем в районах отсталого зернового хозяйства, или чем в районах с пастбищной или переложной системами. Далее, и в районах улучшенного экстенсивного хозяйства иначе, чем в районах интенсивного хозяйства.

Наконец, в одинаковых по типу районах процесс восстановления идет различно в зависимости и от иных причин, например, от того, насколько сильно поражен данный район был голодом в 1921 году и неурожаем последнего 1924 г. Нас в данном случае интересуют для характеристики районы с более высокой системой хозяйства. В зависимости от различных обстоятельств, по тем данным, которые имеются, например, по Украине рост сельского хозяйства в районах товарного экстенсивного хозяйства, в южной степной полосе Украины [1]) (Южн. горнопр. обл.) идет более усиленным темпом, с относительно-быстрым развитием товарных отношений. В районах малоземелья и интенсивного хозяйства по

[1]) Степная часть Украины губ.: Одесская, Екатеринославская, Донецкая; лесостепная часть Украины—Киевская, Подольская, Волынская, Черниговская, Харьковская, Полтавская.

лесостепи (Юго-Зап. область),—процесс роста происходит медленнее, с более ровным развитием товарных отношений.

Так как в массе своей сельско-хозяйственное производство состоит из частных крестьянских хозяйств, по природе своей хозяйств мелко-буржуазных, то и развитие товарных отношений происходит с наличностью всех тех противоречий, которые свойственны товарному хозяйству, т.-е. с несомненным процессом дифференциации крестьянства. Статистические данные, имеющиеся за последние 23—24 г.г. по отдельным районам, например, по Украине, свидетельствуют, именно, о таком процессе расслоения. В районах многоземелья и улучшенного экстенсивного хозяйства Украины вместе с относительно быстрым развитием товарных отношений наблюдается более ярко выраженный процесс расслоения. Наоборот, в районах малоземелья и трудоемких культур вместе с более замедленным процессом роста и более ровным развитием товарных отношений—процесс расслоения менее сильно выражен.

Всем известно, что с аграрной революцией крестьянское хозяйство поравнялось, что, поэтому, сравнение дореволюционного положения с нынешним состоянием без соответствующего поправочного коэффициента на поравнение вообще невозможно. Далее, за годы войны и революции и особенно после неурожая 1921 г., поразившего именно степные районы, крестьянские хозяйства в массе своей значительно сократили посевную площадь и вообще обеднели. Но, поэтому, естественно также, что картина повсеместного и сильного сокращения посевов неизбежно должна была в первый же период общего под'ема и восстановления сельского хозяйства получить обратное выражение, в виде «всеобщего» повышения посевных площадей, т.-е. повышения во всех группах хозяйств как в высших, так и в низших. И данные НКЗема Украины показывают, что рост посевной площади и раб. скота в высшей группе, чрезвычайно быстрый и далеко превосходящий увеличение посевов в низших группах, указывает на происходящие социальные изменения. Одновременное, по совершенно неодинаковое улучшение различных групп после годов разрухи, поравнения и голода, указывает на определенную, хотя и скрытую, характерную для данного периода, форму, развивающихся противоречий в деревне. Мы приводим данные о росте и характере посевных площадей и увеличении рабочего скота по степным районам Украины, напр., по Екатеринославской губ. Все крестьянские хозяйства разбиты на пять групп, в порядке возрастания (от 0,1 дес., 2 дес., до 15 и более) посевной площади на двор так, чтобы было по 20% хозяйств в каждой группе.

Группы.	Посев. площ.		Пшеница.		Кукуруза.		Раб. лошади.		Свиньи.	
	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
I	3,6	3,[illegible]	1,8	2,7	8,0	2,6	2,4	2,8	2,1	7,4
II	10,9	1[illegible],7	8,0	8,8	10,2	8,9	7,9	8,0	6,0	11,4
III	18,6	1[illegible],8	16,4	15,5	17,8	15,7	17,3	1[illegible],9	12,7	16,7
IV	26,3	24,5	26,6	24,0	26,6	25,2	28,0	26,6	22,5	23,3
V	40,2	44,1	47,2	49,0	42,4	47,6	44,4	46,2	65,7	4[illegible],2
	100		100		100		100		100	

Первые группы дают незначительное увеличение—на 1 хозяйство от $^1/_4$ до $^3/_4$ десятин посева и на 25 хозяйств прибавку одной лошади. Средние группы—увеличение посевов, примерно, на 0,7 десятины посева и прибавку 1 лошади на 15—20 хозяйств. В последней же группе (высшей) прирост посева на 1 хозяйство составляет 2,8 десятины и 1 лошадь на каждые 4 хозяйства. Другими словами, колоссальное наростание в последней высшей группе, несмотря на некоторое сравнительное возрастание в низших группах, устанавливает известную социальную группировку крестьянства, и наглядно подтверждает об усиливающейся дифференциации крестьянства.

Мы взяли наиболее ярко выраженный степной район. По той же Украине в районах трудоемких культур и лесостепи (Юго-Зап. обл.) расслоение крестьянства выражено не так резко. Посевная площадь в последней группе уменьшилась, рабочий скот увеличился, но в такой же степени увеличился и в средних группах; в низших группах посевная площадь осталась в общем та же, рабочий скот относительно уменьшился, зато трудоемкие культуры (напр., свекла) в районе лесостепи Украины значительно возросли в средних группах, частью в низших, но в высшей группе относительный процент уменьшился. В общем процесс расслоения здесь менее выражен.

Итак, усиливающийся рост коллективов происходит в процессе общего восстановления сельского хозяйства на почве развивающихся товарных отношений и в условиях происходящего расслоения крестьянства. Рост производительных сил толкает на образование производственных об'единений те крестьянские хозяйства, которые в процессе этого роста не могут самостоятельно, за счет собственных накоплений подняться до уровня сильных прогрессивных хозяйств, которым на фоне возникающих противоречий стихийно угрожает перспектива — постепенное обеднение и превращение в батрака.

Но процесс расслоения крестьянства и влияние последнего на развитие коллективизации характерны в советских условиях для первоначальной стадии революции, в период пока еще стихийно развивающихся товарных отношений. Пути развития сельского хозяйства, состоящего из многомиллионной массы мелких и мельчайших хозяйств, в условиях диктатуры пролетариата и общественной собственности на основные средства производства лежат не в плоскости наростания капиталистических фермерских хозяйств—на одной стороне, с пролетаризацией подавляющей части крестьянства—на другой. Росту крупных кулацких хозяйств и процессу расслоения крестьянства в самом росте производительных сил поставлен социалистической революцией известный предел. Этот предел лежит на пути охвата крестьянства кооперацией и коллективизацией и увязки его через кооперацию с социалистической промышленностью. Мелкие и мельчайшие в массе своей отсталые крестьянские хозяйства, в условиях общего восстановления народного хозяйства и развивающихся товарных отношений в деревне, не могут не искать выхода в форме различного вида коллективно-производственных об'единений. Вопросы обобществления для этих хозяйств являются основными вопросами их дальнейшего существования. Например, по сведениям НКЗема Украины, более половины хозяйств по всей Украине являются такими, в которых лошадь не рентабельна,

а если некоторые из них и имеют лошадь, то она является убыточной для хозяйства. Следовательно, эти хозяйства могут повышать доходность только при условии обобществления, коллективизации производства. Организация производства в той или иной форме на коллективных началах, создание из мелких разрозненных хозяйств более или менее крупных коллективов — именно это позволяет подводить под сельско-хозяйственное производство тот технический базис, на котором оно только и может экономически развиваться. Вот почему в развивающемся коллективном строительстве мы наблюдаем тенденции, которые определенно устанавливают факт постепенно-расширяющегося вовлечения не только малоземельных, но и середняцких хозяйств. Эти тенденции обнаруживаются, во-первых, в том, что абсолютно и относительно увеличиваются коллективы наиболее простого типа—товарищества по общественной обработке земли и артели, тогда как, с другой стороны, коммуны и полные артели растут в меньшей степени. Таблица роста коллективов по РСФСР нам показывает это с наглядностью *):

	Конец 1921 г.	Отношен. к общ. числу.	1922 г.	Отношен. к общ. числу.	1923 г.	Отношен. к общ. числу.	1924 г.	Отношен. к общ. числу.
Коммуны	3.120	19,7	—	—	1.804	13,9	1.683	11,9
С.-х. артели	10.165	64,4	—	—	7.291	56,3	7.842	51,8
Т-ва	2.514	15,9	—	—	3.841	29,8	4.532	31,3
Итого	15.819	100	12.700	100	12.938	100	14.057	100

Со времени НЭП'а кривая идет вверх больше всего по товариществам, затем артелям, тогда как общее количество коммун даже убывает. По УССР данных более или менее определенных не имеется, но если сравнить общее количество артелей и товариществ с числом коммун, то по сравнению с 20—21 г.г. последних осталось в общем почти то же количество, тогда как число артелей и товариществ значительно увеличилось: в 1924 г. (июль месяц)—артелей и товариществ—4.950, коммун—353.

Во-вторых, необходимо констатировать изменения в самом социальном составе коллективов: на ряду с вовлечением маломощных бедняцких хозяйств мы замечаем постепенный, хотя и медленный, охват также середняка. Данных в республиканском масштабе за последние годы не имеется пока, но сводки по отдельным губерниям РСФСР и УССР это подтверждают.

Итак, констатируя общие тенденции в развитии коллективов, необходимо признать, что в общем рост их в ближайшее время будет определяться характером и быстротой процесса восстановления сельского хозяйства в условиях НЭП'а. С одной стороны

*) Прим.: Мы опускаем совершенно кочевые и отсталые экстенсивные районы, где с коллективами так же, как и с кооперацией, обстоит очень слабо.

условием, вызывающим тягу в коллективы, является процесс дифференциации крестьянства, неизбежно происходящий в условиях товарного хозяйства, особенно в первый период стихийно-протекающих товарных отношений. Но, с другой стороны, вовлечение в коллективы не только маломощных, но и середняцких элементов целиком вытекает из общих экономических условий социалистического строительства и из всего существа аграрной проблемы, в общей постановке разрешенной для советского Союза социалистической революцией.

Наблюдающийся усиленный рост коллективов в условиях диктатуры пролетариата и общественной собственности на средства производства, составляет, таким образом, один из путей, ведущих к полной переорганизации крестьянского хозяйства. По времени колхозы как бы забегают вперед в самой организации крупного производства, но по существу они являются, в определенном смысле, частью той же кооперации, рост которой, по словам тов. Ленина, тождественен с ростом социализма. «В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при НЭП'е так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?» (Ленин. Статья о кооперации). Путь в это общество лежит через вовлечение в кооперацию большинства крестьянских хозяйств, через медленное, но определенное «вмешательство» кооперации в самый процесс с.-х. производства и реорганизации слагаемых этого производства—мелких и отсталых крестьянских хозяйств. Но само вовлечение крестьянства в кооперацию в условиях НЭП'а происходит только в меру развивающегося товарного обращения, вместе с превращением натуральных и полу-товарных крестьянских хозяйств в товарные и дальнейшим усилением товарности этих хозяйств. С другой стороны, этот путь составляют возникающие уже сейчас, до «кардинального и всеобщего вмешательства» кооперации, в массовом виде выростающие в условиях еще неохваченного кооперацией товарного обращения—производственные об'единения. Отношение колхозов к кооперации определяется именно этим процессом создания в условиях НЭП'а необходимых предпосылок социалистического общества. Наростание колхозов в период НЭП'а происходит только в процессе товарных отношений. И само образование коллективов в условиях роста сельского хозяйства и выживание их с обнаружением всех преимуществ крупных хозяйств происходит в процессе товарного обращения. Колхозы в любой, даже (—и особенно) в высшей своей форме, как коммуны, чтобы доказать свои преимущества, не могут не являться лучшими товарными хозяйствами [1]).

Но с другой стороны, основная масса крестьянских хозяйств состоит не только из мало-товарных, но в известной части еще из «замкнутых» натуральных хозяйств. Наиболее простой, и в этом

[1]) Совершенно иную оценку с этой точки зрения, поэтому, получает образование коммун и артелей в период военного коммунизма.

смысле всеобщей, формой организации является сбытово-снабженческая кооперация. Именно таковой кооперация является в данный момент в первоначальный период экономического строительства социалистического общества. Но эта же кооперация по мере своего роста должна стать величайшим стимулом коллективизации и обобществления производства, так как об'единение моментов сбыта и снабжения необходимо влечет за собой внутреннюю реорганизацию с.-х. производства. Например, организация кооперативного сбыта молока—ведет к переработке, переработка к организации контроля, последний к кормовому клину, общественному стаду и реорганизации всего хозяйства в целом; точно также снабжение усовершенствованными машинами ведет к машинным товариществам,—товариществам по общественной обработке земли, организации подсобных предприятий и пр.; или сбыт семян клевера вызывает соответ. организацию посевной площади и т. д. Этот процесс мы и видим сейчас в районах наибольшего развития кооперации.

Наконец, осуществление определенной экономической политики через кооперацию со стороны органов власти, например, определенная квалификация внутреннего и внешнего рынка для стандартных продуктов, наиболее ценных и доходных (зерно, мясо, с.-х. сырье, продукты переработки и пр.) осуществление ее мерами содействия кооперации (кредит, машины, плановые заказы, премии, бонификации и пр.),—неизбежно отразится на массовом росте коллективизации определенных моментов производства или даже хозяйства в целом. Итак, рост кооперирования крестьянства неизбежно ведет в наших условиях, в той или иной форме, к коллективно-производственной организации крестьянского хозяйства.

Таким образом, если образование производственных коллективов является в данный момент по существу более высокой формой приближения к социализму, то, с другой стороны, образование колхозов, происходящее в данный момент частью параллельно и независимо от кооперации, в конце концов, не может не пройти в процессе обращения через поток всеобщего кооперирования, и рост коллективов в дальнейшем не может не являться органической частью роста кооперации в широком смысле этого слова.

Мы имеем своеобразный диалектический процесс: развитие товарных отношений, вместе с ним развитие свойственных товарному хозяйству противоречий (того, что называем расслоением крестьянства) и разрешение этих противоречий в социалистическом государстве в процессе того же товарного обращения через кооперацию и коллективизацию. Часть крестьянства уходит и будет уходить в промышленность, но весь процесс реорганизации мелкого крестьянского хозяйства и превращения в крупное лежит именно на этом пути кооперирования и коллективизации. Именно потому, что путь поголовной кооперативизации всей массы крестьянства является сложным и длительным процессом врастания в социализм, именно потому, что переход к новым формам сельско-хозяйственного производства на новой технической базе современного крупного производства в мелко-крестьянской отсталой стране является сложным и новым, мы не должны упускать из виду тех особенностей и трудностей этого перехода, какие ставит жизнь в данный момент. Своеобразие же широкого колхозного движения на данной стадии развития и заключается в том, что лежащая в его существе реорганизация крестьянского хозяйства проходит в условиях, развивающихся товарных отношений и их противоречий, с одной стороны, и при слабости, при плохом состоянии сел.-хоз. кооперации, с другой стороны [1]).

Охват крестьянских хозяйств коллективизацией по отношению к общей массе крестьянства еще совсем незначителен, и так же, как и роль кооперации—этой более простой формы об'единения, еще очень и очень слаб. Процент коллективизированных по отношению ко всей массе хозяйств равен от 1 до 2%, точно так же, как процент кооперированных вместе с коллективами, входящими в кооперацию, равен 8—12% общего количества хозяйств. Современные коллективы являются еще каплей в море двадцатимиллионной массы крестьянских хозяйств. На пути развития кооперации и коллективизации мы натыкаемся на целый ряд затруднений, проистекающих от нашей бедности, отсталости, малокультурности. Мы не преуменьшаем этих трудностей: преодоление их составляет, по словам т. Ленина, целую историческую эпоху. Но именно поэтому, мы должны ставить вопросы коллективизации и кооперации в порядок общественного внимания, обсуждения, выяснения ошибок, и в порядок своей низовой практической работы.

II.

На основании общей оценки состояния и определения места коллективов в системе сельско-хозяйственного производства, попытаемся определить очередные задачи наши в отношении колхозов.

Прежде всего, учитывая основные тенденции в развитии коллективов, в целях наибольшего расширения коллективизации, необходимо обратить внимание на об'единения отдельных, наиболее доступных об'единению технических моментов и отдельных отраслей сельского хозяйства, т.-е. на разработку и организацию простейших видов коллективов. Мы должны втянуть в процесс обобществления не только самые передовые, но и широкие, хотя и отсталые, крестьянские массы. Успех в этом отношении будем иметь тогда, когда поставим задачи более простые—организации товариществ для общественной запашки товариществ для совместного использования машин, и т. д. Нужно коллективизацию сделать понятной, доступной широким слоям крестьянства, т. к. будущее сельского хозяйства заключается не в тех коллективах, которые уже существуют и возникли на бывших помещичьих землях, а в тех, которые возникают из крестьянской массы. И в системе правильных общественных севооборотов и правильной организации земельных обществ, крестьянство, сравнительно легко, может об'единяться в различные простейшие формы коллективов. Эти простейшие формы при дальнейшем развитии получат необходимые экономические предпосылки, чтобы из первичных видов превратиться потом в высший тип укрупненного коллектива. С другой стороны, поскольку высшие формы—коммуны и полные артели массового распространения не имеют,—лучшие из существующих должны учитываться со стороны их показательности

[1]) Причину слабости кооперации, разумеется, тоже нужно искать в нищете, отсталости, в слабой товарности того же крестьянского хозяйства.

или, как опорные пункты для воспитательной и агрикультурной работы, и в качестве таковых эти виды колхозов должны иметь поддержку. Но создаваться они должны там, где имеются действительно необходимые предпосылки. Образованию такого коллектива должно предшествовать составление плана его землеустройства, плана организации хозяйства, в связи с экономическими условиями района, и пр.

На пути к коллективизации коренным препятствием является неорганизованность сельско-хозяйственной площади, и в задачи земельных органов, прежде всего, должно войти производство землеустройства. Нужно определенно отметить, что без осуществления широкого землеустройства не может быть и широкого роста коллективов. Рациональное землеустройство и переустройство системы хозяйства создадут и об'ективные возможности и об'ективную потребность, прежде всего, в самых простейших формах обобществления и привлекут к ним всю толщу сельского населения. Так, землеустройство в земельных обществах с установленным общественным севооборотом создаст возможность наибольшего распространения таких об'единений, как товарищества по общественной обработке земли и пр.

С точки зрения распространения простейших видов коллективов заслуживает внимательного обсуждения выдвигаемое отдельными товарищами предложения—отвода колхозам клиньев при землеустройстве в каждом поле данного земельного общества (а не отвода всей земли в один кусок), но при условии выработанного и установившегося в данном обществе рационального севооборота. Нередко наблюдаются случаи, что после проведенного землеустройства вновь образовываются коллективы и снова выделяются, ломая установленный севооборот. Вышеуказанный способ не только устраняет возможность постоянных переделов и ломки, но также наиболее легко захватывает примером хозяев соседних участков.

Поскольку колхозы и в настоящее время уже являются заметной величиной в массе индивидуальных хозяйств, а в ближайший период необходимо ожидать их более быстрого роста,—обслуживание этого движения агрономической помощью следует поставить на очередь, как самостоятельную работу земорганов. Принимая во внимание, что по мере роста сельско-хозяйственной кооперации и колхозов—агрикультурная миссия будет сосредоточиваться в руках самого об'единяющегося производителя,—необходимо готовить кадры работников всех степеней, могущих обслуживать колхозы. В настоящее же время необходимо создать институт районных агрономов-инструкторов по коллективизации или при земорганах, или на средства самих колхозов, об'единенных в союзах кооперации и при общем руководстве земорганов. Необходимо организовывать на местах курсы агрономических знаний, из состава и среды самих коллективов.

Поскольку в системе кооперации, до сих пор, находится только часть коллективов—в общем немного больше половины—постольку в задачи органов кооперации должно, прежде всего, войти вовлечение в ближайшее же время всех существующих коллективов. В деле укрепления коллективных хозяйств с.-х. кооперация, прежде всего, должна ставить себе задачу: а) об'единения коллективов на почве простейших товарных операций—по сбыту снабжению и пр. и б) углубления этих операций в смысле большего влияния на рациональную организацию производственной работы коллективов. Поэтому система определенных хозяйственных мероприятий по отношению к колхозам, в целях закрепления и увязки сбыта и снабжения с рационально-построенным общественным производством, должна быть в порядке ближайшей работы с.-х. кооперации.

В задачи кооперации должно входить, далее, всяческое содействие развитию коллективизации специальных отраслей хозяйства, особенно в районах, где уже развита с.-х. промышленность. Эти формы коллективизации несколько более сложные, чем простые товарищества по общественной обработке земли. В известной мере, поэтому, мы и наблюдаем сравнительно слабое развитие их, так же как и кооперации в этих районах. Но развитие их значительно облегчается определенным подходом к кооперативной увязке со стороны самой промышленности (например, в районах свекловичных, табачных и пр.). И формы такой кооперативной увязки уже получают развитие, напр., в Киевск., Подольск. губ. и т. д.

Кооперация должна обратить особое внимание на индустриализацию, на организацию предприятий для переработки с.-х. продуктов в лучших коллективах. Организация индустриальных с.-х. предприятий при колхозах (кукурузные мельницы, хладобойни, плодосушки и консервные предприятия, крахмально-паточное производство и сушка картофеля и т. п.), увязанная с общим планом стимулирования экспортных и внутри-рыночных сельско-хозяйственных продуктов, с самого начала может захватить местное окружающее население. Индустриальные предприятия неизбежно явятся для окружающего крестьянства центрами их кооперирования. Поэтому инициативу колхозов, создавших уже значительное количество предприятий помимо непосредственного участия самой кооперации,—нужно не только приветствовать, но нужно овладеть ею, для того, чтобы еще более развить и направить по правильному руслу кооперативной плановой индустриализации сельского хозяйства.

Органы кооперации должны проявить несравненно большую инициативу и ввести определенную систему также в деле механизации колхозов, снабжения их тракторами и различными другими усовершенствованными машинами, обучения пользованию последними и пр. Нужно поддержать наблюдающийся со второй половины минувшего года колоссальный спрос на трактора, придать известную ясность формам их товарищеского использования.

Наконец, со стороны кооперации необходимо обратить внимание на правильную постановку счетоводства и отчетности в колхозах—элементарных условий всякого более или менее крупного хозяйства, но до сих пор отсутствующих у значительной части коллективов.

Правильная организация кредита возможна только с развитием и укреплением широкой сети низовой кредитной кооперации, куда на ряду с вовлечением хозяйственного мужика, мы должны всячески вовлечь и наши хозяйственно-усиливающиеся колхозы. Этим не только усилится влияние в кредитных товариществах хозяйственно-об'единившихся маломощных и середняцких крестьянских хозяйств, но также создается новый стимул к обобществлению.

Наблюдавшееся до сих пор в практике кредитования сельского хозяйства применение методов механически-шаблонной старой банковской работы, неизбежно имело своим результатом поддержку наиболее сильного с банковской точки зрения, кредитоспособного, индивидуального хозяйства, или, наоборот, в отношении беднейшего хозяйства оказывалось простой собезовской помощью. Необходимо нашим кредитным органам найти те реальные пути кредитования кооперации и коллективов, которые бы увязывались с системой реорганизации крестьянского хозяйства и при осуществлении которых коллективы в системе советского строительства действительно приобретали бы с помощью кредита широкое массовое распространение.

Так как подавляющая часть коллективов нуждается в первую очередь в долгосрочном кредите на приобретение инвентаря, оборудование подсобных предприятий и для постройки хозяйственных и жилищных помещений, и так как вообще необходимо больше внимания со стороны кредитных учреждений производственной части хозяйства,—то необходимо выделение—во всяком случае на первый период специального фонда долгосрочного кредита для кредитования коллективов.

Необходимо создавать общественное мнение вокруг вопросов обобществления и коллективизации крестьянских хозяйств, необходимо таким деловым путем пропагандировать крестьянству доступные способы кооперирования и коллективизации. Для этого нужно заинтересовать, вовлечь деревенский актив, состоящий и из бедняков и из середняков (на Украине актив бедняков представляет сильная организация комнезамов). Методы административного воздействия на образование «коммунии» уже ушли в прошлое и в известной степени забыты. Мужик имеет для непосредственного интереса к вопросам обобществления достаточную базу в постепенно-восстанавливающемся хозяйстве своем и начинает понимать все преимущества крупного хозяйства или крупной машины, которую в товариществе, в супряге с другими он всесторонне может использовать. Мы не знаем еще как следует, каковы результаты и успехи законченного уже в известных районах землеустройства в новых земельных обществах, но полагаем, что новая система общественных севооборотов и общая рациональная организация хозяйства, очищенного от всех остатков крепостничества, создаст и новые стимулы и видимо новые, более широкие формы общественного коллективного производства. Рост производительных сил в условиях рационально организованной земельной площади не может не вызвать еще большей активности и интересов мужика к формам общественного производства. Нужно воспользоваться этим интересом и нужно помочь ему перейти на новые рельсы экономического строительства.

Квиринг.

Землеустройство и землепользование.

Основа нашей земельной политики заключается прежде всего в развитии производительных сил сельского хозяйства и каждый раз, когда мы подходим к этому вопросу, мы сталкиваемся с необходимостью земельно-хозяйственного устройства крестьянства.

Революция передала в руки крестьян огромные земельные территории из бывших помещичьих, частно-владельческих, государственных, церковных и др. земель, благодаря чему сложившиеся до революции земельно-хозяйственные отношения разрушены и вся огромная территория Союза Республик требует нового земельного устройства. Разрешение этой задачи представляет колоссальные трудности и, несомненно, в течение еще целого ряда лет она будет основной в нашей работе над восстановлением крестьянского хозяйства. Теми техническими силами, которыми мы располагаем, может быть ежегодно землеустроено около 12—15 миллионов десятин (без Сибири, Туркестана и Кавказа), между тем площадь, подлежащих землеустройству земель на территории бывш. Европейской России превышает 220 миллионов десятин и, таким образом, только в течение 15 лет может быть охвачена вся территория. Если к этому прибавить огромное пространство Сибири и Туркестана, то можно себе представить, насколько действительно широкий размах должен быть придан этому делу.

Отсюда совершенно естественно вытекает то обстоятельство, что в течение еще целого ряда лет вопросы землеустройства будут стоять перед нашей партией и требовать самого внимательного к себе отношения.

Происходивший смотр сельячеек и материалы обследования деревни показывают, что хотя вопросы землеустройства стали действительно самыми актуальными для деревни, наши работники на местах еще далеко не в достаточной степени подошли к их практическому разрешению. Еще по инерции со времен периода до нэпа, а равно и первых 2-х лет после него, когда крестьянство мало интересовалось земельными вопросами, вследствие общего упадка крестьянского хозяйства, ячейки продолжают уделять этому делу чрезвычайно ничтожное внимание. Вопросы земельные как-то остались вне поле зрения деревенских партийцев и сельсоветов, вследствие чего нередко наблюдаются случаи, когда сходы для разрешения своих общественных земельных дел выбирают вне связи с общей работой сельсовета своих особых уполномоченных, которые нередко обществом оплачиваются и совершенно самостоятельно ведут свои дела.

В бытность мою в Александровском сельсовете Донского округа я наблюдал, что такой уполномоченный по земельным

делам (между прочим, бывш. атаман) распоряжался всеми земельными делами по распределению сенокосов, пастбищ и т. п. и все это вне всякой связи с работой сельсоветов (в общем и целом недурного), который, однако, по уши ушел в работу по взысканию с крестьян налогов, изыскания новых доходных источников для местного бюджета, а что касается мирских земельных дел, то они его мало интересовали. Такие же факты отмечаются т. Алыповым в отношении Вятской губ. и целым рядом других товарищей.

Я думаю, что такому явлению можно найти два основных об'яснения, если не считать общего вопроса слабости работы низового советского аппарата.

Прежде всего, как уже выше было сказано, наши товарищи на местах прозевали то обстоятельство, что в связи с восстановлением общего благополучия сельского хозяйства, вопросы земли стали самыми животрепещущими в деревне, при чем одинаково для всех слоев крестьянства. Если еще недавно бедняк мало интересовался землей (в особенности на юге и юго-востоке), поскольку его хозяйственные возможности были крайне ничтожны, то теперь, с уже весьма широко развившейся арендой земли и обострением земельной нужды у зажиточных слоев, он великолепно понимает значение для него этого вопроса и за каждый лишний аршин земли дерется, что называется, «до последней возможности». С другой стороны, большим фактором инертности в деле землеустройства со стороны местных товарищей заключается в том, что земельный кодекс резко подчеркивает необходимость предоставления самому крестьянству выбора любых форм землепользования.

Отсюда делается неправильный вывод, сводящийся к тому, будто предоставление выбора форм землепользования самому крестьянству обозначает нейтральность в этом деле со стороны нашей партии. В своих выступлениях тов. Ленин не раз указывал на необходимость предоставления максимальной самодеятельности в разрешении своих земельно-хозяйственных вопросов крестьянству, но каждый раз отмечал, что мы, как партия, должны принять в этом деле живейшее участие. В резолюции, принятой на VIII с'езде партии об отношении к среднему крестьянству, как известно, написанной Вл. Ильичем, говорится: «Поощряя товарищества всякого рода, а равно сельско-хозяйственные коммуны средних крестьян, представители советской власти не должны допускать ни малейшего принуждения при создании таковых. Лишь те об'единения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих ими проверены на практике».

Здесь товарищ Ленин резко подчеркивает необходимость поощрять всякого рода коллективистические начинания в вопросе слагающихся земельно-хозяйственных отношений. Однако, предупреждал в излишней торопливости и административном нажиме, могущем только привести к отрицательным результатам. Мы должны совершенно твердо усвоить, что в переходе к социализму в земледелии вопросы землепользования, конечно, не будут иметь решающего значения. Этот переход, несомненно, прежде всего зависит от развития крупной промышленности и электрификации. Однако, формы землепользования могут затруднить или облегчить переход к коллективизации сельского хозяйства и, с другой стороны, несомненно, способствуют или затрудняют переход к интенсификации и рационализации сельского хозяйства.

Поскольку оба эти вопроса требуют от нас в настоящее время своего настоятельного разрешения, мы должны общими усилиями совместно с огромным большинством крестьянской массы найти такие формы землепользования, которые отвечали бы этим двум основным требованиям, т.-е., во-первых, облегчили бы переход к коллективизации и, во-вторых, способствовали бы развитию интенсификации сельского хозяйства.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о намечении наиболее целесообразных форм землепользования, рассмотрим, как эти формы слагались в периоде до и после революции.

Как наиболее распространенные формы землепользования для всей территории Союза, нужно считать общинную, которая характеризуется тем, что земельная территория, находящаяся в пользовании отдельного хозяйства, раздроблена на более или менее значительное число мелких полос—черезполосица, непосредственно всегда сопровождающаяся дальноземельем, длинноземельем и экстенсивным использованием угодий общего нераздельного пользования (выгон, лес, луга и т. п.). При чем в отношении дробности земельной территории всю Россию легко разделить на 3 основных района, непосредственно связанные с размером и скученностью поселенных пунктов.

Север и северо-западные губернии со средним составом до 25 дворов на поселенный пункт: Архангельская — 18,9 дворов, Вологодская—21 двор, Ярославская—23 двора, Псковская—18 дворов.

Средний пояс, где на поселенный пункт приходится от 25 до 100 дворов: Могилевская—26,7 дв., Калужская—45 дв., Московская—47 дв., Владимирская—47 дв., Тульская—67 дв., Орловская—72 дв.

Южный пояс со средним составом свыше 100 дворов на поселенный пункт: Донская—103 дв., Екатеринославская—148 дв., Тверская—184 дв., Киевская—237 дв., Самарская—295 дв., Ставропольская—329 дв.

Таким образом, мы имеем совершенно определенную картину, когда с Севера на Юг и Юго-Восток размер селений все больше увеличивается. Это обстоятельство неизбежно влечет за собою увеличение, удаление раздробленных полос полевой земли от усадебного центра, т. н. дальноземелье.

В нашем распоряжении не имеется достаточно материала, характеризующего современное положение этого вопроса, и я вынужден пользоваться дореволюционными цифрами, однако, едва-ли здесь произошли какие-либо существенные изменения. Наоборот, некоторая прирезка к бывшим общинным землям частновладельческих, без расселения селений, только могли усугубить это положение и еще более увеличить размер дальноземелья.

По данным проф. Першина для различных районов, дальноземелье характеризуется в следующем виде:

Эти цифры чрезвычайно показательны. На Северо-Западе дальноземелье почти никогда не распространяется больше чем на 3 версты от усадебного места, на Юге и Юго-Востоке 75,8% всех крестьянских хозяйств имеют дальноземелье свыше 5 верст (из них 37,1% свыше 10 верст) и Орловская губ. (Центральный

% хозяйств, имеющих отдаленные полосы на расстоянии [1]).

Расстояние.	Юг и Юго-Вост.	Северо-Зап.	Орлов. г. и Орл. уезд.
До 1 версты	5,3	54,0	9,9
От 1,1— 3 вер. . . .	7,4	42,0	46,6
» 3,1— 5 » . . .	11,5	1,9	18,3
» 5,1—10 » . . .	38,7	1,2	24,0
Свыше 10 » . . .	37,1	0,1	1,2

пояс) занимает среднее положение между ними (от 3-х до 5 верст).

Чем об'яснить такое явление?

Несомненно, одной из основных причин является то, что на Юге и Юго-Востоке мы имеем дело с чрезвычайной бедностью естественных водных источников и глубоким залеганием грунтовых вод. Отсюда необходимость образования крупных поселений, располагающихся на берегу рек, при чем, вследствие трудности их расселения, получается вытянутость земель по обе стороны реки, вызывающая дальноземелье. Кроме того, на Юго-Востоке, где для ведения сельского хозяйства не требуется навозного удобрения, невзгоды дальноземелья гораздо легче преодолеть, чем на Севере, при обязательном навозном удобрении.

Но если бичем для сельского хозяйства Юго-Востока и Юга является дальноземелье, то еще гораздо большим бичем для Северо-Запада является чрезвычайная черезполосица. Это подтверждается следующими данными:

Процент хозяйств с количеством полос на двор [2]).

Число полос.	Юг и Юго-Вост.	Сев.-Зап.	Могил. уезд. Яросл. губ.	Орлов. уезд Орлов. губ.
До 5 полос	27,6	1,7	—	13,1
От 6—10 полос	49,3	2,0	—	13,8
» 11—20 »	16,7	10,5	1,4	27,3
» 21—40 »	4,1	32,9	24,3	33,9
» 41—60 »	0,2	25,6	56,7	8,0
» 61—100 »	0,0	19,6	17,5	5,9
Свыше 100 »	0,1	7,7	0,7	1,0

Такая раздробленность находится в зависимости от разнообразия почвенного покрова и рельефа местности.

[1]) Першин. Формы землепользования.
[2]) Першин. Формы землепользования.

Для Северо-Запада характерны: значительная неровность характера почвы, холмистая поверхность, пересечения поля лесами, болотами, разбросанность лугов и т. д., тогда как на Юге мы имеем ровную степную поверхность с более или менее однообразной почвой. Приведенные данные, которые несомненно имеют полную силу и для настоящего времени, с полной ясностью показывают, что при таком дальноземелье и чрезполосице, когда полоски находятся в 45—50 местах, при таком положении ни о каком поднятии сельского хозяйства нельзя и говорить. Без разрешения этих двух основных недостатков землепользования — дальноземелья и чрезполосицы, ни о каком быстром росте агрикультуры нельзя и мечтать.

Первый клин старой крепостнической общинной форме землепользования был вбит т. н. «Столыпинским землеустройством».

С политической стороны эта реформа характеризуется следующими словами тов. Ленина: «Ломать старое надо и поскорее и порешительнее, говорят деятели Столыпинского «землеустройства», поломать так, чтобы вся тяжесть ломки падала на большинство крестьян, наиболее разоренных, наиболее обездоленных. Помещики не должны потерять при этом. Если неизбежно им потерять, часть своих земель, то они должны быть отчуждены исключительно по добровольному согласию помещиков и по «справедливой», с точки зрения помещиков, оценке. Крестьяне зажиточные должны получить поддержку и перед разорением массы «слабых» останавливаться нечего».

Столыпин понимал, что после 1905 года ему надо найти новых союзников, чтобы удержать или хотя бы отсрочить падение царизма. Этих своих союзников в деревне он надеялся создать путем насаждения новых «мелких помещиков», хотя бы это шло за счет разорения и разграбления большинства крестьянской массы. И с этой точки зрения она несомненно была вредна и привела к дальнейшему разорению многомиллионного крестьянства. Но, с другой стороны, в условиях буржуазного общества, в экономическом смысле это искусственное насаждение хуторов было явлением прогрессивным. Вся суть заключается только в том, что Столыпин насаждал собственность в пользу защиты интересов буржуазного строя, мы же должны подходить по этому вопросу исключительно с точки зрения и в интересах развития производительных сил.

Тов. Ленин в 1907 году писал: «Знаменитое аграрное законодательство Столыпина, по 87 статье, насквозь проникнуто чисто буржуазным духом. Оно, вне всякого сомнения, идет по линии капиталистической эволюции, облегчает, толкает вперед эту эволюцию, ускоряет эксплоатацию крестьянства, распадения общины, создание крестьянской буржуазии. Это законодательство, несомненно, прогрессивно в научно-экономическом смысле. Значит ли это, что с.-д. должны поддерживать его. Нет. Во имя интересов развития производительных сил (этого высшего критерия общественного прогресса) мы должны поддерживать не буржуазную эволюцию помещичьего типа, а буржуазную эволюцию крестьянского типа».

Поддержать в «в экономическом смысле прогрессивную» Столыпинскую реформу, это обозначало бы поддержать буржуазию, т.-е. сохранения кабалы и крепостничества, угнетения и эксплоатаций широких масс крестьянства, а вместе с ним и пролетариата.

Поэтому никакой поддержки такая реформа не могла получить. Для искусственного насаждения хуторов, Столыпин приложил все старания, и, однако, за 10 лет своего существования эта реформа охватила только около 10% всех крестьянских хозяйств и около 7% всей земли.

Наиболее широкое распространение Столыпинская реформа получила на Северо-Западе и на Юго-Востоке, т.-е. в тех районах, где наиболее рельефно выделились две основные отрицательные стороны общины—дальноземелье и чрезполосица. Если считать, что в среднем участковая форма землепользования получила распространение в размере 10% всех крестьянских хозяйств, то в таких губерниях Северо-Западного края, как Ленинградская, участковая форма землепользования (отруба и хутора) занимала 28,7%, Псковская—17,6%, Витебская—28%; южных и юго-восточных губерниях, Харьковская—22,5%, Херсонская—22,6%, Самарская—19%, Ставропольская—24,9%. Характерно еще другое явление, что на Северо-Западе главным образом образовывались хутора, т.-е. вынесение усадьбы на свою земельную территорию, а на Юге и Юго-Востоке образовывались отруба, т.-е. отвод земельной территории к одному—двум местам с оставлением усадьбы в селе.

Что же произошло в результате революции?

Все сложившиеся формы землепользования разрушились. В руки крестьян перешли новые огромные земельные территории и на основе закона о социализации земли, земля была уравнена между всеми землепользователями. По данным выборочного обследования Ц. С. У., в 1922 году землепользование складывалось следующим образом.

Распределение земли между различными категориями землепользователей.

РАЙОНЫ.	Из 100 десятин земли находится в пользовании.						
	Сельских общин.	Товариществ.	Комхозов. Коммун.	Комхозов. Артел.	Отрубов.	Хуторов.	Совхозов
I. Северн. и Сев.-Западн. губ.	87,0	3.7	0,1	0,3	4,9	3,4	0,6
В т. ч. Новгородская	71,5	4,3	—	0,6	8,4	14,3	0,9
II. Средний пояс	94,3	0,6	0,1	0,5	0,4	0,7	3,4
В т. ч. Владимирская	98,4	—	0,2	0,1	0,6	0,2	0,5
Курская	95,5	—	0,1	0,1	0,1	0,1	4,1
III. Южный пояс	95,4	0,2	0,3	0,3	0,4	1,7	1,7
В т. ч. Киевская	96,3	—	0,1	0,2	0,8	0,6	2,0
Донская	96,7	1,0	0,0	0,8	0,6	—	0,9

Эти данные прежде всего подтверждают выше высказанную мысль, что хуторные формы землепользования почти сведены на нет, а община целиком и полностью властвует. Однако все же на Северо-Западе хуторская форма землепользования оказалась более жизненной, чем на Юге и Юго-Востоке.

Мимо этого обстоятельства мы не можем пройти в дальнейшем при разработке вопроса о наиболее целесообразных формах землепользования для настоящего времени. Если революционный порыв и коренная реформа не могли сломить сложившейся формы землепользования, то повидимому она имеет за собой глубокую хозяйственную почву.

Таким образом, в результате «Столыпинской реформы» и революции, мы имеем такое положение на селе, когда общинная форма землепользования является господствующей и сохранила в себе целиком и полностью все отрицательные стороны старой общины—чрезполосицу, дальноземелье и, плюс ко всему этому, еще один бич—частые переделы.

При таком положении, совершенно естественно, требуется колоссальное усилие всех передовых сил деревни и в первую очередь деревенских коммунистов, чтобы вывести деревню из этой беды.

В каком же направлении должна быть проведена работа?

Здесь нам прежде всего необходимо остановиться на вопросе об общине вообще.

Тов. Ленин в аграрном вопросе в русской революции (...II т. IX, стр. 313—14) пишет: «Более того: общину, как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз, мы, безусловно, будем защищать от всякого посягательства бюрократов, посягательства, столь излюбленного врагами общины из лагеря «Моск. Ведомостей». Никому и никогда не будем мы помогать «разрушить общину», но отмены всех учреждений, противоречащих демократизму, мы будем добиваться безусловно, какое бы влияние эта отмена ни оказала на коренные и частные переделы земли и т. п.: в этом наше коренное отличие от явных и тайных, последовательных и непоследовательных, робких и смелых народников, которые, с одной стороны, являются, «конечно», демократами, а с другой стороны, боятся определить решительно и недвусмысленно свое отношение к таким элементарно-демократическим требованиям, как полная свобода передвижения, полное уничтожение сословности крестьянской общины, а следовательно, и полная отмена круговой поруки, отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей.

Нам возразят: именно последняя мера, освящающая индивидуальную волю каждого отдельного крестьянина, и разрушает общину не только как систему переделов и т. п., а, прямо даже, как товарищеский соседский союз. Каждый отдельный крестьянин, вопреки воле большинства, в праве будет потребовать выдела его земли в особый участок. Не противоречит ли это общей тенденции всех социалистов содействовать расширению, а не сужению прав коллективности по отношению к индивидууму.

Такое возражение было бы неосновательно. Наши требования не разрушают товарищеского союза, а, напротив, создают на место архаической (полукрепостной) власти общины над мужиком — власть современного товарищеского союза над свободно всту-

пающими в него членами. Отмена круговой поруки должна превратить всех наличных членов крестьянской общины в свободных совладельцев известного участка земли, а там, как уже будут распоряжаться этим участком,—это их дело, это будет зависеть от общих гражданских законов и от их специальных договоров между собою. Что же касается до расширения прав коллективности по отношению к индивидууму, то социалисты защищают его только тогда, когда это расширение лежит в интересах технического и социального прогресса. В такой форме, разумеется, и мы защищали бы всякий соответствующий закон, лишь бы он относился не к одним только мелким собственникам, не к одним только крестьянам, а ко **всем** землевладельцам вообще».

Все эти выдвинутые еще тогда Влад. Ильичем положения в общем и целом сохраняют свою силу. В начале настоящей статьи я приводил выдержку из резолюции о середняке, где т. Ленин пишет: «Лишь те об'единения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике».

Следовательно, в нашей работе мы должны по возможности сохранить «товарищеский или соседский союз» крестьян, но такой, который сложился бы «самими крестьянами по их свободному почину», «свободно вступившими в него членами».

Итти по линии создания обособленных индивидуальных крестьянских хуторов это значило бы дать полный простор индивидуалистическим мелко-собственническим крестьянским инстинктам. Мы должны констатировать, что, как массовое явление, это стремление не имело места даже в самом горячем периоде столыпинских реформ, когда хуторянам оказывались всяческие поддержки, и тогда огромное большинство крестьянства высказалось против них.

Поэтому наша задача заключается в том, чтобы дать максимальную инициативу передовой части крестьянства путем об'единения ее в небольшие земельные общества и создания из них небольших поселков и выселков. Сохраняя таким образом «товарищеский союз», конечно основанный на добровольных началах, мы разрушаем отрицательные стороны современной общины и создаем поселок, внутри которого само крестьянство намечает себе форму землепользования, но такую, при которой не может иметь место чрезполосица и дальноземелье.

Расселение крупных поселений на ряд мелких общинных или отрубных поселков и выселков требует своего настоятельного разрешения на Юге и Юго-Востоке, без чего не может быть организован правильный севооборот в центральной черноземной части, где уже давно назрела необходимость полной перестройки отстало-экстенсивного и безнавозного полеводства и перехода к навозному удобрению; это неотложно для Северо-Запада, где чрезмерная чрезполосица полностью сковала крестьянскую инициативу.

Через инициативу передовой части крестьянства толкать остальную, менее сознательную часть, к применению улучшаемых способов ведения хозяйства—вот лозунг, который должен стоять перед каждым работником на селе, и этот лозунг может осуществиться, когда пойдет по линии разделения современной общины на небольшие поселки.

Создают ли эти поселки условия для развития коллективизации и рациональной организации сельского хозяйства? Нам кажется, что несомненно благоприятные условия они должны создавать. Поскольку усовершенствованные крупные с.-х. машины и орудия будут проникать в толщу крестьянства и поскольку они являются не под силу отдельному хозяйчику, они толкают к об'единению мелких индивидуальных крестьянских хозяйств на началах совместной обработки. Само собой понятно, что группа крестьянских хозяйств (поселок), об'единенных общей земельной территорией, гораздо скорее придет к необходимости и целесообразности совместного применения сложных с.-х. машин (трактор), чем раздробленные или разбросанные отд. хоз. хуторян или общинники, связанные косностью таковой. Особенно благоприятные условия для агрикультурной работы создает такой небольшой поселок. Договориться с небольшой группой крестьянских хозяйств о целесообразности применения агрикультурных приемов ведения сельского хозяйства гораздо легче, чем привести к такому об'единению целое село, насчитывающее несколько десятков, а иногда и сотен крестьянских хозяйств или отдельно разбросанных хуторских крестьянских хозяйств. Таким образом, мы приходим к выводу, что создание мелких общинных и отрубных поселков отвечает тем основным требованиям, которые мы выставили в начале настоящей статьи, а следовательно, и центр внимания во всей нашей землеустроительной политике должен быть направлен к образованию их.

Отвечает ли эта политика стремлению самого крестьянства? Нам кажется, что, безусловно, да. Для подтверждения этой мысли посмотрим, как шла землеустроительная работа до настоящего времени, когда она, как я в начале статьи указывал, находилась в исключительной зависимости от самого крестьянства, когда партработники на местах держали себя нейтрально.

В № 1 «Планового Хозяйства» тов. Каменев приводит следующие данные:

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Отвод земли выселкам, поселкам и частям селений . . .	39.188	270.284	1.513.312	1.950.429	3.669.978
Выдел земли коллективам . .	247.291	535.676	303.976	232.148	113.855
Выдел земли хуторам и отрубам	—	—	890.926	884.353	776.264

Из этой таблицы видно, что отвод земли выселкам и поселкам из года в год растет и в 1924 г. занимает уже около 75% всех работ, при чем мы имеем дело с несомненно быстрым ростом этого вида землеустроительных работ в дальнейшем. В ней еще характерно отметить и работы по выделу земли хуторам и отрубам, получившие в начале издания земельного кодекса довольно широкий размах и постепенно сокращающиеся, что составляло в 1924 году только 17%.

Однако, мимо этого последнего фактора пройти в дальнейшем мы не можем. Совершенное игнорирование стремления крестьян к

выходу на хутора может привести только к отрицательным результатам. Общинная косность часто так сильна, что она невольно приводит отдельных передовых хозяев к необходимости выхода на хутор, чтобы правильно организовать свое хозяйство. Запретить эти отдельные случаи мы не можем и не должны. Там, где община душит агрикультурную инициативу отдельных передовых хозяев, где преодолеть эту косность чрезвычайно трудно, где нет подходящих условий на создание поселка, было бы ошибочно мерами административного прижима связывать эту инициативу. При этом характерно отметить, что тяга к хуторской форме землепользования проявляется главным образом на Севере и Северо-Западе, т.-е. в районе большой черезполосицы и обязательного применения навозного удобрения. Крестьянин этих районов настолько болезненно чувствует на своем хозяйстве все отрицательные стороны старой общины, что готов итти на значительные хозяйственные расходы, лишь бы избавиться от вреднейшего общ. трехполья. Правда, часто еще тянет на хутор кулак, чтобы освободиться от глаза общины, в надежде укрыть от советской власти свои живодерские проделки, но, конечно, было-бы ошибочно, если бы мы такой размах землеустроительной тяги на хутора, как указано в вышеприведенных данных, приписывали бы исключительно кулачеству. Нет, есть несомненно часть рядового крестьянства, которое не может культурно построить свое хозяйство в рамках совместной общины и спасение свое видит в хуторах. Было бы ошибочно, если бы мы вздумали мерами административного запрета задерживать такое прогрессивное желание крестьянина. Надо найти формы об'единить этих крестьян и вывести их из косности общины не путем создания хуторов, а об'единения в «соседский союз» и создания поселка.

Таким образом, задача заключается в том, чтобы наша партия всемерно способствовала уже назревшей инициативе крестьянства в создании таких форм землепользования, которые способствовали бы скорейшему поднятию сельского хозяйства и облегчили бы возможность в будущем перехода к коллективным формам хозяйства. Такой формой является создание общинного или отрубного поселка, отвечающего по своим размерам хозяйственным потребностям данного района. Во всей совокупности мер содействия в развитии этой формы землепользования мы должны строго наблюдать за тем, чтобы воздействие на население в этом отношении ни в коем случае не приобретало бы характера административного принуждения или запрета в выборе иных форм землепользования. Однако, работая над созданием выселков, мы будем наталкиваться на ряд трудностей. Во-первых, такой выселок потребует значительных хозяйственных затрат в отношении перенесения построек и хозяйственного устройства в новом месте (устройство колодцев, запруд, лесонасаждения и т. п.), вследствие чего затрудняется этот переход для бедняцких и, отчасти, середняцких слоев деревни, поэтому чрезвычайно важно наблюдать за тем, чтобы земли, более удобно и близко расположенные к селениям, а также более легкие для обработки и лучше обеспеченные необходимыми угодиями, водой и дорогами, отводились по преимуществу менее обеспеченным слоям деревни.

Поскольку образование выселка связано со значительными расходами, которые не под силу крестьянину при современном состоянии его хозяйства и в целях поощрения поселковой формы

землепользования, необходимо частичное или полное освобождение переходящих на поселки бедняцких и середняцких слоев деревни от единого сельско-хозяйственного налога на первое время, после расселения в зависимости от трудности условий расселения и усвоения новых земель. Ныне существующие в этом отношении льготы по единому сельскохозяйственному налогу должны быть расширены, и несомненный под'ем сельского хозяйства, который будет итти параллельно с ростом поселков, во много раз покроет те потери, которые государство понесет в отношении предоставления льгот.

Для внесения во все дело землеустройства большей планомерности и начал государственного регулирования необходимо расширение кредитования землеустроительных работ за счет государственного ссудного кредита. В частности для бедняцких и середняцких слоев деревни этот кредит должен быть обязательно долгосрочный и по возможности льготный, чтобы не надорвать с самого начала хозяйственные начинания выселившегося крестьянина.

Само собой понятно, что кредит должен быть построен таким образом, чтобы он отпускался в том случае, если совершается переход к более высоким агрикультурным формам ведения хозяйства.

Я уже выше указывал, что мы не должны убаюкивать себя надеждами, что этот сложный процесс земельно-хозяйственного переустройства всего Союза Республик может совершиться в течение ближайшего времени, на это требуется весьма продолжительный срок, поэтому наша партия должна заниматься систематическим по-районным изучением происходящих в деревне землеустроительных процессов и своевременно учесть социально-экономический результат этой работы.

М. Хатаевич.

О состоянии и работе партийной ячейки в деревне.

Из 26 тысяч с лишним ячеек, из которых состоит наша партия,—больше половины (13.558)—это ячейки крестьянские, находящиеся в деревне. В этой половине ячеек числятся всего не более 1/5 (20%) общего числа членов и кандидатов РКП. В среднем на одну партийную ячейку в деревне приходится 11 членов и кандидатов партии, в то время как на одну партийную ячейку в городе приходится более сорока. На каждую укрупненную (среднюю) волость по всему СССР у нас приходится немногим более полутора партийных ячеек; одна ячейка приходится на 5½ сельсоветов (а каждый сельсовет охватывает до 2-х десятков и более селений).

Более половины наших партийных ячеек в деревне насчитывают не более 5—8 членов. Очень нередко бывает, когда и эти 5—8 чел. живут не в одном селе, а рассыпаны по одному, по два в нескольких селениях.

Эта чрезвычайная малочисленность сельских ячеек по отношению ко всей деревне и массе крестьянского населения, является главной причиной имеющихся многих недостатков в состоянии партийной работы в деревне и отсутствия должного охвата крестьянства.

Состав парт. ячеек деревни.

По своему составу деревенские ячейки в подавляющем большинстве состоят из товарищей, занятых постоянно административной и иной работой в сельских и волостных органах. Данные недавно проведенного на страницах «Правды» смотра сельских ячеек и ряда обследований деревни, проведенных за последние месяцы, выявляют это особенно ярко. В среднем, в каждой сельской ячейке от 70 до 90% ее состава являются должностными лицами (выборными и невыборными) деревни и волости. Из этих товарищей, выполняющих организаторские функции в деревне, только меньшая часть совмещает административную и общественную работу с работой в своем хозяйстве. Большая часть—это элемент для данной волости и села пришлый, переброшенный из других волостей и из города. До последнего времени переброска членов партии, работающих в волостях, практиковалась партийными комитетами очень часто, чаще чем один раз в год. Эти переброски считались одним из наиболее действующих средств против «порчи» находящихся на руководящей деревенской работе коммунистов, против хозобрастания, подпадения под влияние окружающей обстановки и т. д. По имеющимся отдельным данным, можно заключить, что владеющие своих хозяйством и участвующие непосредственно в советской, кооперативной и др. общественной работе не составляют и одной трети общего числа членов и кандидатов партии в деревне, включая в эту треть и коммунистов, входящих в коммуны и коллективы и работающих в совхозах. Членов партии—крестьян, ведущих индивидуальное хозяйство, не совмещая его ни с какой другой работой, во всех деревенских ячейках не наберется, очевидно, и 10% к общему числу их состава.

За последние 6 месяцев во всех парторганизациях увеличилась работа по вовлечению в партию новых членов партии из беспартийных крестьян. По последним данным, количество уже принятых в партию новых кандидатов в деревне достигает 20.000.

Эта работа по вовлечению в партию лучших элементов деревни сейчас во всех организациях продолжается, и к XIV с'езду партии это число, несомненно, значительно увеличится. В результате этого, в составе деревенских ячеек уже произошли изменения в сторону увеличения среди членов местных людей, более связанных с данным селом и связанных непосредственно с крестьянским хозяйством. Но эти изменения покуда-что не весьма велики и не меняют в большей степени прежнего положения, ибо среди принятых в партию новых кандидатов-крестьян преобладают уже втянутые в общественную и советскую работу, а число крестьян, занятых непосредственно сельским хозяйством среди них, не достигает и 30%.

До XIII с'езда партии в течение двух-трех лет освежение состава сельских ячеек путем притока новых членов из среды крестьян почти не происходило. Тогда партия не выдвигала перед собою задачи пополнения состава ячеек из самой деревни. Имело место, наоборот, все большее уменьшение количественного состава ячеек в результате ухода части коммунистов из деревенских ячеек в город на работу и на учебу и в результате происходившей все время убыли из сельских ячеек, путем исключений и выбытия из партии.

Имеется множество ячеек, насчитывавших в 1920 г. несколько десятков членов, а сейчас не более 5—7 человек. Еще в 1924 г., в ряде организаций (Пенза, Архангельск и др.), несмотря на увеличившийся прием новых членов партии в деревне, общее число членов партии в деревне не только относительно, но и абсолютно продолжало уменьшаться.

Имевшая место, в столь большом количестве, утечка из партии деревенских коммунистов является результатом того весьма тяжелого положения, в сравнении со всеми другими группами членов партии, в котором они находились. Будучи распылены по одиночке и небольшими группами в массе беспартийного крестьянства, не имея денежной помощи и обслуживания из города, не имея должного постоянного общения между собой, путем совместного обсуждения всех партийных вопросов, они, естественно, быстрее поддавались влиянию окружающей обстановки, теряли коммунистическую устойчивость и представляли наибольший материал для разбирательства в контрольных комиссиях.

За 1924 г. количественный состав сельских партийных ячеек пополнился также за счет нескольких тысяч работников, посланных парткомами в деревню специально для укрепления ее партийными силами. Всего к началу декабря 1924 г. было по всему СССР направлено в деревню 6.000 человек, из которых

вернулось (и возвращается) обратно в город до 40%, а 3.000 с лишним, очевидно, осядет на деревенской работе.

Столь малое число членов партии в деревне и распыленность их на руководящих должностях, главным образом, по отдельным селениям, в значительной степени об'ясняют ту пестроту, отсутствие четкости и единообразия в организационном построении сельских ячеек и всей парторганизации в деревне, какие имели у нас место до последнего времени.

Построение парторганизации в деревне.

Только в последние полгода ряд губкомов пришли к заключению о необходимости создания волостных парткомитетов в тех волостях, где имеется достаточное для этого числа членов партии и ячеек. До этого в большинстве губернии волкомов не было, а существовали всяческие, самые разнообразные системы организационной связи и руководства. В ряде мест существовала система уполномоченных укома—постоянных инструкторов, которые, находясь в одном пункте, должны были об'единять работу партячеек нескольких волостей, не имея никаких точно очерченных прав и функций.

Широко применялась и применяется по сие время система «базовых» ячеек, заключающаяся в том, что к одной ячейке «прикрепляют», для наблюдения и обслуживания, еще несколько ячеек (несколько волостей или селений), вне какой бы то ни было связи с существующим административно-территориальным делением. Никаких точно оговоренных прав, в смысле об'единения работы и руководства, такие «базовые» ячейки не имели и, согласно нашему партийному уставу, иметь не могут: никакого фактического обслуживания с их стороны приданных им ячеек и района тоже не могло быть, ибо большинство наших ячеек в деревне настолько слабое, что не могут обслуживать полностью того села или района, где они непосредственно находятся, не говоря уже об охвате соседних волостей. От такой «базовой» системы построения парторганизации вред получается вдвойне: создается иллюзия, что слабые в партийном отношении волости и районы будто бы кем-то обслуживаются, когда в самом деле этого нет и получается неувязка с руководством по административно-хозяйственной линии.

Кроме того была широко распространена и продолжает существовать сейчас система «волячейки». Для тех волостей, где имеется всего одна ячейка и где их имеется даже две, но число действительных членов партии не превышает 7—9 человек (вследствие чего волком не может быть организован) это вполне правильное название и форма организации. В этих случаях находящаяся в волостном центре ячейка должна иметь постоянную связь с ВИК'ом и обслуживать всю работу в своей волости. Но бывало, да и сейчас еще во многих местах есть, когда в волости есть несколько ячеек, а находящаяся в центральном селе ячейка носит название волячейка и выполняет некоторые функции волостного комитета.

Во всех вышеперечисленных случаях укомы сохраняли непосредственную связь со всеми сельскими ячейками уезда и осуществляли непосредственное ими руководство.

Во многих местах, где волкомы формально организованы, связь укомов с сельскими ячейками, которые он об'единяет, осуществляется не столько через него, сколько непосредственно. В очень многих местах до сих пор не усвоена разница между волкомом и волячейкой; бывает, что при наличии в волости нескольких ячеек, они—оформляются в волостную парторганизацию и выделяют из себя выборный орган, который продолжают называть волячейкой; бывает и наоборот, что бюро ячейки волостного села называет себя волкомом.

До сих пор в партии еще нет точно установленного положения, при каких условиях, наличие какого числа членов партии и ячеек требуется, чтобы они могли оформиться в волостную парторганизацию. В ЦК разработаны по вопросам—о формах партийной организации в деревне—подробные предложения, которые, очевидно, будут обсуждены на предстоящей Всесоюзной партконференции, после чего будут утверждены ЦК и даны местам для руководства. Во всяком случае, потребность в скорейшем разрешении этих вопросов назрела чрезвычайно; без внесения наибольшей ясности и четкости в построение низовой парторганизации деревни и порядок организационного ею руководства и обслуживания ее из города, навряд ли возможно будет добиться существенных успехов в деле поднятия и укрепления всей работы сельских партийных ячеек.

Весьма распространенное в деревне по сию пору явление—это, т.-наз., «районные» сельячейки. Одна ячейка при таком положении охватывает район в 15—20 верст, создается путем слияния нескольких существующих в этом районе более мелких ячеек, очевидно, с целью вместо 2—3 слабых и малочисленных ячеек, создать одну более многочисленную и более крепкую. Но цель эта совершенно не достигается, ибо одна ячейка на район в 20 верст является фикцией, члены ее, живя далеко друг от друга и не имея постоянного общения, оторваны друг от друга и от самой ячейки, собрания ее из-за дальности расстояния происходят редко и нерегулярно и т. д. и т. д. Необходимо в ближайшее время совершенно прекратить подобное экспериментирование сверху, из уезда с сельскими партячейками и твердо установить, что везде, в каждом селе или группе селений, одно от другого расположенных в непосредственной близости (не далее 3—5 верст), при наличии достаточного числа членов партии, ячейка должна существовать.

Очень нередко создание таких «районных» сельячеек обуславливается тем, что коммунисты в ряде селений распылены по одному, по два, что их ни в одном селении нет в числе, достаточном для организации самостоятельной ячейки. Такая распыленность партийных сил деревни, встречающаяся весьма часто, в значительной степени создавалась самими же вышестоящими парткомами, стремившимися обязательно в каждое село послать на руководящую должность членов партии, перебрасывая их для этого из других волостей и районов и из города. До опубликования последних партийных решений о работе в деревне, это практиковалось сплошь и рядом очень многими парткомами и давало вдвойне отрицательные результаты: затрудняло возможность выдвижения на руководящие должности в деревне беспартийных крестьян и распыляло партийные силы в деревне. Сейчас не приходится, понятно, говорить об устранении этой распыленности, путем механических передвижек деревенских коммунистов из селений и волостей, где они находятся по оди-

ночке, в более важные и крупные селения и волости, где необходимо наличие крепкой и многочисленной партийной организации. Но должно быть, за исключением отдельных случаев крайней необходимости, решительно прекращено дальнейшее распыление партийных сил деревни, путем посылки отдельных членов партии в районы и селения, где нет ячеек. При посылке из города партийцев для укрепления деревни, необходимо также их в первую очередь направлять на места, где уже имеются партийные ячейки в более крупных и важных селениях, где для партии является особо необходимым создание своего крепкого опорного пункта, в лице жизнеспособной и крепкой парторганизации.

В наиболее тяжелом положении из всех групп членов партии находятся эти коммунисты-одиночки, разбросанные по одному, по два в деревнях, а иногда в целых волостях. Эти товарищи, будучи со всех сторон плотно окружены беспартийной крестьянской массой, меньше всего участвуют в общей жизни партии и имеют общение с другими членами партии, наиболее быстро поддаются влиянию окружающей среды. Но существование таких одиночек-коммунистов, живущих по одному, по два в деревне, очевидно, в течение значительного периода будет неизбежно и поневоле приходится допускать организацию одной ячейки на район в 10—12 верст, при условии, если вблизи на этом же расстоянии нет ни одной ячейки, куда бы эти товарищи могли бы влиться и если они имеются в достаточном числе для организации ячейки.

Очень велико среди общего числа членов деревенских ячеек количество кандидатов. По данным партстатистики, из числа 153 тыс. коммунистов, насчитывающихся в деревенских партячейках к 1/IX—24 г. кандидатов было около 53½ тыс. После принятия в партию новых 20.000 кандидатов это число увеличилось. В материалах смотра сельских ячеек есть очень много данных о ячейках, число кандидатов, в которых превышает число членов, так что приходится даже сомневаться в правильности вышеприведенных данных официальной партстатистики. Из числа этих кандидатов, значительное большинство является таковыми 3—4 года и даже больше. Перевод кандидатов в действительные члены партии в деревне совершается чрезвычайно медленно. Причины этому: недостаток товарищей, могущих давать рекомендации, халатность к этому вопросу в самих ячейках и со стороны самих кандидатов и волокита в уезде и губернии с утверждением, длящаяся в отдельных случаях год и более.

Благодаря наличию большого числа кандидатов при общей малочисленности партсостава в деревнях представляет собою весьма распространенное явление, так называемая, кандидатская ячейка, состоящая из большинства кандидатов и одного, двух членов партии, или исключительно из одних кандидатов. В одной только Екатеринославской губ. таких ячеек около 80, в Забайкальской более 50 шт., много их в Киргизии, Сибири и других окраинах. Следуя точному указанию партустава, нельзя было бы допустить существование таких ячеек, ибо, согласно этим указаниям, ячейка может быть создана при наличии в ней не менее 3-х действительных членов партии. Но вышеприведенные обстоятельства заставляют допускать их существование при отсутствии в непосредственной близости ячейки, куда бы они могли влиться.

с тем, чтобы они не имели «уставных» прав, т.-е. права приема в партию и выборов на партийные конференции и чтобы вышестоящие парткомы имели постоянно в виду необходимость оформления этих ячеек, путем укрепления их партийцами и своевременного перевода кандидатов в члены партии.

Сложность обстановки работы партячеек в деревне.

При своей малочисленности и распыленности деревенских коммунистов и при более низком качественном уровне работников, деревенской ячейке приходится вести свою работу в значительно более сложной обстановке, чем ячейке на предприятии, или в учреждении. Функции сельской партийной ячейки шире, чем функции ячеек в городах. В то время, как заводская ячейка не должна осуществлять руководства деятельностью заводоуправления, или директора завода, ячейка в волости и деревне должна, через работающих там коммунистов, осуществлять постоянное руководство деятельностью ВИК'а, сельсовета и других органов деревни. В то время, как ячейка в городах имеет тут же под боком вышестоящий партком, к которому она в особый момент может обратиться за разрешением более сложных вопросов, ячейка и волком в деревне имеют от себя вышестоящий партком на расстоянии нескольких десятков, а иногда и сотен верст и должны за свой страх и риск зачастую разрешать самые сложные вопросы.

Положение коммуниста в деревне значительно более сложное, чем коммуниста в городе. Партиец в деревне не имеет к своим услугам той системы политического воспитания, которая хотя кое-где и хромает, но все-таки имеется в городах. Он не имеет возможности часто бывать на партсобраниях, иметь общение и получать раз'яснения по основным вопросам от кадра лучших работников, руководителей партийной и советской работы, сосредоточенных в городах и очень редко бывающих в деревне.

Но даже при всех этих тяжелых условиях работа сельских ячеек могла бы быть поставлена успешнее при более чутком и внимательном подходе сверху из уездного центра. До самых последних месяцев в большинстве случаев имела место слишком большая загрузка ячеек и волкомов сверху кампаниями и заданиями, оставляющими для деревенских работников очень мало времени и места для проявления инициативы, для выдвижения своих местных вопросов. Связь и руководство из уезда были преимущественно циркулярные, не живые, не учитывающие в должной степени особенностей каждой ячейки и волости. В большинстве уездов и округов, еще по сию пору, имеет место преимущественно руководство путем дачи общих, по всему уезду, директив и указаний, а нет содействия и помощи каждой в отдельности взятой сельячейке и волкому.

Основные недостатки в работе деревенских ячеек.

В последнее время, в нашей партийной прессе достаточно много писалось об основных недостатках в работе наших низовых ячеек деревни в области связи с крестьянскими массами и участия в работе по поднятию сельского хозяйства. Особенно много в этом отношении дает данных и материалов недавно проведенный смотр сельских ячеек. Основное во всех этих данных сводится к тому, что в большинстве случаев связь ячейки и деревенских

коммунистов явно недостаточная, что в их работе, до последнего времени, имела место некоторая оторванность от насущных вопросов крестьянской жизни, волнующих и занимающих деревню, что они не принимают должного участия в работе по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства, не являются в проведении этой работы инициаторами и действительными руководителями деревни. В подходе к крестьянским массам преобладал, до последнего времени, административный подход, глубокой повседневной работы по привлечению к себе симпатии, по сплочению вокруг себя лучших слоев деревни в большинстве ячеек не было и она не считалась как-то основной и важнейшей. Есть отдельные волостные парторганизации и сельячейки, а за последнее время число их растет, где эти недостатки не имеют места, где ячейка тесно связана с лучшими слоями деревни, где она сумела своей работой завоевать себе авторитет бедняцкой и середняцкой части и уважение деревни, но таких меньшинство. В очень многих местах есть активно работающие отдельные члены партии, действительно проявляющие инициативу, являющиеся вожаками и организаторами деревни, но ячейки как-то стоят на отлете от этой их деятельности, и деревня знает этого отдельного работника, не связывая его с ячейкой. Беспартийная крестьянская масса почти всегда отделяет в своих представлениях и симпатиях партию в целом от местной ячейки. В то время, как авторитет партии в целом бывает очень высок, к ячейке относятся равнодушно, скептически, а иногда и враждебно.

Значительная часть коммунистов деревни, особенно тех, кто работает в своем хозяйстве, ориентируется в вопросах политического и хозяйственного положения всей нашей страны не больше, чем вся остальная крестьянская масса и хуже многих из активистов беспартийных, число которых в деревне все увеличивается. В вопросах состояния крестьянского хозяйства, условий и перспектив его развития, рядовой деревенский коммунист, как правило, ориентируется хуже, чем беспартийный крестьянин, ибо, в течение ряда лет, мысли его направлялись не в эту сторону.

В большинстве случаев ячейка в деревне бывает оторвана от основных вопросов, интересующих и волнующих партию в тот или иной период, она мало знает о работе своего укома и губкома и состоянии всей губернской и уездной парторганизации. Общие вопросы, если и ставятся, то преимущественно в порядке всяческих годовщин и юбилеев и очередных кампаний. Тогда такие вопросы ставятся в порядке докладов, принимаемых большей частью без прений к сведению.

Деревенские коммунисты до последнего времени чрезвычайно плохо информировались сверху об основных мероприятиях, намечаемых и проводимых партией, и в гораздо меньшей степени, чем находящиеся в городе, принимают участие в выявлении и создании общепартийного мнения по важнейшим вопросам, разрешаемым партией.

Но при этой недостаточной постановке общепартийных вопросов, в большинстве низовых парторганизаций деревни отсутствует также в должной степени постановка вопросов местной волостной и сельской жизни и строительства. Такие вопросы, как о землеустройстве и его перспективах в данной волости, как состояние волостного бюджета, о мерах к улучшению состояния школ и изб-читален в пределах волости и т. д., до последнего времени редко стояли в порядке дня ячеек и волкомов. При заслушании докладов волкома и секретаря ячейки о его работе, доклада о работе ВИК'а и т. д. прений или совершенно не бывало, или все обсуждение доклада проходило как-то формально, без должной активности и живого участия присутствующих.

Еще по сию пору для большинства сельских ячеек остается верным, что ряд важнейших вопросов общепартийной жизни и местного строительства проходит мимо их. Отчасти это приходится об'яснить и редкостью и нерегулярностью во многих случаях партийных собраний в деревне. Из-за распыленности и разбросанности деревенских коммунистов и по общей причине слабости работы, партдень в сельских ячейках происходит значительно реже, чем в городе. В период полевых работ ячейки иногда не собираются по полтора и два месяца. Но и зимой только меньшая часть ячеек собирается регулярно раз в неделю. Большей частью они собираются раз в две недели, а во многих случаях и реже. Если в городе коммунист помимо партдня всяческими другими путями и на других заседаниях и собраниях участвует в разрешении вопросов общественной жизни и строительства, то в деревне почти единственное место, где в партийной среде можно совместно выяснять для себя и разрешать назревшие вопросы — это ячейковое собрание, ибо при малочисленности ячейки никаких комиссий, секций и кружков из нее не выделишь и поэтому в деревне является особенно необходимым регулярное соблюдение партдня.

В порядке проведения ячейковых собраний, в деревне преобладают два неправильных подхода: или ячейка совершенно отгораживается от беспартийных, устраивая сплошь и рядом закрытые собрания; или постоянно проводимые открытые собрания устраиваются таким образом, что стирается грань между партийными и беспартийными. Партийное собрание превращается в созываемое ячейкой собрание вообще, где вопрос в партийной постановке обсуждается мало и нередко даже бывает, что голосуют на таких собраниях зараз все присутствующие. Беспартийные крестьяне охотно посещают собрания ячеек, но при этом не всегда из сочувствия и близости к коммунистам, а из любопытства.

Помимо секретаря и состава бюро сельских ячеек, остальные их члены, если вовлечены к активному участию в работе и строительстве, то только как находящиеся на советской, кооперативной и др. работе, но не через ячейку и не как члены ее. Те же из деревенских коммунистов, кто не находится ни на каких выборных и служебных должностях, в большинстве случаев, совершенно не втянуты в активную работу. Среди той части деревенских коммунистов, работающих в своем хозяйстве без совмещения с другой работой, чаще всего имеют место факты пассивности и отрыва от партжизни, выражающиеся в непосещении партсобраний, неуплате членских взносов и т. д. и являющиеся, главным образом, результатом недостаточного к ним внимания и обслуживания их со стороны ячеек и партии в целом.

Уровень развития и постановка воспитательной работы.

Уровень общих знаний и политразвития большинства деревенских коммунистов очень низок. На 75—80% они политически

О коммунистах, владеющих хозяйством.

Коммунисты-крестьяне, владеющие хозяйством, в своем громадном большинстве по имущественному положению относятся к маломощным, полубатракам и к середнякам. Только в Сибири, в Южной Украине и на Юго-Востоке можно встретить коммунистов крепких хозяев. Кроме Украины, почти нигде в парторганизациях не ставился даже вопрос о намечении мер, которые обеспечили бы постепенный органический переход этих коммунистов-единоличников на коллективные формы и методы хозяйствования, начиная с простейших форм кооперирования, имея членов партии, как основное ядро для кооперирования вокруг них беспартийных. Харьковская губ., кажется, единственная, имеющая до 800 членов и кандидатов партии в коммунах и с.-х. коллективах. В громадном же большинстве губерний, количество членов партии крестьян, перешедших на коллективные формы хозяйствования, не достигает и пяти десятков в каждой. Но на Украине кое-где имела место принудительная и механическая коллективизация сверху, путем вынесения партийного решения, что совершенно нельзя признать правильным.

Из общего числа исключенных и выбывших из рядов РКП (членов и кандидатов) за 1-ю половину 1924 г. в 10.266 чел., крестьян по социальному положению имеется более половины, из них 80%—это коммунисты, живущие в деревне, состоящие в сельских партийных ячейках. По отношению ко всему числу членов и кандидатов партии в деревне, это составит не более 3%, что показывает, что сама по себе эта утечка не особенно велика, но в сравнении с процессами отсеивания и утечки среди всех других групп членов партии, она в 2½ раза выше. Отсеиваются, в порядке выбытия, а не исключения, из деревенских партячеек больше всего крестьяне-одиночки, работающие в своем хозяйстве, не совмещая ни с какой должностью. Они отрываются от партжизни, будучи плохо обслуживаемы ячейкой и вовлекаемы в работу, и мотивируют свой уход из партии желанием уделять более внимания и времени своему хозяйству.

Руководство работой низовых органов деревни.

В руководстве со стороны ячеек работой советских и всех других органов деревни, в большинстве случаев, имеют место следующие основные неправильности. Руководство осуществляется формально, отдаются официальные распоряжения, вне зависимости, сидят ли в этом органе коммунисты и беспартийные. При этом влияние и направление работы этих органов по основным и важнейшим вопросам совершенно недостаточны, а есть вмешательство в практическую работу этих органов, есть замена собой этих органов и взятие ячейками на себя совершенно непринадлежащих им административных прав. Почти везде до последнего времени как сами члены ячейки, так и беспартийные крестьяне, считали бы вполне нормальным, если бы секретарь ячейки, не состоящий ни на какой официальной должности и не имея никаких официальных полномочий, произвел обыск, выемку, арест в любом учреждении деревни и у любого крестьянина. Отсутствовал, до последних месяцев, подход к низовым органам деревни, как к организациям, которые организуют крестьянство, которые должны постоянно отвечать перед своими избирателями-крестьянами, которые должны быть в своей работе самостоятельны, чтобы крестьяне видели, что это действительно избранный ими орган власти, а не придаток к ячейке, к уездному аппарату и к чему бы то ни было. Не было должного понимания необходимости постоянно добиваться влияния в советах и других органах деревни, путем упорной работы и отстаивания своей линии среди крестьянства. Выборность, как об этом писалось много за последнее время, при формировании этих органов почти не осуществлялась. При намечении и выдвижении своих кандидатур, ячейки мало считались с тем, как отнесется к той или иной из них избиратель-крестьянин.

Избранные, в те или иные органы, коммунисты работали, в большинстве случаев, сами по себе, имея приказания свыше из уезда и т. д., но не имея должного руководства от своей парторганизации по основным и важнейшим вопросам хозяйственного и культурного строительства в деревне.

Последние директивы партии о большем вовлечении беспартийных крестьян во все волостные и сельские органы, об осуществлении действительной выборности и отчетности этих органов перед крестьянским населением, до сих пор встречают со стороны деревенских работников (и уездных нередко) непонимание и некоторое пассивное сопротивление. Этот консерватизм вполне об'ясним: в течение ряда лет эти работники воспитывались на административном подходе к деревне и в течение нескольких месяцев добиться сразу перелома и полного изжития этого подхода невозможно.

Из всего, что было выше сказано о слабости политуровня и пассивности состава сельских ячеек, не следует понимать, что ячейка не влияет на ход жизни в деревне и что жизнь эта течет совершенно мимо нее. Конечно, бывает и это, но редко. Активный слой ячеек, так наз. деревенский партийный актив, составляющий 20—25% всего их состава, является основной направляющей группой в деревне, влияющей на весь ход ее жизни. Среди этого актива есть разложившиеся элементы, но их небольшое меньшинство. В своем большинстве это прекрасные партийцы и работники, заезженные работой, которые при должной помощи и умелом руководстве из города, принесут еще много пользы для деревенской работы. Есть среди этого актива много работающих не покладая рук, не щадя сил и здоровья, заслужившие себе своей работой большую симпатию и доверие крестьянства.

О подборе и оплате партработников деревни.

Одной из причин слабости партийной работы в деревне, является недостаток в ней подготовленных, умелых и выдержанных партийных работников. Важнейшей задачей является подготовка таких работников из самой деревни. Но на ряду с этим, для того чтобы обеспечить успех этой задаче, необходимо, несомненно, в течение ближайшего периода, укреплять деревню партийными силами извне, из города. Это укрепление парткомы должны проводить самым тщательным образом, не в порядке ударных кампаний и мобилизаций, не давая в деревню только тех работников, кого легко снять с городской работы, а направляя туда только вполне подходящих, крепких и знающих деревню работников, которые могли бы там действительно принести всю пользу.

«Америка сделалась, в известном смысле, воспитательницей всего мира. Ее быстро развивающиеся университеты и другие научные учреждения, ее выдающиеся ученые и специалисты привлекают к ней жаждущие знания народы как Южной Америки, так и Дальнего Востока. Европа, обедневшая и раздираемая войнами уступает свое мосто Америке, роль которой, как лидера в области наук и искусств, а главное в теории и практике воспитания становится все более и более значительной. Миллионы китайского народа, представляющего собою четверть всего человечества, с надеждой ждут от нее вдохновения и руководства».

Повторяем, еще несколько лет тому назад, такие и еще более хвалебные оды «великой Америке» слагались повсеместно в Китае. Но по нынешним временам несколько лет уже не малый срок особенно, если принять во внимание, что в чрезвычайно интенсивной духовной эволюции передового Китая чуть не каждое полугодие составляет целую эпоху. Теперь даже самые ярые американофилы вряд ли посмеют публично выступить с подобными диффирамбами, ибо теперь утверждать, что миллионы китайского народа ждут от капиталистической Америки какого-то вдохновения и руководства, означало бы сознательно и добровольно ставить себя под град насмешек.

До диффирамбов ли тут, когда со всех сторон из Пекина, Кантона, Шанхая, Ченту, Тяньцзина, Чанша все громче и громче звучат требования уничтожить грабительские договоры, насильственно навязанные Китаю, и когда та же самая Америка, Америка Вильсона, Гардинга и благочестивого Кулиджа, Америка христианская, Америка призванная «вдохновлять и руководить», живописуется передовым Китаем в виде империалистического чудища, ежедневно пригвождается к позорному столбу. Колоссальные суммы, расходуемые на культуртрегерскую работу в Китае, тысячи американских школ, целая армия «самоотверженных и бескорыстных миссионеров»—все грозит пойти на смарку, погибнуть прахом перед лицом неумолимого, внедрившегося влияния Советского Союза, нашедшего магический ключ к сердцу китайской общественности.

Можно сказать без самообольщения: идейная конкуренция Советского Союза, вызвавшая такое стремительное падение американского престижа, воспринимается Вашингтоном не менее чувствительно, чем все недавние успехи Японии, пытающейся, при помощи мукденской и аньфуистской клик, продвинуть и закрепить свои позиции во внутренних провинциях Китая. Относительно Японии Америка уверена, что торжество ее—временное, победа ее—непрочная, что при наличии соответствующего давления англо-американского блока, новых позиций ей, все равно, не удержать и что волей или неволей, а придется ей пойти в Каноссу, т.-е. на новую вашингтонскую конференцию, имея на этот раз за плечами тяжелое наследие сентябрьской катастрофы. Но, что делать с безудержно растущим престижем Советского Союза, как помешать созданию единого фронта «от Ленинграда до Кантона», какую плотину воздвигнуть, чтобы предотвратить слияние великого крестьянского океана Восточной Азии с рабоче-крестьянским морем Советского Союза, как воспрепятствовать Китаю бросить тяжесть своих сотен миллионов на чашку весов мировой революции?

Америка, выдвинутая стремительным ростом своего экономического и финансового могущества в лидеры всего капиталистического мира, Америка становящаяся арбитром Европы и быстро идущая к гегемонии в Тихом Океане, а значит, в Восточной Азии, т.-е. прежде всего в Китае, не может, конечно, не видеть в Советском Союзе наиболее грозную препону, стоящую на пути к завершению ее грандиозных планов. Вот почему, при более внимательном изучении дальневосточной кон'юнктуры, приходится констатировать, что из трех основных назревших здесь конфликтов: конфликта англо-американского империализма с японским и отчасти французским, конфликта внутри самого англо-саксонского блока и, наконец, конфликта советско-китайского блока с Соединенными Штатами Америки, как лидером империализма—последний конфликт есть самый глубокий, самый грозный, без разрешения которого не может быть полностью разрешена и китайская проблема. Более того, утверждать определенно, который из этих конфликтов назревает более стремительно, а потому и должен разрешиться в первую очередь—довольно рискованно. Несмотря на всю серьезность японо-американских отношений, серьезность, усугубленную недавней победой японофильских группировок в Китае, говорить о неизбежности в ближайшем же будущем японо-американской войны преждевременно. Америка не меньше Японии боится этой войны, ибо, даже в случае победы, она вряд ли выиграет. По крайней мере Великобритания сделает все от нее зависящее, чтобы ничего подобного не случилось. Вашингтон прекрасно отдает себе отчет в этом, и потому, вряд ли, поддастся английской провокации. Соединенные Штаты занимают в настоящее время столь исключительно благоприятное положение, столь уверенно идут к мировой гегемонии, что без толку торопиться, сгоряча пускаться на рискованные авантюры им никакого расчета нет. Можно поэтому ожидать, что если даже вооруженное столкновение между ними и Японией неизбежно, то нападающей стороной придется быть Японии. Трудно, однако, полагать, чтобы японские миллитаристы легко решились на подобный шаг.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с двумя другими конфликтами: англо-американским и конфликтом между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Нет, конечно, ничего удивительного в том, если Англия Болдуина страстно желает, чтобы Америка возглавила на Дальнем Востоке крестовый поход всего империалистического блока против Советского Союза. Не отказывалась сотрудничать с Великобританией в анти-большевистской кампании и даже в течение последних двух-трех лет, являясь в Пекине душою заговора, направленного против русско-китайского сближения. Америка, однако, не выказывает большой склонности marcher jusqu'au bout, а тем более жертвовать из-за своего антибольшевизма своими непосредственными интересами. Ибо не надо забывать: если оставить в стороне неизбежное, как и непримиримое соперничество за влияние между миром социализма, олицетворяемым Союзом Советских Республик, и миром империализма, наиболее ярко представляемым в настоящее время, Соединенными Штатами Америки и временно стать на точку зрения «реальной политики», на точку зрения «грубых материальных интересов» сегодняшнего дня, то, собственно говоря, ни о каком грозном конфликте между русскими и американскими интересами говорить не приходиться. Как ни парадоксально это должно звучать

ному воображению иностранных журналистов и дипломатов всерьез уже рисуется картина того, как Ху Тин-и, забрав Хупэй, соединится с «гоминдановской армией» Тан Ен-кайя, продвигающейся к северу и т. об. Гуандун «цитадель китайского большевизма» через провинции Кианси, Хупэй, Хонан, Чжили, Чахар, Суйюань и Внешнюю Монголию, войдет в непосредственный контакт с Советским Союзом. За чем неизбежно, мол, последует выступление Фэн Ю-сиана и падение Туановского правительства. Перспектива настолько катастрофическая, что иностранные резиденты Тьяныцзина, Шанхая, Ханькоу и др. открытых портов поднимают знамя восстания против—дипломатического корпуса и, прежде всего, против американской и английской дипломатии, ничего, якобы, не предпринимающей, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу.

«Согласно всем сообщениям, идущим из Северного Китая, как и согласно местным слухам, читаем мы в «North China Daily News», положение в Пекине таково, что все говорит за образование в скором времени правительства Фэн Ю сиана—Сун Ят-сена с решительными анти-договорными, если только не совершенно большевистскими, тенденциями. На этом основании Шанхай весьма склоняется к тому, чтобы, вопреки условностям и приличиям, потребовать отчет у дипломатического корпуса в том, что он думает предпринять».

Приходится ли удивляться, если «взоры всех иностранных колоний» с надеждой и тоской обращаются к спешно возвращающемуся из Вашингтона доктору Шурману. Неужели и перед лицом столь грозных событий Америка будет продолжать «миндальничать», «разводить сантименты» и «заниматься демагогией», отгораживаясь от «трезвой политики Великобритании». Так рассуждали накануне приезда американского посланника не только англичане и французы, но и американские business men. «Вновь увидеть в Пекине д-ра Шурмана, писала американская «China Weekly Review», ободряющим образом действует на всех американцев и на весьма многих китайцев... Великие державы попали в положение, когда они вынуждены занять определенную позицию, поддержать и усилить в Китае консервативные и мыслящие элементы, или же им придется стушеваться и позволить радикалам, тайно поддерживаемым Москвою, свести на-нет договоры и пинком ноги выставить из Китая Великие Державы со всеми их интересами». Как видите, даже для американского органа, вопрос прежде всего идет не о поддержании чжилийцев против аньфуистов и чжан-зо-линов'цев, а о поддержании «консервативных и мыслящих элементов», не о том, как сократить Японию, но о том, как пресечь «зловредное влияние Москвы». Таким образом, если судить по настроениям местных империалистов и их прессы, то на очереди дня стоит как-будто не японо-американский конфликт, еще менее разрыв англо-американского блока, но крестовый поход всех Великих Держав, возглавляемых Америкой против Советского Союза и «китайских радикалов».

«У нас снова единый фронт в Пекине, и если общей политике, которая, без сомнения, рассматривалась в различных Foreign offices, дать шефство и руководство, то можно будет произвести некую созидательную работу»...

Но вот, однако, и долгожданный доктор Шурман со своей декларативной речью, но такой, что уже цитированный нами солиднейший британский орган даже отказывается в первый день комментировать ее, боясь выдать свое волнение и негодование. Подумайте! Вместо решительного окрика или, по крайней мере, суровой нотации с точным указанием тех кар, которые ожидают Китай в случае, если он не образумится, не порвет с большевизмом, не прекратит «бессмысленной агитации» за уничтожение священных договоров,—полились сладкие речи о том, что американский народ поражен обширностью китайской территории, обилием ее естественных богатств, количеством китайского населения, поражен благородством и древностью китайской цивилизации, поражен успехами Китая в агрикультуре и коммерции, как и его прошлым рекордом в области государственного управления и т. д. и т. п. Но это еще с пол-беды. Чорт с ним. Почему бы и не снять шляпы перед прошлым Китаем, если дело идет о противопоставлении его Китаю современному. Китаю сегодняшнего дня, заслуживающему лишь бичей и скорпионов. Но тогда, спрашивается, зачем американскому посланнику вести столь церемонную и утонченно вежливую полемику с Сун Ят-Сеном, зачем стараться отгородиться, во что бы то ни стало, от «империалистических держав», зачем доказывать, что и Америка не меньше «иных прочих» желает освобождения Китая из-под иностранной опеки, стоит за уничтожение всех неравноправных договоров с тою, мол, лишь разницей, что тогда как те же самые «иные прочие» чересчур спешат и потому рекомендуют революционный метод, Америка стоит за «эволюционный метод», и, наконец, зачем подливать масло в огонь, заявляя:

«Америка надеется, что как только китайское правительство почувствует под собою прочную основу и об'единит всю страну, оно возьмет на себя выполнение всех тех правительственных функций, которые согласно договорам лежат в настоящее время на иностранцах».

В то время, как, благодаря непрекращающейся «гражданской войне», железнодорожное сообщение совершенно парализовано, когда наиболее важные торговые порты оказываются изолированы от всей страны, и иностранная торговля несет колоссальные убытки, заверять в такое время китайцев, что «мы не должны удивляться, если в такой краткий срок как 12 лет, Китай не успел произвести фундаментальной перестройки правительственной системы»—не значит ли поощрять их на «дальнейшую анархию, на дальнейшую блокаду иностранцев и на окончательный подрыв иностранной торговли». Вообще вся речь американского посланника есть, по мнению иностранных business men'ов, ни что иное, как капитуляция Америки перед большевистским Китаем.

«В Китае наблюдается резкое революционное настроение, сказывающееся как в китайской прессе, так и в публичных выступлениях китайских лидеров. Мы, державы, должны считаться с этим настроением и пойти на уступки, иначе мы рискуем потерять все, что имеем». Так был резюмирован смысл речи Шурмана местными иностранными кругами, в том числе и английскими, чьи расчеты «спекульнуть» на большевистской опасности и заставить Соединенные Штаты солидаризироваться с китайской политикой Великобритании, политикой

нией достигнуто соглашение относительно общей политики в Китае. Всем также известно, что недавний визит генерал-губернатора Индокитая г. Мерлина в Японию открыл новую эру в наших экономических сношениях с французской Кохинхиной. Кокинхина же граничит с Юннанем, а Юннань вместе с прилегающими к нему Куэйчжоу и Сычуанем содержат колоссальное количество сырья. Если Франция использует свое право на постройку жел. дорог в этих провинциях, громадные ресурсы последних будут открыты для цивилизованного мира, при чем, проектируемая линия весьма близко подойдет к границе провинции Шанси... Все вышесказанное еще не означает, что мы во что бы то ни стало требуем союза с Францией или же предлагаем последней вместе с Японией повести наступление против Англии и Америки. Мы желаем лишь обратить внимание общественного мнения на экономическую ценность южного Китая и на тот факт, что национальная политика Франции диктует ей сотрудничество с Японией».

Насколько эти претенциозные планы осуществимы—другой вопрос, во всяком случае, самый факт существования их указывает на желание Японии и впредь саботировать решения Вашингтонской конференции и продолжать следовать своей традиционной политике, политике «сфер влияния» и «специальных интересов».

Если для британского империализма осуществление американских планов «об'единения и умиротворения» Китая еще не смерть, то во всяком случае такой серьезный удар, который бесповоротно сведет Mistress of Asja на второстепенные роли. Вот почему фактически и Великобритания не менее Японии делает все от нее зависящее, чтобы превратить, так наз., Договор Девяти Держав, являющийся, как бы отправным пунктом, в борьбе Америки за гегемонию в Восточной Азии, в пустую громкую декларацию, по существу, ни к чему ее не обязывающую.

Как относится Вашингтон к этому упорному саботажу его дальневосточной политики, можно отчасти судить по декларативной речи Шурмана, а еще лучше по недавнему выступлению адмирала Фелпса Of. U. S. Havy, чьи прямолинейные заявления служат лучшим раз'яснением и дополнением к словам американского посланника.

«Будет плачевно,—заявил адмирал,—если Договор Девяти Держав не увидит ратификации. Это покажет, что терпеливые усилия Америки достигнуть единодушия в Дальневосточной проблеме путем соглашательства и сотрудничества оказались тщетными. Нельзя поэтому порицать Америку, если она самостоятельно придет на помощь Китаю. Порицать придется те державы, которые в настоящий момент так горячо стоят за Лигу Наций. Последнее обстоятельство лишь доказывает, что, по существу, действия Лиги Наций рассчитаны лишь на то, чтобы еще более усилить и обогатить крупные державы на счет слабых народов... Сотрудничество в дальневосточных делах ведет к продолжительному миру, отказ в этом сотрудничестве, отказ от ратификации Договора Девяти Держав неизбежно ведет к войне».

Резюмируя все вышесказанное, приходится констатировать, что поскольку о создавшейся ситуации на Дальнем Востоке можно судить из Пекина, наиболее примечательной чертой ее является стремительно выросшее влияние Союза Советских Республик. Самим об'ективным ходом вещей рост этого влияния непосредственно сказывается на усилении и оформлении китайского национального движения, что, разумеется, volens nolens ставит союз в острый конфликт со всем империалистическим миром. В то же самое время рост китайского национального движения, заставляя все империалистические державы выступать более откровенно, резко выявляет противоречия их интересов и, таким образом, заметно ведет к обострению их взаимоотношений. На ряду с конфликтом Советского Союза с миром империализма, конфликтом, ставящим решение китайской проблемы в зависимость от решения проблемы общемировой, нарастают, таким образом, другие конфликты, из которых наиболее примечательным, если не говорить о японо-американском соперничестве, является столкновение наиболее передовой, наиболее могущественной капиталистической страны, Америки, с более отсталыми представителями капиталистического мира, продолжающими цепляться за старые «некультурные формы империализма». Возможность дальнейшего обострения этого столкновения придает особый интерес тому, как в ближайшем будущем сложатся взаимоотношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Если «внезапный уход» Юза еще не позволяет решительно утверждать о перемене курса американской политики к Союзу, все же дает некоторые основания предполагать, что такая перемена вероятна, особенно, если советско-японский договор сделается на-днях совершившимся фактом.

М. Т.

Брешь в Англо-Американском блоке.

Обострение борьбы за Канаду.

Англо-американский блок, без сомнения, является в настоящее время крупнейшим фактором международной политики. Согласованные выступления Англии и Америки замечаются и в Европе, и на Дальнем Востоке, и в политике по отношению к СССР и т. д.

Но все же этот блок сцементирован далеко не прочно. Фундамент его подтачивается внутренними противоречиями, которые быть может, в настоящий момент не выступают достаточно рельефно, но которые действуют беспрерывно, упорно и в прогрессирующей степени.

Для ознакомления с этой обратной стороной англо-американской медали особый интерес представляет обострившаяся англо-американская борьба за Канаду, которой теперь уделяется особое место в печати этих заинтересованных стран.

Несколько неизвестных среднему советскому читателю выдержек из печати, которые красноречиво свидетельствуют об остроте вопроса.

В «Таймсе» от 31 января с. г. мы находим сообщение из Монтреаля (центр. Восточной Канады) о приеме в честь, так наз., «делегации доброго согласия» (bonne entente delegation) из Онтарио, преследующей цель установления смычки между канадцами английского и французского происхождения. На этом приеме губернатор Кокшет заявил буквально следующее:

«В настоящий момент опасность нам угрожает не со стороны вооруженных полчищ, но со стороны того предательского неустанного идеологического наступления, ведущегося американской печатью. Она не только влияет на наши взгляды и вкусы, но постоянно напоминает нам о предметах роскоши и привлекательных сторонах нашего цветущего соседа... К тому же мы всюду имеем американские фильмы и соблазн широко распространенного радио. Мы постоянно видим по всей нашей стране вширь и вкось чужой флаг, который почти также хорошо знаком канадскому мальчику и девочке, как Юнион Джек» (британский флаг).

Но еще более откровенен на счет этой американской опасности виднейший финансист Монтреаля Меррей Вильямс. В лондонском «Сондей Экспресс» (25 янв. с. г.) он пишет:

«Все видные финансисты и деловые люди Монтреаля сходятся в том, что будущее чревато серьезной возможностью об'единения Канады с Соединенными Штатами... Всюду от одного конца страны

до другого можно слышать эти разговоры об об'единении. Огромное число известных канадцев, которые 3 месяца назад ужасались при мысли об аннексии Канады Соединенными Штатами, теперь спокойно рассматривают такую возможность».

Таковы настроения в Канаде. Неудивительно после этого, что английская печать с большой тревогой следит за развитием событий в этой составной части империи, каждодневно прощупывая эти опасные настроения, которые все острее выявляются в области дипломатических взаимоотношений между метрополией и этим беспокойным доминионом. Так, например, канадский премьер Макензи Кинг открыто саботировал созыв общеимперской конференции для улучшения связей между метрополией и колониями, предложенной Макдональдом. Далее, он дал понять, что поддерживает ирландского премьера Косгрейва в его споре с Лондоном, по поводу регистрации англо-ирландского договора в Лиге Наций. (В отличие от ирландского правительства, английское правительство высказывается против регистрации, считая, что договор заключен не между двумя равноправными сторонами, а является внутренним делом Англии).

Наблюдаются также трения между Лондоном и Оттавой по вопросу о женевском протоколе и параграфах устава Лиги Наций на счет международных конфликтов, которые эвентуально (возможно) могут повлечь за собой вмешательство Канады. В этих вопросах Канада отстаивает политику обхода таких обязательств, которые заставили бы ее выступить на стороне Англии в случае вооруженного конфликта.

Все эти трения—не случайные явления, и консервативная «Морнинг Пост» (22 янв.) совершенно права, когда она напоминает канадскому премьеру длинный список его прегрешений перед идеей неделимости империи. Она напоминает, что в 1922 г. Кинг стал вести сепаратные переговоры с Вашингтоном относительно обороны района Великих Озер (на границе Канады и С. Штатов), что принадлежит компетенции британского посла, и это дало повод «Нью-Иорк Трибюн» писать:

«Канада в ее отношениях с нашей страной (Соед. Штатами) будет практически независима и займет место, как сестра-республика».

«Морнинг Пост» напоминает далее инцидент с так наз. Халибутским договором между Соед. Штатами и Канадой о рыбной ловле (март 1923 г.), когда Канада настаивала на праве (и отстояла это право) выступать отдельно от империи. Орган «твердокаменных» консерваторов (die-hards) открыто квалифицирует такую политику, как «сепаратизм».

Но за две недели, истекшие после того, как было брошено это обвинение Канаде, положение еще более осложнилось. Следуя примеру Ирландии, Канада, совершенно не считаясь с тем, что в Лондоне уже весьма раздражены одним фактом сепаратного Халибутского договора, внесла его, в начале февраля, в Лигу Наций для регистрации не через представителя Англии, а через своего собственного. Таким образом, Канада продолжает свою политику сепаратизма, которая особенно рельефно выступила в требовании особого дипломатического представительства в Вашингтоне и, в частности, во время англо-турецкого конфликта в

1922—23 г., завершившегося Лозаннским договором. В сентябре 1922 г., когда турки угрожали силой вытеснить англичан из Константинополя и Дарданелл, явно обнаружилось, что британский империализм вовсе не может питать уверенности, что в случае военного осложнения для «страны-матушки» (mother country), дочь Канада поспешит ей на помощь... Великий миротворец Ллойд-Джордж тогда страстно желал войны с Турцией, чтобы поддержать престиж Великобритании, которому так дерзко угрожали турецкие националисты. Но загребущие руки британского империализма на этот раз оказались коротки... Доминионы—Канада в частности—не пожелали еще раз проливать кровь во славу далекого острова у берегов Европы...

Когда же дело дошло до подписания Лозаннского договора канадский премьер в телеграмме в Лондон от 24 марта 1924 г. открыто заявил:

«В виду того, что правительство Канады не было приглашено послать представителей на Лозаннскую конференцию и не участвовало в ней... мои министры не видят возможности рекомендовать парламенту одобрение мирного договора с Турцией».

Правда, Канада потом пошла на уступки, признав Лозаннский договор, но самый факт первоначального отказа весьма показателен для той «сердечности» взаимоотношений между метрополией и Канадой. (А Канада в этом смысле не составляет исключения среди доминионов).

Какова же основная причина отрыва Канады от империи и ее тяготения к Сед. Штатам? На это упомянутый Вильямс отвечает:

«На целых 4.000 миль (англ.) тянется граница Канады рядом с Соед. Штатами. Соед. Штаты процветают, Канада же, несущая ярмо тяжких налогов, печальна и подавлена. Если Канада смотрит на страну восходящего солнца и надежд (Соед. Штаты) взглядами голодной жадности, то это связано с вопросами хлеба и масла. Проще говоря: дела в Соед. Штатах хороши... а в Канаде—плохи... Страна с тяжкими налогами и дороговизной не может прочно существовать рядом со страной с низкими налогами и дешевизной. Вот где скрыта угроза аннексии Соед. Штатами».

О том же пишет английский «Экономист», посвящающий целую серию обстоятельных статей канадскому вопросу; (значит, неблагополучно в об'единенном королевстве и его заморских владениях...).

«За после-военным кризисом в Канаде не последовало такого заметного оздоровления, как в Соед. Штатах, и ее экономическая жизнь в значительной степени осталась в тени, заслоненная быстрым ростом и колоссальной торговлей ее великого соседа. Соединенные Штаты—непреодолимый соблазн для предприимчивой части канадской молодежи, потому что там они находят значительно больше возможностей, чем в своей стране... Из тех, кто имеет возможность отправиться на юг (т.-е. в Соед. Штаты), никто не остается. Стоимость жизни в Соед. Штатах не выше, чем в Канаде, а заработная плата ощутительно выше» («Экономист» 13/XII). — Заметим кстати, что профессиональное рабочее дви-

жение Соед. Штатов в лице Американской федерации труда организационно связано с канадскими профсоюзами).

Об этой силе американского влияния, не менее красноречиво говорят следующие данные о торговле Канады за последние годы:

Экспорт Канады в миллионах долларов.

(Цифры округлены).

	1921	1922	1923	1924
В Соед. Штаты	561,7	304,1	380,3	441,6
В Англию	314,2	300,3	379,9	361,2

Импорт в Канаду

(в миллионах долларов).

Из Соед. Шт.	856,1	515 9	540,9	601,2
Из Англии	213,9	117,1	141,3	153,6

Таким образом мы видим, что если канадский экспорт в Соед. Штаты не особенно значительно превышает экспорт в Англию, то американский экспорт в Канаду за последние 4 года больше, чем в 4 раза превышает английский экспорт в свой доминион. (В довоенном 1913 г. общая торговля Канады с Соед. Штатами составляла 622,4 милл доллар., а с Англией 361,7 милл. долл.).

Не менее красноречивы официальные цифры, дающие процент участия Англии в импорте Канады, на основании официальных данных. («Комюнист Ревью», февр. 25 г.).

1875 г.	1900 г.	1913 г.	1919—20 г.
49	24	20	12

Тенденция развития, точнее говоря, быстрота падения для английского империализма—прямо-таки катастрофическая. С другой стороны, американский капитал завоевывает в Канаде одну позицию за другой. Согласно официальным американским данным, внедрение американского капитала в Канаду определяется следующими цифрами:

На 1 января 1924 г. в руках американских граждан находилось канадских промышленных и др. акций 1.750 милл. долларов (больше половины стоимости всех акций), а государственных канадских облигаций—на 750 миллионов, итого $2\frac{1}{2}$ миллиарда долларов, т.-е. больше половины всех иностранных инвестиций (вкладов). Согласно данным канадского официального статистического бюро, в 1915 г. английские инвестиции составляли 1.860 миллионов долларов, а американские всего лишь—420 миллионов долларов. За 1923 г. соответствующие данные будут—для Англии—1.890 милл. долларов, а для Соед. Штатов 2.425 милл. долл. [1]).

Таким образом за восемь лет английский капитал в 1915 г., приблизительно в $4\frac{1}{2}$ раза больший американского, почти не успел захватить новых позиций, между тем, американский капитал, значительно обогнав английский, увеличился, приблизительно, в 6 раз!

[1]) The World Almanac 1925 г.

Неудивительно после этого, что «Американский Экономист» говорит об «экономическом завоевании» Канады Соед. Штатами и что английская печать бьет тревогу.

Положение с точки зрения английских интересов ухудшается еще тем, что Соед. Штаты как мощный насос *выкачивают из Канады ее живую рабочую силу*. Английский «Экономист» (13 дек. 1924 г.), не скрывая, что «в некоторых кругах (Канады) господствуют настроения, которые нельзя назвать иначе, как пессимизмом», приводит утверждение «Монтреал Газетт», что Канада в последние года даже не в состоянии удержать у себя всего прироста населения и теряет вследствие эмиграции в Соед. Штаты больше, чем получает от иммиграции. (Статистические данные в этой области не дают правильной картины, так как канадцы, в отличие от других иммигрантов, при в'езде в Соед. Штаты не подвергаются контролю. К тому же почти невозможен контроль на почти неохраняемой границе в 5.000 километров).

Не менее характерен для этого своеобразного переплета англо-канадско-американских отношений следующий факт: *Соед. Штаты выкачивают из Канады не только ее живую силу, но и механическую гидро-электрическую энергию, играющую огромную роль в развитии Канады*.

«До сих пор,—жалуется канадский корреспондент «Манчестер Гардиен» (Manch. Guardian Weekly 2/I—25), развитие водяных сил Канады было в виде исключения свободно от американского или иного внешнего влияния... Больше 700 миллионов долларов было вложено канадцами в дело развития водяных сил. Но деятельность американского капитала, заинтересованного в развитии водяных сил за последний год-два указывает на возможность изменения положения». И далее корреспондент сообщает, что американский «табачный король» Джон Б. Дюк ведет переговоры с канадскими властями об использовании для своих фабрик в Соед. Штатах водяной энергии реки Севеней и водопадов Кариллон на р. Оттаве. По этому поводу, «Монтреал Стар» поднимает тревогу: «это послужит прецендентом для подобных концессий в других важных и имеющих стратегическое значение районах... и через несколько лет мы можем увидеть огромные станции на реках Онтарио и Квебек, доставляющих энергию на пользу и для развития американской индустрии и во вред Канады».

Располагает ли Канада в достаточной степени внутренними силами, чтобы устоять против силы «гигантского магнита с юга», как выражается «Таймс» (4/II—25) в одной из серий статей, посвященной центробежным силам в Великобританской империи? На этот вопрос приходится ответить *отрицательно*. После 1918 г., года промышленного под'ема в Канаде, когда экспорт составлял 1.586 миллионов долларов, сумма экспорта в общем не дает прогресса; (цифры округлены; в миллионах долл.).

1919 г.	20 г.	21 г.	22 г.	23 г.	24 г.
1.268	1.286	1.210	753	931	1 058,5

Правда, каждая из этих сумм значительно превышает довоенный экспорт (1912 г.—307 миллионов долл., 1913 г.—377 милл. долл.), но удержать завоеванные во время войны позиции, Канаде вряд ли удается. Это тем более ясно, если мы вспомним, что немалая часть этих сумм попадает в карманы американских

капиталистов, с целью избежания пошлин открывших уже около 2.000 отделений своих фабрик в Канаде. К тому же, перспективы канадского экспорта не особенно розовы, так как львиная доля его (в 1923 г.—407 милл. долларов из 931 милл. долл.) падает на хлеб и с.-хозяйственные продукты, для которых все труднее приходится найти рынки сбыта. «Экономисту» (17/I—25) приходится утешаться тем, что при большевиках «восстановление российского сельского хозяйства даже до довоенного уровня пойдет очень медленно и, может быть, отодвинуто на бесконечно долгое время», а это-де улучшает положение Канады. Солидные экономисты британского капитализма действительно попали пальцем в небо. Ведь, начиная с 1922 г. наша посевная площадь быстро восстанавливается и увеличившись, по сравнению с этим годом, на 30%, уже достигла 88% довоенного уровня. И если атмосферные условия будут нормальны, то мы скоро завоюем важные позиции на мировом хлебном рынке, на которой мы вышли уже в 1923 г.

Финансовое положение Канады тоже не особенно благоприятно. Бремя последствий войны сильно дает себя чувствовать. Давят налоги и, в частности, огромный дефицит огромной железнодорожной системы, соответствующей мировым экономически-стратегическим интересам английского империализма, но не внутренним интересам Канады.

Если ко всему этому еще прибавить национальные трения между канадцами французского происхождения (2,4 миллиона) и английского (2,5 миллиона), весьма острую борьбу между фермерским Западом и индустриальным Востоком, то мы убедимся, что *перспективы англо-американской борьбы крайне неблагоприятны для английского империализма*. Правда, последний может тешить себя тем, что и между Канадой и Соед. Штатами имеются кое-какие трения по вопросам о пошлинах на хлеба и лес. Но как раз эти трения способны усилить агрессивность Соед. Штатов, до сих пор ограничивающихся мирным проникновением в Канаду, а от такого оборота английский империализм наверно не выиграет.

Как же смотрит английская дипломатия на будущее взаимоотношений между метрополией и Канадой? Она ясно видит грозную опасность потери Канады. Она не зарывает голову в песок, считая более целесообразным смотреть опасности прямо в глаза и мобилизовать силы для борьбы с ней. Во всяком случае о ней говорят довольно открыто. Так, напр., в конце истекшего года Окланд Геддс, б. английский посол в Вашингтоне на торжественном собрании English-Speaking Union (Союз говорящих по-английски, т.-е. Союз англо-американской дружбы), под председательством лорда Бальфура, заявил:

«Влияние Америки сильно в Лондоне, но оно бесконечно сильнее в Торонто... (Канада). Доминионы смотрят на вашингтонское правительство, как на родственное... Некоторые доминионы, в частности же, те, которые расположены у Тихого океана, чувствуют, что в Вашингтоне как-то инстинктивно понимают те трудности, которые им приходится с трудом раз'яснять в Лондоне... Часто случается, что наши доминионы, обращая свои взоры к нам, не получают сочувственного ответа и тогда они

переводят свои взоры в сторону Вашингтона, а Вашингтон не лишен глаз и тоже отвечает им взглядом» [1]).

Но при чем тут, спросит читатель—союз англо-американской дружбы, «Союз, говорящих по-английски», когда тут политически говорят на разных языках, когда перед нами не дружба, а вражда, непримиримое противоречие жизненных интересов? Пусть английские империалисты вынуждены признать, что «в случае конфликта между Великобританией и Соед. Штатами, положение Канады было бы прямо невозможным (unterly impossible. «Таймс» 4/II—25), проще говоря, чреватым огромными опасностями для Англии. Но ведь английский империализм вовсе не из тех, чтобы уступать без борьбы. Так при чем же здесь союз и дружба? Но такова уже лицемерная природа империалистической конкуренции, лицемерие, окрашивающее все нынешнее англо-американское сотрудничество. Все же смешно было бы закрывать глаза на целый ряд важнейших, веских, реальных причин этого нынешнего сотрудничества (мирный дележ добычи, необходимость взаимных уступок, общая борьба с «большевистской опасностью и с национально-освободительным движением на Востоке и т. д.). Только в данной статье мы взяли тему, относящуюся к другой стороне вопроса. И достаточно нам было поднять завесу над одним только «деликатным» вопросом в области взаимоотношений между этими крупнейшими хищниками мирового империализма, и мы увидели перед собой зияющую брешь в англо-саксонском блоке. А ведь это только одна из брешей. Ведь помимо борьбы за Канаду есть борьба между фунтом и долларом, борьба за новые рынки, борьба за мировые морские пути, за военное первенство на море—словом, борьба за мировую гегемонию, к чему стермится и тот и другой империализм.

Охватить весь сложный комплекс англо-американских отношений и, поскольку это возможно, уяснить себе их будущие перспективы можно только путем об'ективного и тщательно изучения всех составных элементов этой запутанной проблемы. Не должно быть никакого предвзятого подхода. Ни переоценка, ни недооценка, а правильная, детальнейшая калькуляция, правильная международно-политическая цена нынешнего англо-американского сотрудничества.

P. S. Считаем целесообразным дополнить статью небольшой выдержкой из последнего номера «Manchester Guardian Commercial» (15. II.), полученного уж после того, как статья была написана. Уж один заголовок статьи в таком солидном экономическом органе, как «M. G. C.», ярко освещает затрагиваемые в нашей статье вопросы: «Нашествие Соединенных Штатов на Канаду». (U. S. invasion of Canada).

«Накладывают руку на крупную промышленность».

Автор статьи сэр Чарльз Пирс, цитируя официальное торговое обозрение американского министерства торговли от конца ист. года, делает вывод, что оно «должно, наконец, убедить сомневающихся в том, что есть основания для беспокойства».

Пирса особенно волнует следующий абзац в американском официальном документе: «В экономическом и общественном отношении Канада должна быть рассматриваема, как северное продолжение Соед. Штатов, и наша торговля с Канадой, во многих отношениях, скорее представляет собою внутреннюю торговлю, а не внешнюю торговлю с другими странами».

[1]) Цитирую по „Communist Review, февр. 1925 г. М. Т.

И действительно, причина для беспокойства вполне основательная: американский империализм уже прямо третирует Канаду, как свою колонию. Но дело не в задетых патриотических сантиментах, а в упрямых фактах действительности. Сэр Пирс вынужден отметить следующие факты: «80% акций канадских автомобильных компаний находятся в руках Соед. Штатов. Захват лесной и хлопчато-бумажной промышленности принял такие размеры, что в Британской Колумбии (Зап. Канада) все крупные фабрики находятся в руках американцев. 98% продукции всей лесной промышленности экспортировано в Соед. Штаты, и лишь остаток в Великобританию... То же самое влияние Америки наблюдается во всякой отрасли канадской промышленности. Наши минеральные ресурсы потеряны для Канады и Британской империи, так как американские доллары захватили наши наиболее важные шахты. Американизация нашей индустрии имеет далеко идущее губительное влияние для отечественной торговли Канады».

И указывая на уже отмеченные в нашей статье данные о соотношении американских и английских инвестиций в Канаде и на тот факт, что «британские фунты вытесняют американские доллары сэр Пирс восклицает: That is startling!» («Это ужасно!»).

Ужасного, впрочем, тут нет ничего—обычная империалистическая конкуренция. Но зато в условиях англо-американской «дружбы» все это весьма любопытно...

М. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ЗА ЛЕНИНИЗМ. (Сборник статей. Государственное издательство. Москва. Ленинград. 1925 г. 488 страниц).

Никогда изучение ленинизма не поднималось на такую высоту, как в этот год, пережитый после смерти Ленина. Говорят, что человек не чувствует своего здоровья, когда он совершенно здоров и только потеряв его, начинает сознавать огромную его ценность. До некоторой степени это применимо к нашим отношениям к ленинизму. Пока жив был Владимир Ильич, многие не особенно заботились об изучении его литературных трудов. Знали, что нет и не будет такого серьезного общественного вопроса, на который Ленин не откликнулся бы живым словом, новой яркой мыслью, отчетливой, определенной точкой зрения. Знали, что никто так быстро и так близко не откликнется на текущие вопросы борьбы, как это сделал Ленин. И только в тот момент, когда Ленина среди нас не стало, многие очень остро почувствовали, что им не хватает знания ленинизма, что если они и теперь не узнают учения Ленина, не усвоят его, тогда ошибки почти неизбежны.

При этом надо иметь в виду, что на ряду с довольно еще сильным, сохранившимся ядром старой гвардии, на ряду с подпольщиками, прошедшими вместе с Лениным почти все стадии, все этапы борьбы за большевизм, за коммунистическую партию против всех видов оппортунизма и меньшевизма, в нашу партию, начиная с 1917 года, влились довольно значительные слои товарищей, которые истории этой борьбы не знают, сами ее не пережили, для которых теоретическое усвоение ленинизма является необходимейшим условием возможности работать с пользой для дела революции. Для многих из них годы гражданской войны, годы военного коммунизма были годами практического усвоения ленинизма, но многое для них осталось неясным, история прошлой борьбы во многом для них непонятна. То же самое следует сказать, даже еще в большей степени, о той молодежи, которая вошла и входит в наши ряды только теперь. Не следует также забывать, что в нашей партии имеется не один десяток тысяч выходцев из других партий, для которых втечение многих лет основой мышления был не ленинизм, а теории, враждебные ленинизму, которые втечение многих и многих лет вели активную борьбу с большевизмом. Если они «пришли с боями» к РКП., к ленинской партии, то не всегда можно сказать с уверенностью, что они пришли к нам, целиком отказавшись от своей прежней точки зрения.

Как бы ни было сильно влияние ленинизма в нашей партии, мы не можем, поэтому, быть уверенным в том, что в нашей собственной среде отдельные товарищи под влиянием трудных моментов нашей борьбы не сделают каких-либо серьезных отклонений от путей ленинизма, не поведут с ним борьбы; и именно потому, что мы убеждены глубочайше в том, что только на основе ленинизма мы можем выполнить стоящие перед нами задачи, законна и необходима с нашей стороны величайшая страстность в борьбе со всякой попыткой ревизии

ленинизма, подменой его какой-либо другой теорией и другой практикой. Вот почему такой страстный отпор получила и в нашей литературе и в жизни последняя попытка тов. Троцкого и отдельных троцкистов произвести такую ревизию ленинизма. Однако и теперь, после той дискуссии, которую мы имели в конце 1923 и в начале 1924 года и затем нового ее взрыва в конце 1924 года в связи с появлением книги тов. Троцкого «Уроки Октября», далеко не всем в нашей партии осталось неясным значение выступления тов. Троцкого с книгой, «которую все ждали» по выражению немецкого социал-демократического «Форвертса», органа социал-барматовцев.

Некоторым товарищам еще и теперь, кажется, что в этой дискуссии было много шума из-за пустяков. На заседании январского пленума 1925 г. ЦК РКП (б) и ЦКК РКП (б) тов. Троцкий заявляет, что он «мог бы привести в дискуссии достаточно веские, принципиальные и фактические возражения против выдвинутого обвинения именно в том, что «он преследует «цели «ревизии ленинизма», «умаления роли Ленина». И дальше: «я никоим образом не могу, однако, принять обвинения проведения мною особой линии («Троцкизма») и в стремлении «ревизовать ленинизм».

Что же это такое, однако? Выходит книга члена Политбюро ЦК «Уроки Октября». По словам тов. Троцкого в ней нет ничего из того, что ему приписывается: ни ревизии ленинизма, ни умаления Ленина, ни троцкизма, ни защиты в настоящем теории перманентной революции, ни неверного освещения роли Коминтерна и РКП в вопросах международной пролетарской революции; а вся партия, за исключением только отдельных товарищей, обрушивается на тов. Троцкого и на троцкизм, созываются всюду собрания, ведется горячее обсуждение в печати, выносятся резолюции, созывается экстренный, об'единенный пленум ЦК и ЦКК. На этом пленуме, за исключением только двух товарищей, об'единенный пленум ЦК и ЦКК выносит резкое осуждение линии тов. Троцкого и его выступления, осуждая это выступление именно как ревизию ленинизма. А тов. Троцкий со смиренным видом заявляет, что ничего такого не было и что если он «отказался, однако, от об'яснения на данной почве», то это он «сделал не только по болезни, но и потому, что «в условиях нынешней дискуссии всякое мое выступление на эти темы, независимо от содержания, характера и тона, послужило бы только толчком к углублению полемики, к превращению ее в двухстороннюю из односторонней, к приданию ей еще более острого характера». Мы считаем, поэтому, необходимым привести здесь эту краткую формулировку оценки выступления тов. Троцкого, которая сделана была январским пленумом ЦК и ЦКК на заседании 17/I—25 г.

„Т. Троцкий 1) полностью отрицает все то учение о движущих силах русской революции, которое давал Ленинизм, начиная с 1904 года, и на котором основана вся тактика большевизма в трех русских революциях; 2) выдвигает против большевистской оценки движущих сил русской революции и против ленинского учения о мировой революции свою старую теорию «перманентной революции»—теорию, которая полностью обанкротилась в трех русских революциях (а также в Польше и Германии) и которую т. Ленин не раз характеризовал, как эклектическую путаную попытку соединить мелкобуржуазный меньшевистский оппортунизм с «левой» фразой и как стремление перескочить через крестьянство; 3) пытается убедить партию, что большевизму, раньше чем стать на путь диктатуры пролетариата, пришлось «идейно перевооружиться», т. е., якобы, пришлось отказаться от ленинизма и стать на путь троцкизма; 4) проповедует теорию «рассечения» большевизма на две части:

а) большевизм до октябрьской революции 1917 г., имеющий, якобы второстепенное значение и б) большевизм с октября 1917 г., которому (большевизму), якобы, пришлось перерасти в Троцкизм, дабы выполнить свою историческую миссию; 5) самую историю октября «излагает» так, что исчезает роль большевистской партии и выдвигается на первый план роль личности самого т. Троцкого по формуле «герои и толпа», при чем версия о «мирном восстании», происшедшем будто бы еще 10 октября 1917 г., ничего общего с большевистскими взглядами на вооруженное восстание не имеет; 6) роль т. Ленина в октябрьской революции рисует крайне двусмысленно; дело изображено так, будто т. Ленин проповедывал взятие власти заговорщическим путем, за спиною Советов, и будто практические предложения т. Ленина вытекали из непонимания т. Лениным обстановки; 7) взаимоотношения т. Ленина с ЦК партии искажает в корне, изображая их, как непрерывную войну двух «держав»; т. Троцкий пытается заставить читателя поверить в эту «версию» путем опубликования (без разрешения ЦК) отрывок отдельных документов, преподносимых в ложном освещении и в искажающей правду связи; 8) рисует роль всего ЦК партии, руководящего восстанием, в таком свете, чтобы посеять глубочайшее недоверие к основному ядру партийного штаба теперь; 9) искажает важнейшие эпизоды революции с февраля по октябрь 1917 г. (апрельская и июньская демонстрация, июльские дни, предпарламент и т. п.); 10) искажает тактику Исполкома Коминтерна, пытаясь возложить ответственность на ядро его за неудачи в Германии, Болгарии, и т. п.— сея тем недоверие и к ЦК РКП и ИККИ".

* * *

Сборник «За ленинизм», в котором содержатся статьи т.т. Рыкова, Бухарина, Зиновьева, Сокольникова, Каменева, Сталина, Крупской, Бубнова, Андреева, Квиринга, Лебедева, Степанова, Куусинена, Каларова, Гусева, Мельничанского и к которому приложена статья т. Троцкого «Уроки Октября» и письмо тов. Троцкого тов. Ольминскому от 6 декабря 1921 г., является серьезным теоретическим и практическим обоснованием резолюции, принятой пленумом ЦК и ЦКК. И никому не удастся после аргументации, приведенной в статьях названных товарищей в нашей коммунистической среде защищать книгу, «которую ждали все» социал-предатели. Ни один серьезный коммунист не поверит, ознакомившись с этим сборником, заявлению т. Троцкого пленуму ЦК и ЦКК, ибо нужно было предположить, что вся партия с ума сошла и что все, начиная с ЦК и губкомов и кончая широкой партийной массой, ничего не понимают и не правы, а прав тов. Троцкий с его небольшой группой единомышленников. Тот, кто стал бы на такую точку зрения, должен был бы сделать и другой вывод: стало быть, может быть, правы и те, кто расхваливает книгу тов. Троцкого, как «книгу, которую все ждали»; стало быть, правы социал-бармартовцы, расхваливая выступление тов. Троцкого. Ведь не зря же это сочувствие, ведь не маневр это только! Стоит прочесть отзывы об этой книге, об этом выступлении враждебной нам социал-демократической и буржуазной печати, чтобы понять все это. Конечно, кое-что в этих похвалах тов. Троцкого этой буржуазной печатью есть из того, что Ленин охарактеризовал «пролезанием в щель» разногласий, возникающих в нашей партии, но есть, несомненно кое-что, что защищается этой буржуазной и социал-демократической печатью вполне добросовестно. Именно эта защита врагами позиции тов. Троцкого должна заставить всех сторонников РКП и большевизма особенно внимательно отнестись к мыслям, изложенным в сборнике «За ленинизм», изучить этот сборник.

* * *

Особое место в этом сборнике занимает статья тов. Крупской «К вопросу об уроках Октября»,—особое потому, что в некоторых кругах нашей партии распространялись слухи, что т. Крупская держится особого от партии мнения по вопросу о троцкизме. Когда появилась ее статья в «Правде», можно было наблюдать большую растерянность среди открытых и скрытых троцкистов, потому что статья тов. Крупской не оставляет никакого сомнения в том, что она с партией против троцкизма. При всей мягкости, с какой написана статья, она каждой строкой бьет троцкизм. Некоторые жалостливые троцкисты вначале плакались, что очень резко нападают на тов. Троцкого. Тов. Н. К. Крупская пишет по этому поводу:

> „Жаловаться на это т. Троцкому не приходится. Он не первый год живет на свете, и знает, что написанная в таких тонах статья, как «Уроки Октября», должна была вызвать и соответствующий тон полемики... Не в этом дело. Дело в том, что, призывая изучать «Уроки Октября», т. Троцкий предлагает изучать их не так, как нужно. Он предлагает изучать тех или иных лиц в Октябре, роль того или другого оттенка в ЦК и т. п. А изучать надо не это.
>
> Изучать надо прежде всего то международное положение, которое было в октябре, соотношение тогдашних классовых сил в России.
>
> Зовет ли к этому тов Троцкий? Нет. А без глубочайшего анализа исторического момента, без учета реальных сил, их соотношения победа была бы невозможна".

«Через этот вопрос как-то перескакивает тов. Троцкий», отмечает тов. Крупская и добавляет, «марксистский анализ не являлся никогда сильной стороной тов. Троцкого. Отсюда и недооценка у него и роли крестьянства». На этом вопросе недооценки роли крестьянства тов Крупская не останавливается только потому, что об этом уже «много писалось». Как могут видеть из этого замечания товарищи, и тов. Крупская считает это обвинение против тов. Троцкого правильным.

Второе обвинение, которое выдвигает тов. Крупская, заключается в том, что «тов. Троцкий много говорит о партии, но партию-то он сводит к руководящему штабу, руководящему персоналу». Характеристика прямо убийственная для товарища, который претендует на исключительную роль защитника партийной демократии. И именно потому, что он партию сводит к руководящему штабу, именно потому «роль партии в целом, роль партийной спайки по всей линии как-раз и не понимает тов. Троцкий». «Для него партия равнозвучаща штабу. Возьмем пример: «Что такое большевизация коммунистических партий?—пишет он в «Уроках Октября».—Это—такое их воспитание, такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент Октября». Эта чисто «административная» точка зрения крайне поверхностна», правильно замечает тов. Крупская.

Третий, не менее серьезный, упрек заключается в том, что «т. Троцкий не учел, и не учитывает правильно роль и значение масс». «В «Уроках Октября«,—замечает по этому поводу т. Крупская,—мы не находим призыва к изучению этой стороны Октябрьской революции. Напротив при оценке германских событий тов. Троцкий недооценивает пассивности масс».

Особенно ценно для нас то, что тов. Крупская останавливается на книжке Джона Рида. Мы знаем, что во время дискуссии на этой книжке кое-кто пытался спекульнуть. Появились довольно аляповато изданные «популярные изложения» этой книжки, в которых роль Центрального Комитета нашей партии была представлена совершенно карикатурно. Тов. Крупская поэтому об'ясняет, что «по Риду нельзя изучать исто-

дрейфят при подымающемся восстании. Еще хуже, если дрейфят при тяжелых испытаниях революции, после взятия власти. Удержание власти на другой день революции не менее важно, чем взятие власти. Если т. Троцкий сдрейфил в период Бреста, в период тяжелых испытаний нашей революции, когда дело чуть было не дошло до сдачи власти, то он должен понять, что октябрьские ошибки Каменева и Зиновьева тут совершенно не причем".

В особенности мы обращаем внимание на оценку теории перманентной революции в статьях т.т. Сталина и Бухарина. Тов. Сталин своевременно подчеркивает, что:

„до сих пор отмечали обычно одну сторону теории перманентной революции—неверие в революционные возможности крестьянского движения, теперь для справедливости эту сторону необходимо дополнить другой стороной—неверием в силу и способности пролетариата России".

„Чем отличается—спрашивает т. Сталин—теория т. Троцкого от обычной теории меньшевизма о том, что победа социализма в одной стране, да еще в отсталой, невозможна без предварительной победы пролетарской революции в основных странах Западной Европы.

По существу дела—ничем. Сомнения невозможны—теория перманентной революции т. Троцкого есть разновидность меньшевизма".

В статье тов. Каменева «Партия и Троцкизм» товарищи найдут также достаточно яркую картину того, как тов. Троцкий «пытается убедить партию, что большевизму раньше, чем стать на путь диктатуры пролетариата, пришлось «идейно вооружиться», т.-е. якобы пришлось отказаться от ленинизма и стать на путь троцкизма». (Резолюция о выступлении тов. Троцкого. Пленум ЦК и ЦИК 17 января 1925 г.).

В статье тов. Молотова «Об уроках троцкизма», в которой тов. Молотов дает особенно яркую оценку книге тов. Троцкого «о Ленине», товарищи найдут не мало доказательств того, как и какими путями тов. Троцкий выпячивает свою собственную фигуру, заслоняя Ленина, умаляя его. Тов. Молотов анализирует картину, созданную тов. Троцким, отбрасывает кое-какие украшения и получается сопоставление, которое в очень многих из нас, читавших книгу тов. Троцкого, вызывало чувства глубокой обиды за тов. Ленина.

„После всего этого стоит взглянуть через такие очки Троцкого на вождя Октябрьской революции. Перед нами стоит не Ленин, не наш Ильич, а совершенно жалкий образ запутавшегося в событиях человека. Троцкий снисходительно, конечно, находит оправдания для Ленина: Ленин-де переоценивал догадливость врага, Ленин не имел возможности из своего подполья оценить перелома, происшедшего к этому времени в ходе революционных событий и настроений. Да к тому же, ведь, Ленин вечером 25-го октября (Троцкий прибавляет: «только теперь, вечером 25-го октября»!..) понял (понял!) «путь, каким пошли события»! Но после такого оправдания, приписанных Ленину чудовищных ошибок (конспиративное заговорщичество, захват власти партией за спиной Советов и т. п.) Ленину уже не подняться в настоящие вожди октябрьского переворота. Если судить по Троцкому—не подняться! Троцкий приготовил для него совсем другое место.

Теперь посмотрим, как по сравнению с этим Троцкий изображает свою роль в октябрьских событиях. В книге «О Ленине» об этом говорится не так ясно, как в знаменитых «Уроках Октября». В этих последних Троцкий изображает себя организатором «тихого», почти «легального», или, как он еще говорит, «сухого», вооруженного восстания 9-го октября, к которому «восстание 25-го октября имело только дополнительный характер». Оказывается, когда «мы Петроградский Совет опротестовали приказ Керенского о выводе $^2/_3$ гарнизона на фронт, мы уже вступили, фактически, в состояние вооруженного восстания. Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении, а между тем исход восстания 25-го октября был уже на $^3/_4$, если не более, предопределен в тот момент». Дальше, по Троцкому, оказывается, что мы еще за две с лишним недели до с'езда Советов на $^3/_4$, если не на $^9/_{10}$ совершили октябрьский переворот.

Вот теперь перед нами полная картина, на которой нарисованы Ленин и Троцкий в октябрьские дни: один—Ленин—жалким заговорщиком, другой—Троцкий, который «на $^9/_{10}$» провел это восстание. Перед нами Ленин—неудачник «конспиративного заговора» и рядом Л. Троцкий—герой «тихого» восстания.

Легко сравнить, не трудно выбрать не только партии, но и широким беспартийным кругам!"

Какие открытия делают «Уроки Октября» тов. Троцкого?

1) Что партия наша имела в себе правое крыло. Тов. Троцкий изображает дело так: что одна часть нашей партии, по существу дела, все время вела не большевистскую, а социал-демократическую политику. В марте 1917 года тов. Троцкий писал, что «когда разразилась революция 1917 года, большевистская партия определила после небольшой внутренней борьбы свою тактику в сторону социалистической диктатуры рабочего класса». В «Уроках Октября» тов. Троцкий рисует дело совершенно не так. Выходит, что внутренняя борьба была жесточайшая, что партия не была едина. Этот вопрос достаточно широко освещен в статьях тов. Сталина «Троцкизм или ленинизм», Зиновьева «Большевизм или троцкизм», Сокольникова «Как подходить к истории Октября», Бубнова «Уроки Октября», Квиринга «Ленин, заговорщичество, Октябрь» и Бухарина «Как не нужно писать историю Октября». Мы отсылаем товарищей к этим статьям, так как они восстановляют действительную картину тех отношений, какие существовали между Лениным и Центральным Комитетом нашей партии и всей партии. Прав тов. Зиновьев, который утверждает, что, несмотря на разногласия, бывшие в нашей партии, порою чрезвычайно серьезные, у нас не было и быть не могло правого крыла. Тов. Сталин приводит дословные выдержки из протоколов заседаний Центрального Комитета от 10 и 16 октября 1917 года, которые целиком разрушают легенды, выдвинутые тов. Троцким по поводу отношений Центрального Комитета нашей партии к лозунгам восстания.

Из «Уроков Октября» мы узнаем далее, что Ленин проповедывал заговорщическую тактику и от последствий этой гибельной заговорщической тактики спас нас тов. Троцкий. Эти моменты очень хорошо освещены в статьях т.т. Каменева, Сталина, Зиновьева и Квиринга. Вся фальшь этого утверждения заключается в том, что по существу дела тов. Троцкий пытается нам подсунуть меньшевистскую теорию восстания.

В «Уроках Октября» мы находим, наконец, резкое выступление против Коминтерна, тактики Исполкома Коминтерна. Тов. Троцкий пытается возложить ответственность на ядро Исполкома Коминтерна за неудачи в Германии и в Болгарии и т. п., сея тем недоверие и к ЦК РКП и к ИККИ. По этому вопросу товарищи найдут в сборнике две исчерпывающие статьи т.т. Куусинена и Коларова. Стоит только сопоставить две цитаты, поставленные эпиграфом в статье тов. Куусинена «Неудавшееся изображение немецкого Октября», чтобы понять всю вздорность обвинений, выдвинутых тов. Троцким. По поводу этих двух разных изображений «германского Октября», данных тов. Троцким, на протяжении незначительного перерыва, тов. Куусинен задает законный вопрос: «Какое же из двух его изображений германского Октября соответствует подлинному положению вещей?» и отвечает: «полагаю ни одно из них не было правильно».

Весь сборник проникнут глубоким внутренним единством, несмотря на различный подход к теме. Сборник начинается статьей тов. Рыкова

«Новая дискуссия», в которой тов. Рыков отмечает, что «мы присутствуем при странной попытке тов. Троцкого навязать нашей партии его прошлую политическую программу. Эта попытка идет со стороны политического деятеля, который до вхождения в коммунистическую партию никогда не являлся лидером какой-нибудь массовой партийной организации». Тов. Рыков указывает на попытку небольшой группы в нашей партии произвести перегруппировку партийных сил. В 1923 году эту перегруппировку партийных сил товарищи мотивировали тем, что

„мы стоим перед близящимся потрясением червонной валюты, которая стихийно превратилась в основную валюту до ликвидации бюджетного дефицита, перед кредитным кризисом, когда Госбанк без риска тяжкого потрясения более не может финансировать не только промышленность и торговлю промышленными товарами, но и закупку хлеба для экспорта." (Записки 46-ти).

Теперь каждому ясно, к чему привела бы такая перегруппировка партийных сил, каковы были бы гибельные последствия такой перегруппировки. На этот вопрос отвечает тов. Зиновьев (стр. 143—149). Тов. Рыков, конечно, выражает мнение подавляющего большинства нашей партии, не допуская и мысли о том, чтобы «после Октября 1917 г., когда партия большевиков пришла к политической победе, и влияние ее стало международным, чтобы именно в этот период партия оказалась как-раз той организацией, которую можно наполнить терпевшим поражение во всей истории рабочего движения троцкизмом».

Особо стоит статья тов. Мельничанского. Молодым товарищам, не знающим истории вступления тов. Троцкого в нашу партию, верящим на слово заявлениям, будто бы февральская революция окончательно ликвидировала разногласия тов. Троцкого с партией большевиков, необходимо прочесть эту статью. Тов. Мельничанский рассказывает в ней, как он, приехавший из эмиграции, вскоре же связался с Центральным Комитетом нашей партии и редакцией «Правды». Еще в мае месяце 1917 года тов. Троцкий упрекал его за то, что он поспешил связаться с Центральным Комитетом. «Вы,—говорил он тов. Мельничанскому,—не знаете режима Ильича. Ильич не терпит инако мыслящих». К сожалению и до сих пор т. Троцкий остался таким инако мыслящим в нашей партии.

Наконец, необходимо обратить внимание на статью тов. Гусева «Как вооружалась революция (РКП и Красная армия)». И по этому вопросу существует достаточно много легенд, связанных с именем т. Троцкого. И в этом вопросе роль партии совершенно искажена, роль т. Ленина совершенно затушевана. Следует, поэтому, приветствовать попытку тов. Гусева осветить хотя бы отдельные моменты этой истории. Иначе получается действительно несоответствующая всей нашей марксистской линии теория об исключительном значении одного из многочисленных работников нашей партии в деле создания Красной армии, в деле обороны революции.

Следует пожелать, чтобы второе издание этой книги было бы тщательно просмотрено и лучше издано. Книга должна стать настольным руководством для всех, кто хочет изучить историю нашей партии в ее взаимоотношениях с троцкизмом. Ее следует горячо рекомендовать в особенности нашим молодым товарищам, недавно вступившим в партию. Она предостережет многих от возможных уклонов. И мы надеемся, что она поможет и тов. Троцкому не поддаваться той «неведомой силе», которая вновь и вновь влечет его «к грустным берегам» дискуссионных потоков» (из статьи тов. Сокольникова).

Ем. Ярославский.

В. АДОРАТСКИЙ. О теории и практике ленинизма (революционного марксизма) «Красная Новь» Москва 1924 г. Стр. 141.

Диалектическое единство теории и практики есть одно из основных положений методологии Маркса и Ленина.

Рождаясь из практики, являясь осмысливанием, обобщением, об'яснением ее опыта, теория стремится к «познанию истины, т.-е. познанию действительности, как она существует об'ективно», реально, практически. Теория ставит себе задачу открыть закономерность изменяющейся действительности, отыскать ее всеобщие законы и тенденции, проследить затем особенные, своеобразные формы проявления этой всеобщности на всех этапах ее развития и в каждом данном времени и месте, при всех (по крайней мере приближенно) данных связях, опосредствованиях и «возмущающих влияниях». Так практика возводится в степень познанной, переходит в научную теорию, только затем, чтобы теория могла служить практике, делать практику сознательней, уверенней, революционней. Выходя из практики, осмысливая практику, переходя в практику, теория поэтому находит, в конечном счете, свой основной критерий, свое испытание и подтверждение или опровержение именно в практике. Практика проверяет обобщения, выводы и предсказания теории, отметая все то, что не верно, извращенно отображает и об'ясняет действительность. Но зато теоретические законы и положения, выдержавшие испытание «огнем и мечом» практики, входят в ее наиболее ценный инвентарь и подымают практику на высоту сознательной и целесообразной революционной деятельности.

Недаром Ленин—величайший революционер всех эпох—говорил, что «без революционной теории не может быть революционного движения», недаром он провозгласил, что «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией», недаром на всем протяжении своей работы он требовал изучения марксизма и большевизма и был в наше время самым передовым борцом за революционную теорию Маркса против всех и всяческих попыток замазать, исказить, опошлить ее революционный метод и содержание. Недаром, наконец, Ленин сам является величайшим и глубочайшим теоретиком нашей эпохи, развивавшим марксизм сообразно новым условиям и задачам борьбы, поднявшим его на новую современную ступень—на ступень ленинизма. Но именно Ленин еще в 1894 г. писал: «подчеркиванием необходимости важности и громадности теоретической работы социал-демократов (так тогда называлась наша партия.—*П. С.*) я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед практической (курсив Ленина.—*П. С.*)... Задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных, настоящих врагов, стоящих на действительном пути данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу (курсив мой.—*П. С.*),которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии Либкнехт словами: «Studieren, Propagandieren, Organisieren» [1]).

Итак — проверенная и проверяемая практикой передовая теория является в свою очередь необходимым неот'емлемым фактором революционной практики партии передового борющегося класса.

[1]) «Изучать, пропагандировать, организовать». Цитата взята из брошюры «Что такое друзья народа...»; собр. соч. т. I; стр. 209.

В другом месте Ленин, говоря о марксизме, выражает эту мысль следующими словами: «эта теория прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплоатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить, таким образом, пролетариату для того, чтобы он, как можно скорее и как можно легче, покончил со всякой эксплоатацией» (Курсив Ленина.—*П. С.*). «Следовательно,—подчеркивает Ленин,—прямая задача науки, по Марксу, это—дать истинный лозунг борьбы» [1]). (Курсив мой,—*П. С.*).

Эти слова Ильича, как и слова Маркса-Энгельса: «наша теория не догма, а руководство для действия», превосходно показывают необходимость диалектического единства теории и практики, их взаимного оплодотворения, взаимного развития. Задача теории, науки,—«дать истинный лозунг борьбы»... Но ведь освещать дорогу текущей и грядущей борьбы лучом теории, это значит прилагать эту теорию к изучению возникновения и движения новых условий, форм и особенностей, в которых общая тенденция развития в каждом данном месте и времени своеобразно проявляется и развивается. А такое изучение новых, своеобразных форм развития общего процесса и означает обогащение, развитие, новое продвижение теории, завоевание ею новых позиций. Отсюда ясно, что чем теснее теория, наука связана с революционной практикой, чем более она ей служит, тем больше практика служит теории обогащает и углубляет достижения науки.

Так стоит вопрос о единстве теории и практики у Маркса, Энгельса, Ленина. Наша партия и сильна именно тем, что она зорко блюдет единство теории и практики. И горе тому, кто в наших рядах увлекаясь «теорией» отрывает ее от революционной практики или тому, кто предается узкому делячеству и забывает высокую важность и ценность теории.

Я позволил себе несколько остановиться на вопросе о теории и практике именно потому, что на мой взгляд т. Адоратский уделяет ему недостаточно внимания в своей книжке «О теории и практике ленинизма (революционного марксизма)» [2]).

Второй вопрос, который мне хотелось бы здесь поднять и который у тов. Адоратского почти совсем не развит—это вопрос о характеристике диалектики у Вл. Ил. Ленина.

Автор в предисловии указывает, что одной из целей брошюры явилось... «дать краткую характеристику диалектики Владимира Ильича. Но ведь дать такую характеристику—это значит указать и своеобразие сферы приложения диалектики у Владимира Ильича, своеобразие, которое вызвано новой эпохой, иными условиями борьбы и т. д. Между тем, этого у автора мы как раз и не находим. Я сказал: «своеобразие сферы приложения диалектики у Вл. Ил. Ленина». Не значит ли это противопоставлять диалектику Ленина диалектике Маркса, как нечто иное, противоположное? Отнюдь и ни в коем случае не значит: диалектический метод Ленина есть диалектический метод Маркса, очищенный от метафизической шелухи и грязи, которыми постарались его залепить теоретики II Интернационала, восстановленный в его марксовом, революционном понимании и примененный к теории и практике передовой партии борющегося за власть пролетариата в эпоху империализма, войн, пролетарских революций, т.-е. в новую, иную эпоху, чем та, в которую работал и боролся Маркс и Энгельс.

[1]) Собр. Сочинений т. I, стр. 238.

[2]) Кстати:—т. Адоратский написал: „. . . ленинизма (революционного марксизма)", поставив т. о. знак равенства между этими понятиями. Это и верно и не верно. Это верно, поскольку ленинизм есть, во-первых, возврат к учению Маркса-Энгельса во всем его революционном содержании, которое эпигоны из II Интернационала замазали, извратили, одели в оппортунистическое платье. Это верно, во-вторых, поскольку Ленин целиком и полностью усвоил методологию Маркса и Энгельса и превосходно умел ею воспользоваться. Это неверно, поскольку ленинизм есть революционный марксизм новой эпохи—эпохи империализма, войн, революций и пролетарской диктатуры, и стало быть является (как это уже указывалось т.т. Бухариным, Сталиным и др.) продолжением учения Маркса-Энгельса, применением его к изучению новых условий, развитием в нем ряда новых сторон. Поэтому следовало бы сказать ленинизм—революционный марксизм эпохи краха капитализма и пролетарской диктатуры.

Но именно то, что он применялся Лениным в новую эпоху, к новым, иным условиям борьбы для разрешения новых задач и т. д., именно это, наложило свою печать на приложение диалектического материализма у Ленина.

Какие же особые условия отличают эпоху и пролетарскую борьбу периода Маркса и периода Ленина? Говоря кратко—эпоха Маркса была эпоха революционного подготовления пролетариата, как класса для себя и первых его революционных самостоятельных шагов на арене исторической борьбы. Эта эпоха выковала диалектический метод Маркса и Энгельса, как единственный последовательно-революционный метод пролетарского мышления и она же перенесла центр тяжести его приложения, главным образом, на осмысливание и открытие общих законов капиталистической, т.-е. исторически особенной формы общества, классовой борьбы в ней, общих условий завоевания диктатуры пролетариата и, наконец,—общих форм самостоятельной боевой организации пролетарского класса.

Чем отличается эпоха Ленина и задачи борьбы этого периода от марксовых? Во-первых, тем, что это эпоха, когда размах социальных потрясений и переворотов шире, глубже и быстрее по темпу, чем в эпоху Маркса. Во-вторых, тем, что она есть эпоха не развивающегося, как во времена Маркса, а загнивающего, распадающегося капитализма. Поэтому, в-третьих, она отличается от эпохи Маркса тем, что ставит в порядок текущего дня завоевание и укрепление диктатуры пролетариата в огне величайшей и жесточайшей и сложнейшей классовой борьбы. Таковы особенности эпохи Ленина.

Коротко говоря, эпоха Ленина есть эпоха, продолжающая революционную пролетарскую теорию, традицию и борьбу эпохи Маркса в новых, чрезвычайно сложных, исторических условиях и в иных формах.

Являясь вождем революционной партии пролетариата эпохи империализма, войн, восстаний и пролетарской диктатуры, Ленин должен был теоретически и практически руководить пролетариатом, который борется за власть, ведя за собой остальную массу угнетенных в чрезвычайно сложной обстановке, при чрезвычайно быстро меняющихся исторической ситуации и соотношении классовых сил.

Очевидно, что это все должно было неизбежно направить внимание Ленина, во-первых,—на очищение революционной теории и метода Маркса от филистерской пошлости и мещанской грязи «теории» II Интернационала, во-вторых, на умение применять метод и теорию Маркса к условиям борьбы в новую эпоху, к вопросам теории и практики борьбы пролетариата за власть.

Отсюда—разоблачение Лениным природы империализма, как разлагающегося капитализма, природу которого с.-д. так замазывали и прикрывали. Отсюда разработка вопросов о формах боевого союза пролетариата с крестьянством, об освобождении угнетенных наций, о дикта-

туре пролетариата, о Советской ее форме, о соотношении класса и партии, о боевом характере программы, тактики и организации пролетарской партии и т. д. Отсюда же у Ленина и величайшее умение пользоваться диалектикой Маркса, применяя ее к сложнейшей обстановке и задачам классовой борьбы и гражданской войны.

Важно понять, писал Ленин, что «в революционные времена об'ективная ситуация меняется так же быстро и круто, как быстро вообще течет жизнь. А мы должны суметь приспособить свою тактику и свои ближайшие задачи к особенностям каждой данной ситуации»[1]).

Нужно понять, что именно в нашу эпоху для вождя партии, борющегося за власть пролетариата, требуется величайшее умение видеть не только общие задачи, но и особенности задач каждого момента борьбы, уменье, не теряя перспективы, ориентироваться в своеобразии сложного переплета борьбы каждого данного времени и места и не просмотреть подвижных граней его, во-время ухватить, понять «главную задачу дня», чтобы лучше сманеврировать, чтобы вернее итти к цели. В такую эпоху для революционной партии передового класса «надо уметь найти в каждый данный момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем, порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной, цепи»[2]).

«Лозунг борьбы,—говорил Ленин,—нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее при переходе из одной формы в другую, чтобы в каждый данный момент определить положение, не упуская из вида общего характера борьбы, общей цели ее»[3]).

Вот почему Ленин в методе диалектического материализма особенно ценил и подчеркивал положение о конкретности истины, т.-е. о том, что истина есть закон всегда определенной, всегда особенной формы, своеобразно-общего процесса. Чтобы уметь верно осмыслить действительность, да еще так быстро и круто изменяющуюся, как в нашу эпоху, вождю партии борющегося за власть пролетариата, нужно было с величайшей силой уметь пользоваться этим положением, видя всегда общее в особенном и находя своеобразное, характерное лицо данного момента общего процесса жизни. И не даром Ленин любил повторять: «самая суть, живая душа марксизма в конкретном анализе конкретной ситуации».

В отчетливой выпуклой постановке и умении Ленина применять диалектический метод Маркса, в частности положение о конкретности истины к теории и тактике революционной партии борющегося за власть пролетариата в эпоху империализма, войн и пролетарской диктатуры заключается своеобразие применения Лениным марксовой методологии.

Я позволил себе задержаться также и на этом вопросе, ибо он в таком разрезе не затрагивается в книжке тов. Адоратского. А

[1]) «Ленинский сборник» II. «Письма издалека». Письмо III, стр. 354.
[2]) «Очередные задачи советской власти», Т. XV, стр. 223.
[3]) Т. I. Стр. 238.

между тем, нам думается, этот вопрос требовал бы внимательного изучения со стороны тов., которые занимаются вопросами ленинизма.

Что касается книжки тов. Адоратского, то она (кроме указанных крупных других упущений) в общем дает простой, наглядный, достаточный для середняка-партийца ответ на вопрос о теории и практике ленинизма. Пропуски отдельных частных вопросов, неточные выражения, скорее относящиеся к неудачным стилистическим оборотам и редакционному недосмотру и, наконец, кое-какие пропуски в библиографии важнейших произведений Ленина (напр., пропущены: «Рабочая партия и крестьянство»—«Искра» № 3, апрель 1902 г., «Аграрная программа русской с.-д.»—«Заря» № 4, август 1902 г., «Шаг вперед—два назад», Аграрная программа в русской революции 1905—1907 г. и некоторые другие) мало влияют на только что данную основную оценку книжки.

П. Сапожников.

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.